Уэльс

Международная катастрофа 1914 года и ее последствия

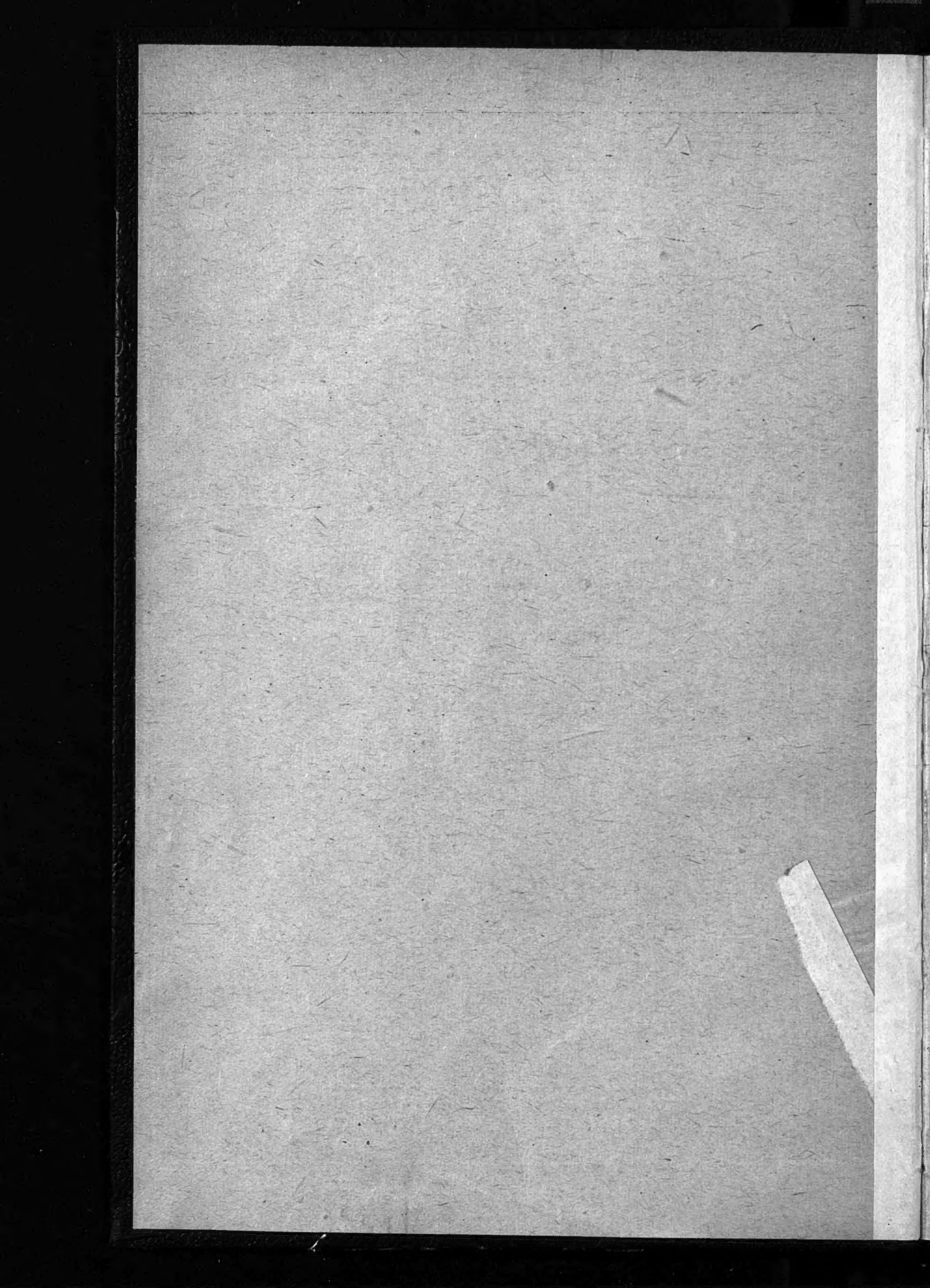
ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

МЕЖДУНАРОДНАЯ КАТАСТРОФА 1914 ГОДА

И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА .. 1923 .. ПЕТРОГРАД

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

МЕЖДУНАРОДНАЯ КАТАСТРОФА 1914 ГОДА

И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ВЛ. КРУКОВСКОГО

С предисловием Р. АРСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . . 1923 . . . . ПЕТРОГРАД

Гиз. № 4149 Отпеч. 10000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Уэллс известен русской читающей публике, как беллетрист и художник с определенным уклоном к общественности. Он живо реагировал на события войны в своем интересном романе, печатавшемся (с крупными цензурными помарками) в журнале «Летопись». Его все время влекло к выяснению таких фактов, которые выходят из круга обыденных отношений. Именно этим обостренным чувством художника и общественника была продиктована его поездка в Россию, итоги которой он подвел в своей книге «Россия во мгле».

В настоящей книге он занят другими вопросами: в ней он не художник-беллетрист, а внимательный публицист, который старается изучить движущие силы войны и дать ответ на вопрос о ее причинах и тех крупных перспективах, которые встают ныне перед человеческим обществом.

Однако, в этом интересном и своеобразном анализе он исходит не из предпосылок капиталистического развития и империалистических мотивов, сколько из мотивов личного характера отдельных правителей. В этом отношении он придает слишком крупное и чуть ли не решающее значение личности Вильгельма II или Бисмарка, которые играли, несомненно, известную роль, но жизнь все же складывалась не по их указке и их желанию.

Неправ Уэллс, придавая слишком большое значение воспитанию юношества и представляя дело таким образом, что школьная система Германии породила империализм, между тем как империализм создал школу и методы ее педагогического воздействия.

Империализм был определенной стадией в развитии Германии, но его создала не воля Вильгельма, а условия экономиче-

ского развития. С другой стороны, группировки великих империалистических держав накануне войны создались тоже не в результате воли общественных деятелей того времени, а под знаменем того же империализма. Точно таким же является отношение Уэллса и к английскому империализму, которому он приписывает совершенно особые черты с налетом романтизма. «Под чарами восточной фантазии Дизраэли, сделавшего королеву Викторию «императрицей», англичанин с готовностью проникался туманной экзальтацией современного империализма», — говорит Уэллс, причем, разумеется, это утверждение не верно. Английский империализм рожден и взлелеян теми же силами, как и немецкий; известные слои общества заинтересованы в нем, а это создает и соответственное направление в школе, церкви, печати и пр.

«Королева Виктория и ее преемники, — Эдуард VII и Георг V, ни по своему темпераменту, ни по своим традициям, не были склонны носить «блестящие доспехи», потрясать «бронированными кулаками» и размахивать «добрыми мечами» на манер Гогенцоллернов» (стр. 22). Пусть даже и не было этих внешних атрибутов империализма, но все же английский империализм не уступал германскому в своей жадности, аггресивности и жестокости. Английский империализм умел не хуже германских грабителей топтать ногами все веками создавшиеся отношения и организмы, если это отвечало его видам, причем затем старался позолотить пилюлю, делая кое-какие уступки. Именно таким и было его отношение к бурским республикам, которые были завоеваны и порабощены огнем и мечом, но которые, вопреки утверждению автора, до сих пор не «превратились в довольных своей судьбой голландцев».

Уэллс старается установить известное различие между английским и немецким империализмом, но это удается ему только с большими натяжками. Однако, даже и помимо этого получается достаточно внушительная картина, которая тем ярче, что нарисовал ее Уэллс, заподозрить которого в революционных намерениях нельзя.

Недостаточная подготовка в экономических вопросах вызвала то, что даже империалистическую войну автор об'ясняет «состоянием умов данной эпохи». Это не верно: война родилась из развития капитализма и империализма и их предпосылок, а к этому уже было подогнано состояние умов, идеология войны, взаимного истребления и грабежа. Вместе с этим и вслед за этим

рухнула эпоха удобств, комфорта, доверия и культурных человеческих отношений в Европе.

Во всей книге сквозит одна и та же мысль, которая сильно понижает ее достоинства — это умаление значения экономических факторов, доходящее до утверждения, что танк, введенный в действие раньше, мог бы по-другому направить и разрешить судьбы войны. «Танки произвели на германцев сильное впечатление. Если бы они были применены в достаточном количестве в июле, под руководством энергичного и одаренного воображением генерала, то они тотчас довели бы войну до конца» (стр. 62).

По преимуществу этические соображения — думает Уэллс — побудили Соединенные Штаты вступить в войну, а ничуть не соображения империалистической политики, заставлявшие опасаться чрезмерного усиления Германии в результате ее победы. Не совсем верна также оценка психологических настроений в среде рабочих и солдат всех воевавших стран. В начале войны они ожидали, по мнению Уэллса, улучшений в области экономических нужд; эти ожидания не сбылись и «преждевременное разочарование в этих надеждах вызвало русскую катастрофу» (стр. 71). Это утверждение опять таки грешит известною односторонностью, так как экономический развал и хаос, упадок производственных сил, вызванный отсталостью России и чрезмерным напряжением всего хозяйства, вызвали срыв фронта и тот упадок надежд, на который указывает Уэллс.

На дальнейших страницах Уэллс рисует картину после-военного положения. Здесь опять таки можно выдвинуть тот же упрек — слишком недостаточной оценки экономических факторов при чрезмерном увлечении этическими и нравственными факторами. Несмотря на этот недостаток, — как раз эти страницы являются особенно яркими и интересными, давая обзор настроений рабочих и обывательских масс после войны в буйный период наступлений и борьбы. К тому же эти страницы написаны человеком, которого нельзя заподозрить в чрезмерных симпатиях к революции.

В такой обстановке власть имущие должны были приступить к восстановлению мира, улучшению положения и спасению от угрожавших опасностей. Спасителем и провиденциальным человеком был президент Вильсон, к которому Уэллс относится с уважением и даже поклонением. Его четырнадцать пунктов были восторженно встречены всем миром. «Они, казалось, предлагали

мир, приемлемый для всех здравомыслящих людей, одинаково удовлетворительный и подходящий для честных и искренних немцев и русских, как и для честных и искренних французов, англичан и бельгийцев: на несколько месяцев весь мир загорелся верой в Вильсона» (стр. 88).

Здесь опять прежняя Уэллсовская точка зрения и идеализация личности, вне зависимости даже от того, заслуживает ли она этого или нет. В оценке личностей главных действующих лиц Версальских переговоров, автор резко расходится с Кейнсом и другими, которые дают более близкие к действительности характеристики. К тому же и самоумиление человечества перед Вильсоном в момент особенного расцвета его славы тоже вряд ли распространялось шире кругов мелкой буржуазии, особенно жаждавшей мира. Рабочие были далеки от такой идеализации, а крупная буржуазия расценивала Вильсона лишь с точки зрения золота, которое стояло за ним, как одним из наиболее сильных его аргументов.

Принимая участие в выработке мирного договора, Вильсон резко разошелся с настроениями буржуазии Соединенных Штатов, так как она уклонилась даже от ратификации договора и вообще отошла в сторону от европейских дел. Оценка этого события дана своеобразная с точки зрения идеализма, от которого Уэллс никак не может отделаться на протяжении всей своей книги.

Еще в большей степени теми же дефектами грешит заключительная глава, посвященная перспективам дальнейшего развития человечества. Уэллс предполагает, что, в конечном итоге, должны создаться Соединенные Штаты Европы, основанные на идеалистических соображениях, взглядах и разуме. Это — утопия, так как в действительности преобразованное общество может исходить исключительно только из экономических предпосылок, которые и создадут затем идеологию и взгляды, которыми впоследствии и будет руководиться общество. Само собою разумеется, что религиозные взгляды не будут играть существенной роли, а между тем Уэллс выдвигает их чуть ли не на первый план. «Это будет чистая и незапятнанная религия, как таковая, царство небесное, братство, творческое служение и самоотверженность» (стр. 124).

Несомненно, что эти взгляды не будут играть такой роли, как предполагает Уэллс. Совершенно новые взгляды, новая идеология народится в связи с колоссальным преобразованием чело-

веческих отношений, неизбежность которого становится все более очевидной.

Этот краткий обзор дает представление об основных взглядах Уэллса и том налете идеализма, который окрашивает всю его книгу.

Уэллс расходится в оценке мотивов современного движения, смотрит по-своему на человеческие отношения, создавшиеся после войны, но, исходя даже из ошибочных или неправильных предпосылок, все же приходит к выводам, в которых сходится с нашими основными взглядами. Человечество не может продолжать жить в той общественной обстановке, которая создалась после окончания империалистической войны, после краха мирных ожиданий и надежд буржуазии.

В этом отношении прав Уэллс, указывая на то, что возврата к старому быть уже не может, что человечество должно найти новые пути и новые вехи для своего развития, иначе оно будет обречено на застой и регресс.

Уэллс дает яркую критику буржуазного общества и старается наметить новые условия жизни, отличающиеся в корне от того, что существует в настоящий момент. Вся цивилизация в огне войны перенесла величайшие испытания, с которыми она не справилась. Как беспристрастный наблюдатель, крайне чуткий и внимательный, — Уэллс подмечает много интересных черт и обстоятельств и заостряет их своей критикой.

Разумеется, нельзя и требовать того, чтобы взгляды человека, воспитанного в совершенно другой общественной среде и обстановке, сошлись с нашими взглядами, выкованными в процессе многих десятилетий борьбы.

Тем не менее, взгляды Уэллса в высшей степени интересны, и знакомство с его книгой будет несомненно полезно.

Р. Арский.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КАТАСТРОФА.

1.

В течение тридцати шести лет после Сан-Стефанского договора и Берлинской конференции Европа поддерживала в своих пределах весьма непрочный мир; если за этот период не было войн между главными государствами, то все же они неустанно спорили, интриговали и угрожали друг другу, не доходя до вооруженных столкновений. После 1871 года всем стало ясно, что современная война — гораздо более серьезное дело, чем профессиональное военное ремесло восемнадцатого столетия, что она требует от народов, в их целом, такого напряжения, которое может жестоко подорвать социальную организацию, и что нельзя предпринимать такое дело необдуманно. Революция в технике создавала все более могущественные (и более дорогие) виды оружия для сухопутной и морской войны и более быстрые транспортные средства; она делала все более и более невозможным ведение войны без полной перестройки экономического быта общества. Даже ведомства иностранных дел, и те чувствовали страх перед войной.

Но хотя войны боялись гораздо сильнее, чем во все предшествовавшие эпохи мировой истории, тем не менее, ничего не было сделано для учреждения федерального контроля, который препятствовал бы возникновению вооруженных столкновений между народами. Правда, в 1898 году молодой царь Николай II издал рескрипт, приглашавший другие великие державы на международную конференцию с целью «помочь великой идее всеобщего мира восторжествовать над семенами смуты и раздора». Этот

документ напоминал декларацию Александра I, давшую тон Священному Союзу: оба они не имели реального значения вследствие ошибочного, в том и в другом случае, предположения, будто мир может быть прочно установлен соглашением правительств, а не широким призывом к материальным и моральным запросам единого человечества. Урок Северо-Американских Соединенных Штатов, показавший, что ни единство действий, ни мир невозможны до тех пор, пока понятие «народ штата Виргинии» и «народ штата Массачусетс» не заменено понятием «народ Соединенных Штатов», — этот урок был оставлен без внимания при всех сделанных в Европе пацифистских попытках. Две конференции состоялись в Гааге, — одна в 1899 и другая в 1907 году, — при чем на последней были представлены почти все государства мира. Но заседавшими там дипломатами не руководило мировое общественное мнение; простые смертные среднего уровня даже не знали о том, что эти конференции были созваны, а делегаты последних, по большей части, лукаво препирались относительно вопросов международного права, касающихся войны, оставляя в стороне, как химеру, вопрос об ее уничтожении. Эти гаагские конференции ничего не сделали для того, чтобы рассеять представление, будто международная жизнь необходимо связана с соперничеством. Они сами придерживались этого представления. Они ничего не сделали для распространения идеи мировой республики, уничтожающей монархов и дипломатию. Специалисты по международному праву и государственные деятели, присутствовавшие на этих собраниях, были столь же мало расположены ускорять возникновение основанной на таких принципах мировой республики, как прусские государственные деятели эпохи 1848 года были мало склонны приветствовать общегерманский парламент, захватывавший права и «политику» прусского короля.

В Америке состоялись три панамериканских конференции в 1889, 1901 и 1906 годах, но они несколько подвинули вперед осуществление проекта международного арбитража в применении к американскому материку в целом.

Мы не будем высказывать здесь окончательное суждение о характере и искренности Николая II, явившегося инициатором гаагских конференций. Быть может, он думал, что время было на стороне России. Но не может быть никакого сомнения, что великие державы не были склонны стать лицом к лицу с перспек-

тивой уничтожения суверенных государств, без чего все проекты прочного мира являются абсурдом.

Правительства стремились не к прекращению международного соперничества с его крайним проявлением — войной, а скорее к удешевлению войны, которая становилась слишком дорогой. Каждая держава старалась избежать ущерба, причиняемого мелкими конфликтами и спорами, и провести нормы международного права, которые не были бы стеснительны для нее самой, и, вместе с тем, были бы стеснительными для ее наиболее опасных противников во время войны. Таковы были практические цели великих держав на гаагских конференциях. Они участвовали в них в угоду Николаю II, подобно тому как европейские монархи подписали евангельскую декларацию Священного Союза в угоду Александру I. Вместе с тем, принимая участие в конференциях, все государства попытались извлечь из них все, что, по их мнению, могло быть для них выгодным.

2.

После французского мира Германия оказалась опруссаченной и объединенной и стала самой грозной из европейских великих держав. Франция была унижена и ослаблена. Ее возвращение к республиканскому строю, повидимому, лишило ее друзей во всех придворных кругах Европы. Италия была, покамест, лишь подраставшим ребенком. Австрия, с того времени, быстро падала и дошла до положения соучастницы в германской политике. Россия была обширна, но некультурна; а Британская империя была могущественна только на море. Вне Европы единственной державой, с которой Германии приходилось считаться, были Соединенные Штаты Северной Америки, быстро выраставшие в могучую промышленную нацию, но не имевшие такой армии и флота, которые заслуживали бы внимания по европейской мерке.

Новая Германия, которая воплотилась в созданную в Версале империю, представляла собою сложную и удивительную смесь свежих интеллектуальных и материальных сил с самыми узкими традициями европейской политической системы. Она выделялась своей просветительной деятельностью; она была наиболее педагогическим государством во всем мире; в деле просвещения она задавала тон всем своим соседям и соперникам. В наши дни, когда с Германией сводят счеты, британскому читателю, если он хочет сохранить уравновешенность, следует вспомнить о тех педагогических стимулах, которыми его родина обязана германскому соперничеству. То низменное недоброжелательство британской церкви и господствующего класса к образованному среднему человеку, которое никогда не могли преодолеть ни патриоти-

ческая гордость, ни великодушные побуждения, исчезло под влиянием растущего страха перед германской работоспособностью. Германия приступила к организации научных исследований и к применению научного метода к проблемам промышленного и социального развития с такой уверенностью и энергией, каких никогда не проявляло ни одно человеческое общество. В течение всей этой эпохи вооруженного мира она снимала жатву и снова сеяла, и вновь снимала жатву щедро посеянного ею знания. Она быстро выросла в великую промышленную и торговую державу; в производстве стали она превзошла Великобританию; в сотне новых отраслей промышленности и торговли, где интеллигентность и систематичность играли бо́льшую роль, чем простая коммерческая ловкость, — в производстве оптического стекла, красок и множества химических продуктов, а также в бесчисленных новых технических процессах, — она опередила весь мир.

Британскому промышленнику, который привык к тому, чтобы изобретения сами являлись на его заводы, добиваясь своего практического применения, — британскому промышленнику этот новый германский метод зазывания и поддержки научных деятелей казался возмутительным и неблаговидным. Он видел в нем поощрение отвратительного сословия интеллигентов к вмешательству в дела здравомыслящих предпринимателей. В результате, английская наука стала уходить из своего родного дома на чужбину, как нелюбимое дитя. Замечательная химическая промышленность Германии была создана на основе деятельности англичанина Перкинса, которому не удалось найти поддержку ни у одного «практического» английского делового человека. Германия же проявила инициативу во многих отраслях социального законодательства. Она поняла, что труд есть национальное достояние, что безработица его развращает и что, в целях общего блага, следует заботиться о нем и вне мастерских. Британский предприниматель все еще обольщался иллюзией, будто трудящимся не надо существовать за стенами мастерских и будто, чем хуже эта внешняя обстановка, тем это лучше (почему-то) для предпринимателя. Более того, вследствие своего общего невежества английский промышленник был крайним индивидуалистом, был проникнут глупой завистливостью, свойственной вульгарным натурам, и ненавидел своих товарищей промышленников так же, как и своих рабочих и покупателей. Германские производители, напротив, были убе-

ждены в значительных преимуществах единения и культурности; их предприятия постоянно стремились к слиянию и все более и более приближались к типу национальных.

Эта воспитывающая, изучающая и организующая Германия была естественной преемницей либеральной Германии 1848 года; она выросла из того стремления к возрождению, которое началось после позорного покорения ее Наполеоном. Всем хорошим и великим, что было в этой современной Германии, она, действительно, была обязана своим школьным учителям. Но этот научно-организаторский дух был только одним из двух факторов, создавших новую Германскую империю. Другим фактором была монархия Гогенцоллернов, пережившая разгром под Иеной, перехитрившая и преодолевшая революцию 1848 года и добившаяся, под руководством Бисмарка, узаконенного владычества над всей Германией, кроме Австрии. За исключением русского царизма, ни одно европейское государство не сохранило монархических традиций восемнадцатого столетия в такой мере, как Пруссия. По традиции, завещанной Фридрихом Великим, Маккиавелли царил в Германии. Во главе этого прекрасного, нового и современного государства находился, поэтому, не ясный и живой ум, который вел бы это государство к мировому первенству на поприще служения миру, а старый паук, жадно ищущий власти. Опруссаченная Германия была, в одно и то же время, новейшим и старомоднейшим явлением в Западной Европе. Она была лучшим и зловреднейшим государством того времени.

Психология народов пребывает еще в зачаточном состоянии. Психологи едва начали изучать общественную сторону индивидуального человека. Но для нас, в данном случае, чрезвычайно важно, чтобы всякий изучающий всеобщую историю сосредоточился на время на процессе духовного развития германских поколений, выросших после побед 1871 года. Они, естественно, чванились своими стремительными и неожиданными военными успехами, а также своим быстрым переходом от сравнительной бедности к богатству. Если бы они не проявили, при этих условиях, некоторого избытка патриотического тщеславия, то это было бы непосильной, нечеловеческой сдержанностью в их положении. Но этой естественной реакцией сознательно воспользовались, ее поощряли и развивали путем систематической эксплоатации и опекания школ и университетов, литературы и печати — в интересах династии Гогенцоллернов. Учитель или

профессор, не проповедывавший и не доказывавший, при всяком удобном и неудобном случае, расовое, моральное, интеллектуальное и физическое превосходство германцев над всеми другими народами, их необычайную любовь к войне и к своей династии, а также их неизбежное предназначение править миром через посредство этой династии, — такой учитель или профессор был обреченным человеком, осужденным на неуспех и неизвестность. Германское преподавание истории превратилось в грандиозную систематическую фальсификацию человеческого прошлого, с точки зрения будущего Гогенцоллернов. Все другие народы изображались бездарными и вырождающимися, а пруссаки фигурировали в качестве вождей и возродителей человечества. Юный немец читал об этом в своих школьных учебниках, слышал это в церкви, находил то же самое в своей литературе и о том же учил его, со страстным убеждением, его университетский профессор. Все его преподаватели вбивали в него точно такие же мысли... Хэфер говорит [1], что лекторы по биологии и математике отклонялись от своих непосредственных тем для того, чтобы разражаться длинными напыщенными тирадами, полными монархическо-патриотического вздора. Только необычайно прямые и самостоятельные люди могли противостоять этому потоку внушений. В немецком уме незаметно создалось представление о Германии и ее императоре, как о чем-то несравненно совершенном, как о богоподобном народе в «блестящих доспехах» и с «добрым германским мечом» в руках; как о народе, парящем среди низших племен, имеющих весьма непрезентабельную внешность. Читатель может судить сам, является ли блеск германского меча столь ослепительным. Германию преднамеренно опьяняли, в ней систематически поддерживали угар опьянения при помощи такой патриотической реторики. Величайшее преступление Гогенцоллернов — в том, что государственная власть постоянно и настойчиво вмешивалась в воспитание, и особенно в преподавание истории. Ни одно современное государство не повинно в таких прегрешениях по отношению к просвещению. Правда, олигархия великобританской коронованной республики уродовала и душила

---

[1] См. его содержательную, хотя плохо написанную книгу «When Blood is their Argument» («Когда их аргумент — кровь»). Она дает превосходное изображение методов принуждения в их применении к организации обучения.

просвещение, но монархия Гогенцоллернов развращала и проституировала его.

Необходимо особенно резко подчеркнуть, как самый существенный факт истории последнего полувека, что в германском народе методически насаждалось представление о германском мировом владычестве, основанном на силе, и, одновременно, укреплялась теория, согласно которой война являлась жизненной необходимостью. Ключом к немецкому преподаванию истории можно считать афоризм графа Мольтке: «Вечный мир — греза, и даже не прекрасная. Война входит в установленный богом порядок вещей». (Гладстон, в бытность свою в партии ториев, проявил такую же благочестивую покорность в вопросе о рабовладении). «Без войны мир закоснел бы и погрузился бы в материализм». И антихристианский немецкий философ Ницше оказался единодушным с благочестивым фельдмаршалом. «Пустая иллюзия и прекраснодушие, — замечает он, — ожидать многого (и даже чего бы то ни было) от человечества, если оно разучится воевать. Доныне неизвестны никакие другие способы, за исключением великой войны, которые могли бы, в такой же мере, пробудить эту рождающуюся на поле битвы могучую энергию, это глубокое самоотречение, порождаемое ненавистью, это сознание долга, порождаемое убийством и хладнокровием, это рвение, порождаемое стремлением уничтожить врага, это гордое равнодушие к потерям, к своему собственному существованию, к существованию своих товарищей, это, подобное землетрясению, душевное потрясение, в котором нуждается народ, утрачивающий свою жизнеспособность».

Это педагогическое течение, господствовавшее по всей Германской империи от края до края, должно было обратить на себя внимание за границей, неизбежно встревожить всякую державу и всякий народ в мире, неизбежно вызвать антигерманскую конфедерацию; и вдобавок, оно сопровождалось демонстративными военными приготовлениями, сначала на суше, а затем и на море, угрожавшими одновременно Франции, России и Великобритании. Все это оказывало свое действие на мысли, поступки и нравы германского народа, ибо это народ пластичный, а не противящийся обучению, как ирландцы и англичане. После 1871 года немец за границей выпячивал грудь и повышал голос. Он вносил даже в свои торговые операции какой-то тяжеловесно-подавляющий оттенок. Его машины появлялись на рынках всего мира,

его суда бороздили моря, поднимая брызги патриотического вызова. Он пользовался даже своими заслугами, как средством наносить оскорбления. Впрочем, и большинство других народов, если бы они имели такое же прошлое и подверглись такой же тренировке, вели бы себя точно таким же образом.

Вследствие одной из тех исторических случайностей, которые персонифицируют и ускоряют катастрофу, германский монарх, император Вильгельм II, являлся самым законченным воплощением нового воспитания его народа и традиций Гогенцоллернов. Он вступил на престол в 1888 году, в возрасте 29 лет; его отец, Фридрих III, преемник его деда, Вильгельма I, вступил на престол в марте и умер в июне того же года. Вильгельм II был внуком королевы Виктории по материнской линии, но его темперамент не обнаруживал никаких следов либеральной германской традиции, отличавшей Саксен-Кобург-Готскую династию. Его ум был наполнен пустословием нового империализма. Он ознаменовал свое вступление на престол обращением к своей армии и к своему флоту, а его обращение к народу последовало лишь три дня спустя. Прозвучала резкая нота презрения к демократии: «Солдат и армия, а не парламентское большинство, спаяли Германскую империю. Мои надежды обращены к армии». Так был развенчан терпеливый труд германских школьных учителей, и Гогенцоллерн объявил о своем триумфе.

Следующим подвигом юного монарха была ссора со старым канцлером Бисмарком, создавшим новую Германскую империю, и его отставка (1890). Между ними не было серьезных разногласий, но, как сказал Бисмарк, император сам намеревался быть своим канцлером.

Таковы были первые шаги его деятельной и агрессивной императорской карьеры. Этот Вильгельм II собирался нашуметь в мире больше, чем какой бы то ни было из существовавших до него монархов. Всей Европе стала вскоре хорошо знакома фигура нового императора, неизменно щеголявшего в блестящей военной форме, с воинственным взглядом, свирепыми усами и с умело скрываемой отсохшей левой рукой. Он любил фигурировать в серебряных сверкающих панцырях и в длинном белом плаще. В нем было явно заметно сильное нетерпение. Было ясно, что он считал себя предназначенным для великих дел, но в первое время не было ясно, каковы эти великие дела. Уже не было Дельфийского оракула, который мог бы сказать

Вильгельму, что ему было предназначено разрушить великую империю.

Проявленная им театральность и отставка Бисмарка встревожили многих его подданных, но они были вскоре успокоены мыслью, что он пользовался своим влиянием в интересах мира и укрепления Германии. Он много путешествовал: в Лондон, Вену, Рим, — где имел неофициальные собеседования с папой, — в Афины, где его сестра вышла замуж за греческого короля в 1889 году, и в Константинополь. Он был первым христианским монархом, гостившим у султана. Он посетил также Палестину. Специальные ворота были пробиты в древней стене Иерусалима, чтобы он мог въехать в этот город верхом; войти в него пешком было ниже его достоинства. Он убедил султана начать реорганизацию турецкой армии по германскому образцу и под руководством германских офицеров. В 1895 году он провозгласил Германию «мировой державой», заявил, что «будущее Германии лежит на морях», не обращая внимания на то обстоятельство, что, по мнению британцев, они уже находились на морях, и начал все более и более интересоваться созданием большого флота. Он взял также под свое покровительство германское искусство и литературу; он использовал свое влияние для того, чтобы сохранить причудливый и утомляющий зрение готический шрифт вместо романского, употребляемого в остальной Западной Европе; он поддерживал также пангерманское движение, заявлявшее права на голландцев, скандинавов, бельгийских фламандцев и немецких швейцарцев, как на членов великой германской семьи, но в действительности смотревшее на них, как на хорошо усвояемый материал для голодной юной империи, которая намеревалась сильно вырасти. Все прочие европейские монархи казались бесцветными по сравнению с германским императором.

Вильгельм воспользовался общим враждебным отношением к Великобритании всей Европы, вследствие ее войны с бурскими республиками, и поспешил ускорить осуществление своих планов создания большого флота; а это, в связи с быстрым и вызывающим расширением германских колониальных владений в Африке и на Тихом океане, чрезвычайно встревожило и раздражило англичан. В частности, британское либеральное течение было поставлено перед необходимостью поддерживать скрепя сердце постоянный рост британского флота. «Я не успокоюсь, — сказал

Вильгельм, — пока не доведу мой флот до такой же высоты, на какой стоит моя армия». Самый миролюбивый обитатель Британских островов не мог игнорировать эту угрозу.

В 1890 году Вильгельм приобрел от Великобритании небольшой остров Гельголанд и превратил его в сильную морскую крепость.

По мере того как возрастал его флот, росла и его предприимчивость. Он провозгласил германцев «солью земли». Они должны «неутомимо продолжать цивилизаторскую работу; Германия, подобно императорскому Риму, должна расширяться и властвовать». Он сказал это на польской земле, в поощрение настойчивых усилий германцев искоренить польский язык и польскую культуру и онемечить принадлежавшую им часть Польши.

Бога он именовал своим «божественным союзником». В старину неограниченный монарх был либо божеством, либо избранником божества; кайзер же избрал бога своим надежным слугой. «Наш старый бог», говорил он с чувством. Когда германцы захватили Киао-Чау, он упомянул о германском «бронированном кулаке». Поддерживая Австрию против России, он говорил о Германии «в блестящих доспехах».

Манчжурский разгром России в 1905 году открыл для духа германского империализма возможность более смелых выступлений. Повидимому, вырастала опасность соединенного нападения Франции и России. Император совершил нечто вроде триумфального шествия по Святой земле, высадился в Танжере, чтобы обещать марокскому султану свою поддержку против французов, и нанес Франции великое оскорбление, принудив ее, под угрозой войны, уволить в отставку министра иностранных дел Делькассэ. Он укрепил связь между Австрией и Германией, и в 1908 году Австрия, при его поддержке, захватила у Турции юго-славянские области Боснию и Герцеговину, бросив этим вызов всей остальной Европе. В результате, своим вызовом на море по адресу Великобритании и выходками против Франции и славян Вильгельм вынудил Англию, Францию и Россию заключить против него оборонительное соглашение. Дальнейшим последствием аннексии Боснии явилось охлаждение отношений с Италией, которая была до тех пор союзницей Вильгельма.

Таков был человек, поставленный злым роком во главе Германии, чтобы раздуть, укрепить и сделать невыносимой для всего остального мира естественную гордость и самоуверенность

великого народа, который, после долгих столетий раздробленности и слабости, пришел, наконец, — через целый лес монархов — к единству и всеобщему уважению. Вполне естественно, что этот монарх пришелся весьма по вкусу обогащавшимся торговым и промышленным вожакам новой Германии, искавшим заморских подвигов финансистам, а также чиновникам и мещанству. Многие немцы, втайне считавшие его безрассудным человеком или пустозвоном, поддерживали его публично, так как он был окружен столь притягательной атмосферой успеха.

Но Германия не покорилась без сопротивления нахлынувшей могучей волне империализма. Влиятельные круги германского общества боролись с новым чванным самовластием. Старые германские народности, в особенности баварская, сопротивлялись поглощению их пруссаками. А параллельно с распространением образования и быстрой индустриализацией Германии организованный рабочий класс развивал свои идеи и встречал, с неизменным антагонизмом, милитаристическую и патриотическую болтовню своего повелителя. В стране крепла новая политическая партия социал-демократов, исповедывающих учение Маркса, и, вопреки яростному противодействию официальных и клерикальных организаций, несмотря на суровые репрессивные законы против социалистической пропаганды и союзов, эта партия росла. Кайзер обрушивал на нее удар за ударом; ее вождей сажали в тюрьмы или высылали за границу. И все-таки она росла. Когда он вступил на престол, она собирала на выборах менее полумиллиона голосов; в 1907 году она собрала их свыше трех миллионов. Вильгельм попытался сделать уступки во многих вопросах: ввести, например, в качестве милостивого дара, страхование от болезни и старости, чего требовала социал-демократическая партия, как права рабочих. Его обращение в социализм обратило на себя внимание, но оно не вызвало случаев обращения в империализм. Его притязания на морскую гегемонию встречали умелое и ядовитое изобличение, а колониальные авантюры новых германских капиталистов вызывали постоянные нападки этой партии всех здравомыслящих людей. Но что касается армии, то ей социал-демократы оказывали умеренную поддержку, ибо, как они ни ненавидели своего доморощенного самодержца, они еще более ненавидели и опасались варварского и реакционного русского самодержавия на своей восточной границе.

Явно грозившая Германии опасность заключалась в том, что ее заносчивый империализм должен был принудить Великобританию, Россию и Францию к совместному нападению на Германию, т.-е. к оборонительному наступлению. Кайзер колебался между натянутыми отношениями к Великобритании и неловкими попытками примириться с ней; тем временем его флот усиливался, а сам он готовился к предварительной схватке с Россией и Францией. Когда, в 1913 году, британское правительство предложило обоюдное прекращение постройки военных судов на один год, то это предложение встретило отказ. Кайзеру был ниспослан сын и наследник, еще более Гогенцоллерн, еще более империалист и еще более пангерманист, чем его отец. Он был вскормлен империалистической пропагандой. Его игрушками были солдаты и пушки. Он стремился к приобретению скороспелой популярности, стараясь перещеголять своего отца в патриотических и аггрессивных выступлениях. Чувствовалось, что его родитель стареет и проявляет чрезмерную осторожность. Кронпринц являлся повторением отца. Германия никогда не была так сильна и так готова к новым великим подвигам и к новой жатве побед. Русские, — учили кронпринца, — разлагаются, французы вырождаются, британцы — на волосок от гражданской войны. Этот юный кронпринц был лишь представителем распространенного типа молодежи высшего класса в Германии весны 1914 года. Все они пили из одного и того же кубка. Их учителя и профессора, их ораторы и лидеры, их матери и возлюбленные готовили их к великому моменту, который был уже совсем близок. Они ждали с трепетом и напряжением неминуемого столкновения, звука трубы, призывающей к неслыханным подвигам, победы над зарубежным человечеством, торжества над непокорными рабочими у себя дома. Страна была в таком же напряжении и возбуждении, как готовящийся к состязанию атлет к концу своей тренировки.

3.

В течение периода вооруженного мира Германия задавала тон и определяла развитие остальной Европы. Ее новые доктрины агрессивного империализма с особенной силой влияли на британский ум, который был недостаточно вооружен для того, чтобы сопротивляться мощному интеллектуальному давлению извне. Пробужденный принцем-супругом интерес к вопросам просвещения угас после его смерти; педагогической реформе среди высших классов общества, предпринятой Оксфордским и Кэмбриджским университетами, препятствовали опасения и предрассудки, возникшие благодаря так называемому «конфликту науки и религии» среди духовенства, господствовавшего в этих университетах; народное образование было искалечено религиозными спорами, крайней бережливостью государственной власти, стремлением предпринимателей к эксплоатации детского труда и индивидуалистическими протестами против «обучения чужих детей». Старая английская традиция — традиция прямоты, законности, справедливости и некоторой доли республиканской свободы — заметно ослабела в пылу наполеоновских войн; романтизм, главным создателем которого был Вальтер Скотт, заразил народное воображение стремлением к картинному и цветистому. «Мистер Бриггс», комичный англичанин из журнала «Punch» пятидесятых и шестидесятых годов, облекшийся в шотландский костюм и охотящийся на красного зверя, достаточно характеризовал дух нового движения. И вот, мистера Бриггса осенило важное и достоверное открытие, а именно: что солнце никогда не заходит в его владениях, — факт, которого он до того времени не замечал. Стране, которая некогда привлекла к суду Клайва и Уоррена Гастинґса

за их беззаконное обращение с индусами, стали внушать, что их следует рассматривать, как вполне рыцарских и преданных деятелей. Они были «строителями империи». Под чарами восточной фантазии Дизраэли, сделавшего королеву Викторию «императрицей», англичанин с готовностью проникался туманной экзальтацией современного империализма.

Извращенная этнология и искаженная история, убеждавшие смешанных славяно-тевтоно-кельтских германцев в том, что они — чудесная обособленная раса, нашли подражателей среди английских авторов, которые начали превозносить новое этнологическое изобретение — «англосаксов». Эта замечательная помесь изображалась, как кульминационная точка человечества, как завершение и плод накопленных усилий греков и римлян, египтян, ассирийцев, монголов и им подобных низменных предшественников блестящего великолепия англосаксов. Бессмысленная легенда о германском превосходстве в значительной степени обострила раздражение поляков в Познани и французов в Лотарингии. Еще более смешная легенда о превосходстве англосаксов не только усилила недовольство английским управлением в Ирландии, но и придала более грубый характер британскому отношению к «подвластным» народам во всем мире. Ибо исчезновение взаимного уважения и культивирование идей о «превосходстве» влекут за собою гибель справедливости и законности. В раннюю эпоху британского управления Индией английские чиновники скромно приезжали в эту удивительную страну, чтобы учиться у жизни; теперь они нелепо являются туда в качестве образцовых экземпляров удивительного народа, в качестве светильников в великой тьме, и исключительно для извлечения выгод и властвования.

Имитация германских патриотических ложных понятий не ограничилась этой «англосаксонской» фабрикацией. Умные молодые люди в британских университетах восьмидесятых и девятидесятых годов, выведенные из терпения тупостью и неискренностью отечественной политики, невольно были увлечены соперничеством и подражанием этому новому учению дерзкого, коварного и мощного империализма, этому соединению Маккиавелли и Атиллы, которым были проникнуты мышление и деятельность молодой Германии. И Великобритания так же, думали они, должна иметь свои блестящие доспехи и размахивать своим добрым мечом. Новый британский империализм нашел своего поэта в лице

Киплинга, а также практическую поддержку в финансовых и торгово-промышленных кругах, стремления которых к монополиям и эксплоатации получали иную окраску в блеске империализма. Эти опруссаченные англичане довели свое подражание Германии до самых крайних пределов. Центральная Европа представляет собою единую неразрывную экономическую систему, функционирующую наилучшим образом в виде одного целого, и новая Германия осуществила большой таможенный союз, Zollverein, всех своих составных частей. Она естественно стала компактной системой, подобной сжатому кулаку. Британская империя распростерлась по всему миру, как разжатая рука, и ее пальцы отличались друг от друга по своей природе, потребностям и взаимоотношениям, не имея никаких общих интересов, кроме общей гарантии безопасности. Но новые империалисты были слепы к этому различию. Если новая Германия имела Zollverein, то и британская империя не должна была отставать от нее, и естественное развитие ее разнородных составных частей должно было быть повсюду стеснено «имперскими интересами» и тому подобным...

Однако, империалистическое движение в Великобритании никогда не обладало тем авторитетом и общепризнанностью, какими оно пользовалось в Германии. Оно не было естественным созданием ни одного из трех объединенных, но разнохарактерных британских народов. Оно не было конгениально этим народам. Королева Виктория и ее преемники, Эдуард VII и Георг V, ни по своему темпераменту, ни по своим традициям не были склонны носить «блестящие доспехи», потрясать «бронированными кулаками» и размахивать «добрыми мечами» на манер Гогенцоллернов. Они имели достаточно благоразумия для того, чтобы воздержаться от какого-либо открытого вмешательства в идейную борьбу общества. И это «британское» империалистическое движение с самого начала вызвало враждебное отношение со стороны многих английских, валлийских, ирландских и шотландских писателей, которые отказывались признать эту новую «британскую» национальность или принять теорию, согласно которой они были именно этими «англосаксонскими» сверх-людьми. Кроме того, многие влиятельные группы в Великобритании — и, в особенности, связанные с торговым мореплаванием — основывали свое благополучие на свободной торговле и относились к фискальным проектам новых империалистов и новых финансовых

и коммерческих авантюристов с понятным подозрением. С другой стороны, эти идеи распространялись, как зараза, среди военных, среди английского чиновничества в Индии и т. д. До того времени военный человек в Англии всегда чувствовал потребность в каком-то оправдании своего существования. Он не прививался на этой почве. Здесь же возникло движение, обещавшее придать ему такую же блестящую значительность, какой обладал его прусский товарищ по оружию. Империалистическая идея нашла поддержку также в дешевой уличной печати, возникавшей в это время для удовлетворения запросов нового слоя читателей, созданного начальным обучением. Эта печать нуждалась в простых, ярких и общедоступных идеях, приспособленных к потребностям читателей, едва начавших размышлять.

Несмотря на такую поддержку, несмотря на свое сильное воздействие на национальное тщеславие, британский империализм никогда не мог овладеть массами британских народов. Англичане не являются умственно восприимчивым народом, и крикливый (скорее подогретый) энтузиазм к империализму и к повышению таможенных тарифов со стороны старой партии ториев, военного сословия, сельского духовенства, мюзик-холлей, ассимилировавшихся инородцев, разбогатевших мещан и новых крупных предпринимателей вызывал у средних англичан — в особенности, у организованных рабочих — недоверчиво-подозрительное отношение. Если болезненная рана поражения при Маджубе [1]) — рана, которую постоянно бередили, — дала возможность вовлечь страну в ненужное, тяжелое и дорого стоившее завоевание бурских республик в Южной Африке, то вызванное этой авантюрой напряжение породило, в виде реакции, стремление к справедливости и сдержанности, оказавшееся достаточным для возвращения к власти либеральной партии и для того, чтобы, по возможности, загладить содеянное зло путем создания южно-африканской Федерации. Значительные успехи были достигнуты в народном образовании и в возвращении обществу части общественного богатства, находившейся в обладании немногих лиц. Затем, в эти годы вооруженного мира три британские народа [2])

[1]) Битва при Маджубе в 1881 году между англичанами и бурами закончилась поражением первых и дала самостоятельность Трансваальской республике, присоединенной англичанами к своим владениям в 1877 году. *(Примеч. перев.).*

[2]) Т. е. англичане, шотландцы и валлийцы. *(Прим. перев.).*

уже весьма приблизились к справедливому и разумному решению своего давнишнего недоразумения с Ирландией. К несчастью, для них, великая война застала их в критический момент этого дела.

Ирландия, подобно Японии, является окраинной островной страной, много получающей, но до сего времени сравнительно весьма мало вносящей в общую драму мировой истории. Ее население имеет весьма смешанный характер; основа и, повидимому, главнейший элемент этого населения — темноволосый «средиземно-морской» тип, до-норманский, до-арийский, подобно баскам и населению Португалии и Южной Италии. Этот тип людей появился на острове в неолитическом периоде; палеолитических следов в Ирландии найдено не было. Поверх этого коренного слоя, прокатилась, около шестого века до Р. Х., волна кельтских народов — мы не знаем, в какой мере она осела в стране, — во всяком случае, достаточно сильная для того, чтобы водворить кельтский язык, именно ирландско-гаэльский. Происходили вторжения и контр-вторжения, приливы и отливы тех или иных кельтских и кельтизированных племен между Ирландией, Шотландией, Валлисом и Англией. Христианство укоренилось на острове в пятом веке. Впоследствии восточное побережье подвергалось набегам норманнов, осевших там, но нам неизвестно, в какой мере они видоизменили местную расу. Англо-норманны появились в Ирландии в 1169 году, во времена Генриха II и позднее. Тевтонский тип в современной Ирландии, быть может, одинаково или даже сильнее выражен, нежели кельтский. До того времени Ирландия была страной, населенной варварскими племенами, с немногими безопасными центрами, где артистические наклонности туземной расы находили удовлетворение в обработке металлов и в красочном иллюстрировании священных книг. Теперь, в двенадцатом столетии, произошло недоведенное до конца завоевание Ирландии английской королевской властью, и в различных частях страны возникли, там и сям, поселения норманнов и англичан. С самого начала обнаружились глубокие различия в темпераментах ирландцев и англичан; эти различия обострялись вследствие различия языков и стали гораздо более явными после протестантской революции. Англичане, по самой своей натуре, были антиклерикальным народом и проявляли свойственную норманнам неприязнь и недоверие к духовенству; роль англичан в европейской реформации

была руководящей. Ирландцы симпатизировали духовенству и с упорством и озлоблением сопротивлялись реформации.

Английское владычество в Ирландии было с самого начала хронической гражданской войной, возникшей вследствие столкновения языков и неодинакового земельного и наследственного права обоих народов. В эпоху реформации эта борьба еще более обострилась по причине вышеуказанных непримиримых религиозных разногласий. Здесь мы не имеем возможности останавливаться на восстаниях, опустошениях и покорениях, которые испытал злосчастный остров в течение царствований Елизаветы и Иакова I, но при этом короле явился новый повод к раздору — конфискация крупных земельных владений в Ульстере и заселение их шотландскими колонистами-пресвитерианами. Они образовали протестантскую общину, неизбежно находившуюся в постоянной вражде с остальной католической Ирландией.

В политических конфликтах царствования Карла I, эпохи республики, царствований Иакова II, Вильгельма и Марии — обе борющиеся стороны английского народа находили сочувствующих и союзников в ирландских партиях. В Ирландии существует поговорка: «неудача Англии — удача Ирландии», и английская внутренняя неурядица, которая привела к казни Страффорда, дала возможность ирландским католикам произвести жестокое избиение англичан в Ирландии (в 1641 году), — крайне варварское и беспощадное избиение, не пощадившее ни женщин, ни детей. Позднее Кромвель отомстил за это избиение поголовным истреблением мужчин, захваченных с оружием в руках; ирландские католики сохранили болезненно-озлобленное воспоминание об этой суровой каре. Между 1689 и 1691 годами Ирландия была вновь об'ята гражданской войной. Иаков II прибег к помощи ирландских католиков в своей борьбе с Вильгельмом III, и его приверженцы были жестоко разбиты в сражениях при реке Бойне (1690) и у Агрима (1691).

Наконец, был заключен мирный договор в Лимерике, вызвавший, однако, пререкания, так как английское правительство обещало в нем очень много католикам в смысле веротерпимости и т. д., но не сдержало своих обещаний. Лимерик все еще играет видную роль в длинном списке ирландских обид. Сравнительно немногие англичане слышали когда-либо об этом Лимерикском договоре, но в Ирландии горькое воспоминание о нем сохранилось до наших дней.

Восемнадцатое столетие было веком нарастающего озлобления. Ревнивое английское торговое соперничество наложило тяжелые оковы на ирландское экономическое развитие, и на западе и юге была разрушена шерстяная промышленность. С ульстерскими протестантами обращались, в этом отношении, не многим лучше, чем с католиками, и они были в первых рядах бунтовщиков. На севере было больше аграрных волнений, чем на юге; так называемые Stal Boys и позже Peep-o'Day Boys [1]) были ульстерскими террористами. В Ирландии существовал парламент, но это был парламент протестантский, еще более ограниченный и продажный, чем даже современный ему британский; в Дублине и его окрестностях существовала довольно высокая культура и оживленная литературная и научная деятельность, происходившая на английском языке; центром ее был протестантский университет Trinity College. Это была Ирландия Свифта, Гольдсмита, Берка, Беркли и Бойля. Она естественно составляла часть английской культуры. Католическая область и ирландский язык пребывали во мраке, как нечто отверженное и преследуемое.

Из этой-то скрывшейся во мгле Ирландии и выросла непокорная Ирландия двадцатого века. Ирландский парламент, ирландская художественная литература, ирландская наука, вся ирландская культура — вполне естественно тяготели к Лондону, так как они были нераздельной частью этого мира. Самые состоятельные ирландские землевладельцы поселялись в Англии и воспитывали там своих детей. С развитием более удобных путей сообщения эта тенденция усиливалась, и Дублин пустел. Акт о слиянии (Act of Union) от 1-го января 1801 года был естественным объединением двух совершенно родственных систем — англо-ирландского парламента с британским парламентом; оба — одинаково олигархические, оба политически-бесчестные. Дело не обошлось без сильного противодействия не столько со стороны широких ирландских слоев, сколько со стороны осевших в Ирландии протестантов; в 1803 году произошло безрезультатное восстание, руководимое Робертом Эмметом. Дублин, бывший в средние восемнадцатого столетия культурным англо-

[1]) Название ирландских революционных союзов второй половины восемнадцатого века. В буквальном переводе: «стальные парни» и «предрассветные парни». В эту же эпоху существовали и другие террористические общества, носившие столь же красочные прозвища: «белые парни», «дубовые сердца» и т. п. *(Примеч. перев.)*.

ирландским городом, постепенно перестал играть роль в политической и интеллектуальной жизни и был заселен ирландцами из глубины страны. Общественная жизнь Дублина приобретала все более и более официальный характер, и центром ее являлся дублинский замок, резиденция лорда-лейтенанта; главнейшим общественным событием становится с этого времени выставка лошадей. Но в то время, как Ирландия Свифта и Гольдсмита была плотью от плоти Англии Попа, доктора Джонсона и сэра Джошуа Рейнольдса, в то время, как между «правящими классами» Ирландии и Великобритании никогда не было и нет доныне никакого действительного и определенного различия, кроме географического, — ирландский и английский низшие слои населения существенно отличались друг от друга. Настойчивое стремление английской «демократии» к просвещению, к политической деятельности, не находило отклика в Ирландии. В Великобритании возник многочисленный класс промышленного населения, настроенного скептически, либо протестантского; страна имела, правда, земледельческих рабочих, но не имела крестьянства. Ирландия стала страной крестьянства, совершенно невежественного и беспомощно подчинившегося руководству духовенства. Ирландское земледелие все более и более вырождалось, сводясь к культуре картофеля и к разведению свиней. Население размножалось; кроме потребления «виски» (поскольку последнее было доступно) и драк, единственным украшением жизни был семейный очаг. Это было прямым результатом ортодоксальной католической религии; священники пользовались неограниченным влиянием среди населения, но не приучали его ни к чему — хотя бы даже к употреблению мыла и осушению болот; они запрещали населению учиться у протестантов, беспрепятственно давали земледелию опуститься до стадии разведения картофеля и жили на счет нищенского достояния этого населения.

И вот каковы были катастрофические последствия этого положения вещей. Население Ирландии составляло: в 1785 году — 2.845.935 чел.; в 1803 году — 5.536.594 чел. и в 1845 году — 8.295.061 чел. В этом последнем году истощившийся картофель не мог, наконец, прокормить непрерывно возроставшее число едоков, и произошел ужасающий голод. Многие умерли, многие эмигрировали — преимущественно в Соединенные Штаты; начался поток эмиграции, на время превративший Ирландию в страну стариков и опустевших гнезд.

Вследствие объединения парламентов, освобождение английского и ирландского народов происходило далее одновременно. Уравнение в правах католиков в Англии означало и уравнение в правах католиков в Ирландии. Британцы получили право голоса потому, что добивались его; ирландское население получило право голоса потому, что это право получили англичане. Ирландия имела в объединенном парламенте непропорционально большое число мест, так как первоначально правящему классу было легче манипулировать с выборами на ирландской территории, чем на английской; и таким образом оказалось, что та Ирландия католиков и ирландцев, которая никогда до того времени не играла роли политической силы и которая никогда не пыталась ею стать, очутилась в таком положении, когда в ее власти было провести в законодательные палаты Великобритании значительное число своих членов. После общих выборов 1871 года, только что добившаяся прав британская «демократия» очутилась лицом к лицу со странной, внушающей недоумение ирландской «демократией», отличающейся от нее своей религией, своими традициями и своими нуждами, «демократией», вопиющей о неслыханных для средних англичан несправедливостях и страстно требующей самостоятельности, смысла которой не понимали средние англичане, считавшие ее, преимущественно, проявлением ненужной враждебности. Национальное самолюбие сильно развито у ирландцев; этому способствовали исторические условия; ирландцы не были способны считаться с положением вещей в Англии; новая ирландская партия вошла в британский парламент для того, чтобы сделаться невыносимой для англичан и тормозить и дезорганизовать английские дела, пока Ирландия не станет свободной. Это настроение было только желательно той олигархии, которая еще правила Британской империей; эта олигархия вступила в союз с «лойяльными» протестантами северной Ирландии — лойяльными к имперскому правительству в виду опасений преобладания католиков в Ирландии, — и совместно они зорко следили и раздували постепенно наростающее раздражение английских масс, вызванное безотчетной враждебностью населения Ирландии.

История отношений Ирландии и Великобритании за последние полвека бросает крайне неблагоприятный свет на правящий класс Британской империи, но английская палата общин может не стыдиться этой истории. Неоднократно парламент давал

доказательства своей благожелательности. Британское законодательство представляло по отношению к Ирландии, в течение почти полувека, ряд неловких попыток либерального английского течения, наперекор упорной оппозиции консервативной партии и ульстерских ирландцев, удовлетворить ирландские притязания и установить добрососедские отношения. В 1886 году Гладстон, руководствуясь своей идеей национальности, навлек на себя политическую катастрофу, внеся первый билль об ирландском гомруле (Irish Home Rule Bill); это была искренняя попытка передать ирландские дела, *в первый раз в истории,* самому ирландскому народу. Во многих отношениях это был несовершенный и опасный проект: он не давал ирландским протестантам и, в особенности, ульстерским протестантам никакой достаточной гарантии, ограждавшей их от возможных притеснений со стороны подпавших под влияние духовенства безграмотных южан. Быть может, это была лишь воображаемая опасность, но ее следовало принять во внимание. Билль вызвал раскол в либеральной партии, и коалиционное министерство — унионистское — сменило кабинет Гладстона.

Это отступление, посвященное истории Ирландии, приводит нас к эпохе эпидемии империализма в Европе. В унионистском министерстве, вытеснившем Гладстона, преобладал торийский элемент, и оно проявляло такой «империалистический» дух, какого не обнаруживало ни одно из прежних британских правительств. Политическая история Великобритании за последующие годы есть, говоря вообще, история борьбы нового империализма, через посредство которого заносчивый «британский» империализм пытался овладеть остальной частью империи, с естественным либерализмом и благоразумием англичан, стремившихся сделать империю федерацией свободных и добровольных союзников. Вполне естественно, что «британские» империалисты хотели подчиненной Ирландии; вполне естественно, что английские либералы хотели свободной и равноправной Ирландии. В 1892 году Гладстону удалось опять вернуться к власти при помощи незначительного большинства, состоявшего из сторонников гомруля, и в 1893 году его второй билль о гомруле прошел через палату общин, но был отвергнут палатой лордов. Однако, империалистическое министерство стало у власти не ранее 1895 года. Партия, поддерживавшая его, называлась не империалистической, а «унионистской» — странное название, если

принять во внимание, как настойчиво и ревностно эта партия стремилась разрушить всякую возможность имперской федерации. Эти империалисты оставались у власти в течение десяти лет. Мы уже отметили их завоевание Южной Африки. В 1905 г. потерпела неудачу их попытка воздвигнуть таможенную стену по тевтонскому образцу. Затем, новое либеральное министерство превратило покоренных южно-африканских голландцев в довольных своей судьбой сограждан, создав автономное южно-африканское государство. Вслед за этим правительство начало давно назревшую борьбу с упорной империалистической палатой лордов.

Это был весьма серьезный конфликт в британской политической жизни. С одной стороны, было либеральное большинство населения Великобритании, честно и благоразумно стремившееся подойти к ирландскому вопросу с новой и плодотворной точки зрения и, если возможно, превратить мстительную враждебность ирландцев в дружественное отношение; на другой стороне были все силы нового британского империализма, решившегося, — во что бы то ни стало и несмотря ни на какие вердикты избирателей, — удержать по возможности законным, а в случае невозможности, и незаконным путем свое влияние на английские, шотландские, ирландские и, вообще, все имперские дела. Это была, под новым названием, все та же вековая внутренняя борьба английского общества, все тот же конфликт свободной и либерально-мыслящей общественности с власть имущими «набольшими людьми» и крупными авантюристами, с которым мы встречаемся еще в истории освобождения Америки. Ирландия была только полем битвы, как в свое время Америка. В Индии, в Ирландии, в Англии правящий класс и примыкавшие к нему авантюристы были совершенно единодушны; но ирландский народ, благодаря религиозным различиям, почти не чувствовал себя солидарным с английским народом. Однако, такие ирландские государственные деятели, как Редмонд, лидер ирландской партии в палате общин, на время возвысились над этой национальной узостью и отнеслись к английским благим намерениям с великодушным доверием. Медленно, но настойчиво была прорвана плотина палаты лордов, и в 1912 году премьер-министром Асквитом был внесен третий билль о гомруле. В течение всего 1913 и начала 1914 года, в парламенте происходила упорная борьба вокруг этого билля. Первоначально билль пред-

усматривал автономию всей Ирландии; затем был обещан дополнительный закон, исключающий, на известных условиях, Ульстер. Эта борьба продолжалась до самого начала великой войны. Билль был утвержден королем уже после начала военных действий, и одновременно был также утвержден билль, приостанавливавший вступление в силу ирландского гомруля до окончания войны. Эти билли были включены в Книгу Статутов.

Но с момента внесения третьего билля о гомруле оппозиция последнему приняла резкую и сумасбродную форму. Сэр Эдуард Карсон, дублинский адвокат, вошедший в число членов английской адвокатуры и занимавший официальный пост в министерстве Гладстона (до вызванного гомрулем раскола) и в последующем империалистическом правительстве, явился организатором и лидером этого сопротивления примирению двух народов. Несмотря на свое дублинское происхождение, он решил стать во главе ульстерских протестантов и внес в этот конфликт то презрение к законности, которое является слишком распространенной чертой удачливых адвокатов, а также ту настойчивую, безграничную, непримиримую враждебность, которая присуща определенному типу ирландцев. Он был самым «неанглийским» англичанином, мрачным, романтическим и порывистым и с самого начала борьбы он с увлечением говорил о вооруженном сопротивлении тому более свободному союзу англичан и ирландцев, к которому пытался подойти третий билль о гомруле. Возбуждение росло в течение всего 1913 года. В Ульстере был организован корпус волонтеров, в страну ввозили контрабандным путем оружие, а сэр Эдуард Карсон и начинающий адвокат Ф. Е. Смит, наряженные в полувоенную форму, объезжали Ульстер, устраивая смотры добровольцам и разжигая местные страсти. Вооружение этих будущих повстанцев доставлялось из Германии, и сотрудники сэра Эдуарда Карсона неоднократно намекали в своих речах на поддержку «великого протестантского монарха». Первое кровопролитие произошло в Лондондерри в августе 1913 года. В противоположность Ульстеру, остальная Ирландия сохраняла в это время порядок и сдержанность, полагаясь на своего выдающегося лидера, Редмонда, и на благожелательность трех британских народов.

Эти исходившие из Ирландии угрозы гражданской войны не были, сами по себе, чем-либо исключительным в истории этого несчастного острова; исключительность и значительность

в мировой истории им придает та горячая поддержка, которую они нашли в правящем и военном классе Англии, а также безнаказанность и беспрепятственность деятельности сэра Эдуарда Карсона и его друзей. Зараза, исходившая от достигшего блестящих успехов германского империализма, широко распространилась, как мы уже указывали, в господствующих и состоятельных классах Великобритании. Выросло поколение, позабывшее великие традиции своих предков и готовое отдать все величие английской свободы за мишурный империализм. Был собран, преимущественно в Англии, фонд в миллион фунтов для поддержки ульстерского восстания; было образовано ульстерское временное правительство; в борьбу вмешались видные представители английского общества, разъезжавшие по Ульстеру в автомобилях и участвовавшие в доставке оружия; есть доказательства, что ряд британских офицеров и генералов был готов скорее к пронунсиаменто по южно-американскому образцу, чем к подчинению закону. Естественным результатом всех этих бесчинств высших классов была тревога в остальной, большей части Ирландии, никогда не доверявшей Англии. И эта Ирландия, в свою очередь, приступила к организации «национальных волонтеров» и к контрабандному ввозу оружия. Военные власти проявили гораздо больший интерес к пресечению ввоза оружия националистами, чем к прекращению ввоза его ульстерцами, и в июле 1914 года попытка провезти оружие в Хоус, близ Дублина, привела к перестрелке и кровопролитию на улицах последнего города. Британские острова были на волосок от гражданской войны.

Такова, в общих чертах, история империалистического революционного движения в Великобритании накануне великой войны. Мы говорим революционного, ибо движение сэра Эдуарда Карсона и его соратников было именно такого рода. Оно было явной попыткой уничтожить парламентское правление и медленно развившуюся несовершенную свободу британских народов и заменить ее, с помощью армии, более опруссаченной формой правления; ирландский конфликт служил лишь отправной точкой. Это была реакционная попытка нескольких тысяч людей остановить движение мира к демократическому законодательству и к социальной справедливости; и эти люди были духовно сродны новому империализму германских юнкеров и богатых людей. Но в одном, весьма существенном, отношении британ-

ский империализм отличался от германского: в Германии он окружал трон, при чем самым шумным и самым видным поборником его был наследник престола; в Великобритании король стоял в стороне; ни одним общественным выступлением король Георг V не выказал ни малейшего одобрения новому движению, и поведение принца Уэльского, его сына и наследника, было не менее корректным.

В августе 1914 года над миром разразилась гроза великой войны. В сентябре сэр Эдуард Карсон резко порицал включение билля о гомруле в Книгу Статутов. В тот же день Джон Редмонд обратился к ирландскому народу с призывом принять на себя надлежащую долю бремени и усилий, налагаемых войной. В течение некоторого времени Ирландия честно и хорошо играла свою роль в войне рука об руку с Англией, пока, в 1915 году, либеральное министерство не было заменено коалицией, в которой тот же сэр Эдуард Карсон, имевший на своей совести кровопролития в Лондондерри и Хоусе, фигурировал в качестве генерал-прокурора с окладом в 7.000 фунтов и с добавочным вознаграждением. (Вскоре он был замещен своим соратником по ульстерскому мятежу, Ф. Е. Смитом).

Никогда еще не наносили более грубого оскорбления дружественному народу. Трудное дело примирения, начатое Гладстоном в 1886 году и почти доведенное до конца в 1914-м, было окончательно разрушено.

Весною 1916 года в Дублине произошла неудавшаяся попытка восстания против вышеупомянутого нового правительства. Вожди этого движения, в значительной мере почти мальчики, были расстреляны с сознательной и грубой жестокостью, которая, в сопоставлении с отношением правительства к лидерам ульстерских повстанцев, произвела на всю Ирландию впечатление бесчеловечной несправедливости. Изменник сэр Роджер Кэзмент, получивший до того титул «кавалера» за оказанные империи услуги, был осужден и казнен, без сомнения, по заслугам, но его обвинителем был сэр Ф. Е. Смит, участник ульстерского восстания, — поистине потрясающее совпадение. Дублинский мятеж нашел малую поддержку в остальной Ирландии, но после него движение в пользу независимой республики быстро приняло широкие размеры. Против этого сильного эмоционального течения боролась более умеренная партия таких ирландских государственных деятелей, как сэр Горас Плэнкет, хотевший видеть

Ирландию автономной «коронованной республикой», то-есть видеть ее в пределах империи и на равных правах с Канадой и Австралией.

Когда в декабре 1919 года Ллойд-Джордж внес в имперский парламент свой билль о гомруле, там не было ирландских депутатов, кроме сэра Эдуарда Карсона и его последователей, принявших бы этот билль. Остальная Ирландия была далеко. Она не захотела повторить печальный цикл надежд и разочарований. Пусть британцы и их любимцы ульстерцы делают, что хотят, — говорили ирландцы...

4.

Изучение современного империализма в Германии и Великобритании обнаруживает наличие некоторых сил, общих этим обеим странам; те же самые силы, проявляющие свое действие в различной степени и с различными изменениями, мы найдем и в других крупных современных государствах, к обозрению которых мы теперь перейдем. Этот современный империализм не является синтетическим объединяющим движением, каким был прежний империализм; он, по существу, не что иное, как *мегаломания национализма*, — национализма, ставшего агрессивным вследствие своего процветания; и он всегда находит сильнейшую поддержку в военной и чиновничьей кастах, а также в предпринимательских и приобретательских слоях общества, т.-е. в новом денежном капитале и крупных предприятиях; главнейшими критиками этого империализма являются интеллигентные пролетарии, а его главными противниками — крестьянство и рабочие массы. Он принимает монархию там, где он ее находит, но он не представляет собою непременно монархическое движение. Однако, для своего полного развития он нуждается в министерстве иностранных дел, т.-е. в дипломатии традиционного типа. Это ясно видно из процесса возникновения нового империализма. Современный империализм есть естественный результат великодержавной системы, которая выросла, вместе с методами политической дипломатии, из макиавеллистических монархий эпохи распадения христианства. Империализм исчезнет лишь после того, как международные сношения через посредство посольств и министерств иностранных дел будут заменены собраниями выборных представителей, находящихся в непосредственной связи со своими народами.

Французский империализм в течение эпохи вооруженного мира в Европе был, естественно, менее самоуверенного типа, чем германский. Он чаще именовал себя «национализмом», чем империализмом, и поставил своей целью препятствовать, путем обращений к патриотической гордости, усилиям социалистов и рационалистов, пытавшихся войти в соприкосновение с германскими либеральными течениями. Французский империализм лелеял мечту о *реванше*, о войне для расплаты с Пруссией. Но, несмотря на эту заботу, он предпринял аннексионистские и эксплоататорские авантюры на Дальнем Востоке и в Африке, едва избежав войны с Великобританией из-за столкновения в Фашоде (1898), и никогда не покидал мечты о приобретениях в Сирии [1]. Италия также заразилась империалистической лихорадкой, но кровопускание в битве при Адуе [2]) на время охладило ее пыл; в 1911 году лихорадка, однако, возобновилась в виде войны с Турцией и последующей аннексии Триполи [3]). Итальянские империалисты увещевали своих соотечественников забыть Мац-

[1]) Вильфред Скэуэн Блент полагает, что главнейшей причиной раздоров, приведших к войне 1914 года, было то обстоятельство, что англичане остались в Египте после того, как обещали уйти оттуда. Для того, чтобы успокоить французов относительно Египта, Англия не возражала против оккупации ими Марокко, в то время как Германия рассматривала Марокко, как свою долю в Северной Африке. Отсюда вызывающее отношение Германии к Франции и возрождение в последней идеи *реванша*, которая до этого было замерла.

[2]) Адуя — в Абиссинии; здесь итальянские войска были разбиты абиссинцами в 1896 году. *(Прим. перев.)*.

[3]) Не следует забывать, что итальянское нападение на Турцию было ускорено тем обстоятельством, что султан даровал австро-венгерской компании, или синдикату, привилегию на «передачу» Триполитании, что могло привести только к поднятию германского императорского флага на южном побережье Средиземного моря, насупротив Италии. Кроме того, немцы пытались, через Марокко, подорвать позицию французов в Алжире и Тунисе, снабжая марокканцев оружием и деньгами и подстрекая их к восстанию против французского владычества и к нападению на западный Алжир и даже — через оазисы Сахары — на южный Тунис. Автор настоящего примечания лично наблюдал этот процесс между 1898 и 1911 годами. Автор утверждает, что — по правильным или же ошибочным расчетам — именно Германия вынудила Францию впутаться в трудный марокский вопрос. Франции предстояло выбрать либо это, либо готовиться к эвакуации Алжира. Быть может, Франция совершила некоторые ошибки, но она оказала северной Африке огромные благодеяния. Под ее управлением туземное население значительно возросло. *(Г. Г. Джонстон)*.

ции и вспомнить Юлия Цезаря; разве они, итальянцы — не наследники Римской империи? Империализм охватил и Балканский полуостров; мелкие государства, менее сотни лет тому назад находившиеся еще в рабстве, начали проявлять высокомерные претензии; болгарский король Фердинанд принял титул царя, сыграв роль последнего из псевдо-цезарей, а в витринах афинских магазинов любопытный наблюдатель мог видеть карты, иллюстрирующие грезу об обширной Греческой империи с владениями в Европе и Азии.

В 1913 году Сербия, Болгария и Греция напали на Турцию, уже ослабленную войной с Италией, и отняли у нее все европейские владения, за исключением территории между Адрианополем и Константинополем; позднее, но еще в том же году, они перессорились между собою из-за добычи. В драку вступила Румыния, которая и помогла раздавить Болгарию. Турция вернула себе Адрианополь. Большие империалистические державы — Австрия, Россия и Италия — зорко следили за этой борьбой и друг за другом...

5.

В то время как западный мир изменялся очень быстро, Россия, в течение XIX столетия, изменялась крайне медленно. В конце этого века, как и в начале его, она все еще оставалась великой монархией конца семнадцатого столетия, государством варварского типа по самому своему существу; она все еще оставалась на том уровне, когда придворные интриги и царские фавориты могли руководить ее международными отношениями. Она провела великий железнодорожный путь через всю Сибирь для того, чтобы потерпеть поражение от Японии на окраине Сибири; она применяла современные методы и современное оружие, насколько это допускала ее неразвитая промышленность и недостаток образованных людей; такие писатели, как Достоевский, создали род мистического империализма, основанного на идее Святой Руси и ее миссии, империализма, окрашенного расовыми иллюзиями и антисемитизмом; но, как показали дальнейшие события, все это не оставило глубоких следов в воображении русских народных масс. Неопределенное, весьма упрощенное христианство, с значительной примесью суеверия, господствовало среди безграмотного крестьянства; последнее напоминало крестьянство Франции или Германии до реформации. Предполагалось, что русский мужик почитает и обожает своего царя и охотно служит дворянину; еще в 1915 году реакционные английские писатели восхваляли простодушную и безыскусственную лойяльность мужика. Но, как и в западно-европейском крестьянстве эпохи крестьянских восстаний, это уважение к монархии соединялось с представлением, что монарх и дворянин должны отличаться добротой и быть благодетелями; и эта про-

стодушная преданность могла — при соответствующих обстоятельствах — обратиться в ту же беспощадную ненависть к социальной несправедливости, которая вызвала сожжение замков в эпоху жакерии и возникновение теократии в Мюнстере. В случае пробуждения ярости крестьянства, в образованном классе населения России не было связующего звена с крестьянством, не было того единения с ним, которое могло бы смягчить силу взрыва. Высшие классы были так же далеки от симпатии к низшим, как к какому-нибудь чуждому виду животных. Эти русские массы отстали на три столетия от того националистического империализма, какой обнаружила Германия.

И еще в другом отношении Россия отличалась от современной Западной Европы и представляла собою параллель средневековому периоду европейской истории: мы имеем в виду русские университеты, сосредоточивавшие в своих стенах множество крайне нуждавшихся студентов, совершенно чуждых и враждебных бюрократическому самодержавию. До 1917 года европейская мысль не придавала значения сближению этих двух факторов революции: горючего материала недовольства и факела свободных идей, и лишь немногие понимали, что в России, более чем в какой-либо другой стране, таились возможности глубокой революции.

6.

Обращаясь от этих европейских великих держав, с их традиционными дипломатическими ведомствами и национальной политикой, к Соединенным Штатам Северной Америки, которые совершенно отделились от системы великих держав в 1776 году, мы находим здесь весьма интересный контраст в проявлениях силы, создавших в Европе агрессивный империализм. Для Америки, как и для Европы, механическая революция дала возможность объехать весь мир в течение немногих дней. Соединенные Штаты, подобно европейским великим державам, обладали мировыми финансовыми и торговыми интересами; в них вырос мощный индустриализм, нуждавшийся в заокеанских рынках; религиозный кризис, поколебавший моральную солидарность Европы, разразился и в Америке. Ее население было не менее патриотично и воодушевлено, чем население какой бы то ни было другой страны. Почему же, в таком случае, Соединенные Штаты не развивали своих вооруженных сил и не вели агрессивной политики? Почему флаг Соединенных Штатов не развевался над Мексикой, и почему не возникла в Китае, под этим флагом, политическая система, аналогичная индийской? Американцы вывели из замкнутости Японию. По вслед за этим они беспрепятственно предоставили ей европеизироваться и угрожающе развить свою мощь. Одного этого было достаточно для того, чтобы Маккиавелли, отец современной международной политики, перевернулся в гробу. Если бы на месте Соединенных Штатов была европеизированная великая держава, то Великобритании пришлось бы укрепить всю канадскую границу с начала до конца — теперь же она была совершенно не защи-

щена — и содержать большой арсенал на берегу реки Св. Лаврентия. Все самостоятельные государства Центральной и Южной Америки давно были бы подчинены и находились бы под дисциплинарным контролем представителей «правящего класса» Соединенных Штатов. Постоянно велась бы кампания за американизацию Австралии и Новой Зеландии и появился бы еще один претендент на колонии в тропической Африке.

И, по странной случайности, Америка выдвинула, в лице президента Рузвельта (с 1901-го до 1908 года), человека, не уступавшего германскому кайзеру своей неутомимой энергией, человека, также стремившегося к грандиозным предприятиям, так же цветисто-красноречивого; этот предприимчивый американец, обладающий широким интересом к мировой политике и милитаристическим инстинктом, мог, казалось бы, скорее всего вовлечь свою страну в борьбу за заокеанские владения.

Повидимому, единственным объяснением этой постоянной сдержанности и обособленности Соединенных Штатов является то, что их государственные учреждения и традиции имеют существенные и своеобразные особенности. Прежде всего, правительство Соединенных Штатов не имеет ведомства иностранных дел и дипломатического корпуса европейского типа, не имеет корпорации «экспертов», поддерживающих традиции аггрессивной политики. Президент обладает обширными полномочиями, но они подчинены контролю сената, который, в свою очередь, ответственен перед законодательными учреждениями и перед народом. Таким образом, внешняя политика государства находится под гласным общественным контролем. Тайные договоры невозможны при такой системе, и иностранные державы жалуются на трудность и неустойчивость «сношений» с Соединенными Штатами, — что свидетельствует о превосходном положении дела. Поэтому Соединенные Штаты, в силу своей конституции, неспособны вести внешнюю политику подобно той, которая так долго держала Европу под постоянной угрозой войны.

Во-вторых, в Соединенных Штатах, до настоящего времени, не существовало ни организации, ни традиций, соответствующих тому, что называется «неассимилируемыми владениями» (non-assimilable possessions). Там, где нет короны, не может быть и коронных колониальных владений. Распространяясь поперек американского материка, Соединенные Штаты выработали совершенно самостоятельный метод обращения с новыми территориями,

дававший превосходные результаты для незаселенных земель, но весьма неудобный в случае его слишком широкого применения к территориям, уже занятым чужим населением. Этот метод был основан на той мысли, что в системе Соединенных Штатов не может быть перманентно подчиненного народа. Первой стадией обычного процесса ассимиляции было создание «территории», состоящей в ведении федерального правительства, имеющей довольно широкое самоуправление и посылающей в конгресс делегата (без права голоса), «территории», естественным назначением которой являлось, в конце концов, — по мере того, как страна заселялась и население возрастало,— превращение в полноправный штат. Таков был процесс развития всех позднейших штатов Союза; при этом, последними территориями, предназначенными стать штатами, в 1910 году были Аризона и Новая Мексика. Ледяная пустыня Аляски, купленной у России, оставалась политически неразвитой просто потому, что она имела недостаточно населения для организации штата. Так как захваты Германии и Великобритании в Тихом океане угрожали лишить флот Соединенных Штатов угольных станций в этих водах, то они завладели частью островов Самоа (1889) и Сандвичевых (1898). Здесь Соединенным Штатам впервые пришлось иметь дело с действительно покоренным населением. По вследствие отсутствия сословия, сколько-нибудь напоминающего англо-индийское чиновничество, управляющее британским общественным мнением, образ действий Америки здесь нисколько не отличался от ее приемов на материке. Все усилия были направлены на поднятие просвещения на Гавайских островах до американского уровня, и местное законодательство, по образцу метрополии, было организовано так, что эти темнокожие туземцы, повидимому, в конце концов должны стать полноправными гражданами Соединенных Штатов.

В 1895 году между Соединенными Штатами и Великобританией произошло недоразумение по вопросу о Венецуэле, и президент Кливлэнд решительно встал на сторону доктрины Монро. В то время мистер Ольней высказал следующее замечательное суждение: «В наши дни Соединенные Штаты практически обладают суверенной властью на этом материке, и fiat (быть по сему) Соединенных Штатов является законом по тем вопросам, на которые С. Штаты распространяют свое вмешательство». Все это, на-ряду с различными состоявшимися в то время панамериканскими конгрессами, свидетельствует о реальной и открытой

«внешней политике» взаимной помощи и согласия во всей Америке. Договоры об арбитраже имеют силу на всем этом материке, и будущее, повидимому, приведет к постепенному развитию междугосударственной организации, к pax americana (американскому миру) народов, говорящих на английском и испанском языках, при чем первые будут играть роль старших братьев. Здесь перед нами нечто такое, что мы не можем даже назвать империей, нечто далеко оставляющее за собой великую федерацию Британской империи по явному равенству своих составных частей.

Сообразно этой идее общеамериканского блага Соединенные Штаты вмешались, в 1898 году, в дела Кубы, которая в течение многих лет находилась в состоянии непрерывного восстания против Испании. Непродолжительная война закончилась приобретением Кубы, Порто-Рико и Филиппинских островов. В настоящее время Куба является независимой автономной республикой. Порто-Рико и Филиппины имеют, во всяком случае, специальное правительство с избираемой населением нижней палатой и верхней, состоящей из членов, назначаемых сенатом Соединенных Штатов. Нет оснований полагать, что Порто-Рико или Филиппины станут в будущем штатами, входящими в Северо-Американский Союз. Гораздо вероятнее, что они будут свободными государствами, состоящими в каком-либо более свободном союзе и с англосаксонской и латинской Америкой.

И Куба, и Порто-Рико приветствовали вмешательство Америки в их дела, но на Филиппинских островах, после испанской войны, возникло притязание на полную и немедленную самостоятельность и было оказано сильное сопротивление американскому военному управлению. Здесь именно Соединенные Штаты наиболее приблизились к империализму великодержавного типа, и эта страница их истории является весьма подозрительной. В штатах проявлялись явные симпатии к восставшим. Приводим точку зрения бывшего президента Рузвельта, выраженную им в своей «Автобиографии» (1913):

«Что касается Филиппин, то я был убежден, что мы должны были возможно скорее подготовить их к самоуправлению и затем предоставить им свободу самоопределения. Я не полагал необходимым назначать срок, по истечении которого мы дадим Филиппинам независимость, так как не считал благоразумным пытаться предсказать момент, когда они окажутся подготовленными к самоуправлению; а дав обещание, я чувствовал бы себя обязанным

его сдержать. В течение нескольких месяцев после моего вступления на пост президента мы подавили последние вспышки вооруженного сопротивления на Филиппинах, которое не являлось только спорадическим; и как только было восстановлено спокойствие, мы направили нашу энергию на развитие благосостояния островов в интересах туземцев. Мы учредили повсюду школы; мы построили дороги; мы ввели беспристрастное правосудие; мы сделали все возможное для поощрения земледелия и промышленности; и во все возрастающей степени мы приучали туземцев к самоуправлению, введя, в конце концов, законодательную палату... Мы управляем и управляли островами в интересах самих филиппинцев. Если по истечении должного времени сами филиппинцы решат, что такое управление для них нежелательно, то я уверен, что мы покинем их; но когда мы уйдем, то мы дадим ясно понять, что не сохраняем за собой никакого протектората и, тем более, не примем участия ни в каком совместном протекторате над островами, и не даем им никакой гарантии своего нейтралитета или чего-нибудь иного; короче говоря, мы будем считать себя абсолютно свободными от всякой ответственности за них, какого бы вида и формы эта ответственность ни была»[1].

Этот взгляд не имеет ничего общего с воззрениями британского или французского представителя дипломатического ведомства или министерства колоний. Но этот взгляд не очень далек от того течения, которое создало автономную Канаду, Южную Африку и Австралию и вызвало три билля о гомруле для Ирландии. Он—совершенно в духе старой и более характерной английской традиции, которая породила американскую Декларацию Независимости. Этот взгляд безапелляционно отклоняет непривлекательную идею о «подвластных народах».

Здесь мы не будем входить в политические затруднения, связанные с постройкой Панамского канала, ибо они не вносят ничего нового в этот интересный вопрос об американских методах мировой политики. История Панамы есть, в полном смысле,

[1]) Весьма основательной причиной временного сохранения американского контроля над Филиппинами является уверенность, что магометанское население Палавана и главнейших южных островов попытается покорить филиппинских «христиан», и что, после хаоса гражданской войны и разрушения неизбежно будет приглашена для вмешательства либо Япония, либо какая-либо другая держава. *(Г. Г. Джонстон).*

американская история. Но очевидно, что если политическая структура Северо-Американского Союза представляла собою новое явление в мире, то таковы же были и отношения Союза к миру, находившемуся за рубежом [1].

---

[1]) Неприязненный критик мог бы вынести порицание органам власти Соединенных Штатов, ведающим заключением внешних договоров, а также тому аппарату, чрез посредство которого эти органы функционируют, за их сложность и громоздкость, неприспособленность к сложным условиям международных сношений, медлительность действий и неустойчивость решений. Требование большинства двух третей голосов вместо абсолютного большинства при голосовании в Сенате—этот критик мог бы не без основания признать сомнительным избытком осторожности...

Поверьте, что американцы, по всему вероятию, еще в течение многих лет будут заключать свои договоры со всем миром через посредство этого аппарата. Препятствия и противовесы, которыми он окружен, свободное и всестороннее обсуждение, которое он допускает, являются в глазах американцев скорее достоинствами, чем недостатками. Они рады тому обстоятельству, что все обязательства, затрагивающие их интересы, должны быть обнародованы во всеобщее сведение, и что не существует и никогда не может возникнуть никакого тайного договора, связывающего юридически или морально. Оглядываясь на свою дипломатическую историю, не лишенную блестящих страниц, американцы сознают, что, в общем, план, созданный отцами, оказал хорошие услуги детям. Не уступая в своем политическом консерватизме, быть может, ни одному народу мира, они готовы перенести много неудобств и, при случае, подвергнуть себя риску недоразумений, прежде чем решат провести реформу.

(Д. Дэвис, посланник Соединенных Штатов в Великобритании).

7.

Мы попытались ознакомиться с состоянием умов в Европе и Америке в связи с международными отношениями за время, предшествовавшее мировой трагедии 1914 года, ибо, как постепенно убеждается все большее и большее число людей, — эта великая война, как и всякая ей подобная, была неизбежным последствием состояния умов данной эпохи. Все поступки отдельных лиц и народов являются результатом инстинктивных реакций на идеи, проникающие в головы людей через посредство устной речи, книг, газет, школьных учителей и так далее. Физические условия, эпидемии, изменения климата и тому подобные внешние обстоятельства могут вызывать отклонения или искажения в процессе человеческой истории, но основным ее корнем является мысль.

Вся человеческая история есть, в сущности, история идей. Физические и духовные различия между современным и доисторическим человеком весьма незначительны; основное различие между ними заключается в объеме и содержании духовного капитала, приобретенного нами в течение пяти или шести сот промежуточных поколений.

Мы слишком близки к событиям великой войны, и еще не пришло время для приговора истории; но мы можем отважиться на предположение, что когда утихнут возбужденные конфликтом страсти, то наибольшая вина в провоцировании войны будет признана за Германией; и это обвинение будет обосновано не тем, что эта страна морально и интеллектуально отличалась весьма сильно от своих соседей, а тем, что она страдала общераспространенной империалистической болезнью в наиболее глубокой и полной форме. Ни один уважающий себя историк, как

бы ни были поверхностны и вульгарны его цели, не может принять легенду, порожденную тягостями войны, будто германцы — особая порода человеческих существ, более жестоких и отталкивающих, чем какие бы то ни было другие разновидности человеческого рода. Все большие европейские государства переживали до 1914 года фазу аггрессивного империализма, и ход вещей увлекал их к войне; правительство Германии лишь стояло во главе этого общего движения. Германия упала в пропасть первой, и потому она упала ниже всех. Она стала ужасающим примером, который могли хулить все, повинные в том же грехе.

Германия и Австрия уже давно задались целью расширить сферу германского влияния в восточном направлении — через Малую Азию. Германская идея кристаллизовалась в лозунге «Берлин — Багдад». Германским крезам были враждебны стремления России, которая строила планы распространения сферы славянского влияния на Константинополь и — через Сербию — на Адриатику. Эти властолюбивые притязания сталкивались друг с другом и были взаимно несовместимы. Лихорадочное состояние Балканского полуострова было в значительной мере результатом интриг и пропаганды, которые развивали сторонники германского и славянского плана. Турция искала поддержки у Германии, Сербия — у России. Румыния и Италия, обе хранившие латинские традиции и обе бывшие номинальными союзницами Германии, преследовали сообща более далекие и более тайные цели. Фердинанд, царь болгарский, стремился к еще более загадочным целям; а грязные тайны греческого двора, где был королем зять германского кайзера, остаются покамест за пределами наших сведений.

Но путаница не ограничивалась противоположностью стремлений Германии, с одной стороны, и России — с другой. Алчность, проявленная Германией в 1871 году, сделала Францию ее заклятым врагом. Французский народ, сознавая свою неспособность вернуть утраченные области своими собственными силами, составил себе преувеличенное представление о мощи и помощи России. Французы подписывались в огромных суммах на русские займы. Франция была союзницей России. Если бы германские державы объявили войну России, то Франция, несомненно, напала бы на них.

Между тем, восточная французская граница была весьма сильно укреплена. В виду этой преграды, у Германии было мало

надежды на повторение успехов 1870—71 г. г. Но бельгийская граница Франции была длиннее и менее защищена. Нападение с превосходящими силами на Францию через Бельгию могло бы явиться повторением 1870 года в более широком масштабе. Французское левое крыло могло бы быть отброшено назад к юго-востоку, — при чем Верден являлся бы как бы осью, — и оттеснено к правому крылу, подобно тому как закрывают раскрытую бритву. Этот план был разработан германскими стратегами весьма обдуманно и тщательно. Его осуществление требовало насилия над международным правом, так как Пруссия взяла на себя гарантию нейтралитета Бельгии и не имела повода для столкновения с нею, не рискуя при этом вооруженным выступлением Великобритании (которая также обязалась охранять Бельгию), но германцы полагали, тем не менее, что их флот достаточно вырос и сможет удержать Англию от вступления в войну, при чем на всякий случай они построили обширную сеть стратегических железных дорог к бельгийской границе и сделали все приготовления для осуществления своего проекта. Таким образом, они рассчитывали одним ударом покончить с Францией, а затем, не торопясь, справиться с Россией.

В 1914 году положение складывалось, повидимому, в пользу двух центральных держав. Правда, Россия с 1906 года начала крепнуть, но крайне медленно; Франция же была занята финансовыми скандалами. Ошеломляющее убийство издателя «Фигаро» Кальмета женою министра финансов Кайо, в марте 1914 года, было апогеем этих скандалов; Великобритания, как уверяли всю Германию, была на волосок от гражданской войны в Ирландии. Иностранцы и англичане неоднократно пытались добиться какого-либо определенного ответа на вопрос: как поступит Великобритания, если Германия и Австрия нападут на Францию и Россию? Но британский министр иностранных дел сохранял вид неприступной таинственности до самого дня вступления Великобритании в войну [1]). В результате, на континенте создалось представление,

[1]) Я полагаю, что его политика была совершенно ясна. Он говорил Германии: «Если вы вызовете войну, то будьте готовы к тому, что Англия поддержит Францию и Россию». Франции и России он говорил: «Если вы не будете благоразумны, то не ждите помощи от Англии». Таким образом он оказывал давление на обе стороны. *Дж. Мэррей.*

По вопросу о причинах войны поучительна книга лорда *Лорберна.* «Как возникла война». *Г. Г. Джонстон.*

что Великобритания либо не вступит в войну, либо будет медлить с выступлением, а это могло послужить для Германии поощрением продолжать свои угрозы по адресу Франции. Ход событий был ускорен происшедшим 28 июня убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника австрийского престола, во время официального посещения им столицы Боснии — Сараева. Это был удобный повод для того, чтобы пустить в ход вооруженную силу. «Теперь или никогда», — сказал германский император [1]). Сербия была обвинена в подстрекательстве убийц и, несмотря на донесения австрийских политических агентов об отсутствии доказательств, опорочивающих сербское правительство, австро-венгерский кабинет решил использовать эту обиду с целью вызвать войну. 23 июля Австрия предъявила Сербии ультиматум и, несмотря на фактически проявленную Сербией уступчивость, несмотря на усилия британского министра иностранных дел, сэра Эдуарда Грея, созвать конференцию держав, объявила, 28 июля, Сербии войну.

Россия мобилизовала свою армию 30 июля, а 1 августа Германия объявила ей войну. На следующий день германские войска перешли французскую границу, и, одновременно с вручением ультиматума несчастной Бельгии, началось широкое фланговое наступление через Люксембург и Бельгию. На запад мчались разведочные и передовые отряды. На запад неслось множество автомобилей, переполненных солдатами. За ними следовали нескончаемые колонны одетой в серый защитный цвет пехоты; это были, большею частью, бравые молодые немцы с простодушными глазами — законопослушные, воспитанные юноши, никогда еще не слышавшие сделанного всерьез выстрела. «Это война,— сказали им. — Вы должны быть смелыми и беспощадными». Многие из них сделали все возможное для выполнения этих милитаристических предписаний за счет злосчастных бельгийцев.

Шум, поднятый вокруг обстоятельно описанных зверств в Бельгии, был совершенно несоразмерен по сравнению с первоначальным зверством, совершенным в августе 1914 года, а именно со вторжением в Бельгию. При наличии такого факта вполне естественно, что начинаются случайные грабежи и стрельба, бессмысленное разрушение чужого имущества, разграбление голодными и истощенными людьми гостиниц, съестных и винных

[1]) Брошюра Каутского о возникновении войны.

лавок и неизбежно следующие за всем этим насилия и пожары. Лишь весьма простодушные люди верят в то, что армия на театре войны может удержаться на таком же высоком уровне честности, нравственности и справедливости, как установившаяся общественная жизнь мирного времени. А прусская армия все еще оставалась под влиянием традиций тридцатилетней войны. В союзных странах, объединившихся против Германии, было принято трактовать все эти злодеяния и кровопролитие бельгийского периода войны так, как будто ничего подобного не происходило никогда и как будто все это объяснялось какой-то явно порочной наклонностью германской натуры. Германцев прозвали «гуннами». Но германские преступления в Бельгии менее всего напоминали систематическое истребление кочевников (которые некогда намеревались уничтожить все китайское население для того, чтобы вновь превратить территорию Китая в пастбище). Многие из этих преступлений были следствием пьяного озверения людей, впервые в жизни получивших возможность свободно пускать в ход смертоносное оружие; многие из них были следствием истерического неистовства людей, потрясенных своими собственными поступками и смертельно боявшихся мести народа, над родиной которого они совершили насилие; и, наконец, многие из этих преступлений были совершены под влиянием теории, что люди должны внушать ужас во время войны и что народы лучше всего покорять страхом. Немцы, с их систематической дисциплинированностью, были вовлечены в эту войну таким путем, что неминуемо должны были последовать зверства. Они, бесспорно, совершали ужасающие и отвратительные поступки. Но точно так же вел бы себя всякий другой народ, если бы его подстрекали и толкали к войне так, как это было с немцами.

Ночью 2 августа, в то время, когда большинство населения Европы, еще пребывавшее в спокойной пассивности полувекового мира, еще привычно наслаждавшееся широким изобилием, дешевизной и свободой, каких никто не увидит в будущем, думало о летнем отдыхе,—маленькая бельгийская деревушка Визэ была объята пламенем, а ошеломленные крестьяне были выведены и расстреляны, ибо было удостоверено, что кто-то из них стрелял в нападавших. Офицеры, отдававшие приказания, и солдаты исполнявшие их, были, по всей вероятности, напуганы необычайностью своих собственных поступков. Большинство из них еще никогда не видело насильственной смерти. И они подожгли

не деревушку, а весь мир. Это было начало конца эпохи комфорта, доверия и культурных человеческих отношений в Европе.

Как только выяснилось, что Бельгия была обречена на завоевание, Великобритания перестала колебаться и (в 11 часов вечера 4 августа) объявила войну Германии. На следующий день, близ устья Темзы, крейсером «Амфион» было застигнуто и потоплено германское судно, ставившее мины, — это был первый случай, когда британцы и германцы встретились в бою на суше или на море под своими отечественными национальными флагами...

Всей Европе еще памятна странная атмосфера этих богатых событиями солнечных августовских дней конца вооруженного мира. В течение почти полувека западный мир находился в покое и, казалось, в *безопасности*. Лишь немногие пожилые и стареющие французы имели какой-либо практический военный опыт. Газеты писали о мировой катастрофе, но эти слова были мало понятны людям, которым мир всегда казался вне опасности и которые не могли представить его себе иным. В частности, в Великобритании, в течение нескольких недель, обыденная жизнь мирного времени протекала по-прежнему, хотя и слегка настороженно. Это напоминало человека, продолжающего пока жить в неведении того, что он схватил роковую болезнь, которая изменит все его привычки и весь строй его жизни. Люди продолжали свой летний отдых; магазины успокаивали своих покупателей объявлением «business as usual» («дела идут по-прежнему»). Каждый раз при выходе газет поднималось много разговоров и возникало сильное возбуждение зрителей, не сознававших ясно своего участия в катастрофе, в которую всем им предстояло быть вовлеченными.

8.

Теперь, весьма сжато, мы охарактеризуем главные фазы начавшейся таким образом мировой войны [1]). Согласно германскому плану, борьба началась со стремительного наступления, имевшего целью «выбить из строя» Францию, пока Россия еще собирала свои силы на Востоке. В первое время все шло хорошо. Но при современных условиях военная наука всегда оказывается отсталой, так как военное сословие состоит в целом из людей, лишенных воображения, и всегда могут найтись неразработанные, почему-то непринятые военными специалистами изобретения, способные разрушить существующую тактическую и стратегическую практику. Германский план был выработан за ряд лет до войны; он устарел и, по всей вероятности, его можно было разбить в самом начале при надлежащем применении проволочных заграждений, окопов и пулеметов; но французы отнюдь не ушли в своей военной науке так далеко, как германцы, и полагались на приемы полевой войны, устаревшие, по крайней мере, на четырнадцать лет. У них не было надлежащих запасов колючей проволоки и пулеметов, и существовало смешное воззрение, будто

—

[1]) Отношение к войне среднего солдата лучше всего освещает книга *Барбюсса* «Le feu» («В огне»). Весьма оригинально, прекрасно написана и правдива книга *André Hellé* «Le livre des Heures». Никакое другое произведение не дает столь полного отражения переживаний и впечатлений войны. Прекрасно написана и весьма глубока книга *Philip'a Gibbs'a* «Realities of War». Некоторое освещение вопроса о специфических особенностях хода великой войны, по сравнению со всеми предшествующими войнами, можно найти в труде *M. Clurdy* «War Neuroses» («Военные неврозы») и в книге *Eder'a* по тому же вопросу.

француз плохо сражается за земляными укреплениями. Бельгийская граница была защищена крепостью Льеж, устаревшей на 10 — 12 лет, при чем вооружение ее фортов во многих случаях было изготовлено и установлено германскими поставщиками; а французская северо-восточная граница была укреплена крайне неудовлетворительно. Естественно, что германская военная фирма Крупп позаботилась об изготовлении соответствующих щипцов для этих орехов — в виде тяжелых орудий чрезвычайно крупного калибра, стрелявших весьма дальнобойными снарядами. Эти оборонительные сооружения оказались, поэтому, не более как капканами для своих гарнизонов. Французы атаковали и потерпели неудачу в южных Арденнах. Германские вооруженные силы оттеснили французское левое крыло и, казалось, были неодолимы; Льеж пал 9 августа, Брюссель был занят 20; небольшая британская армия, вошедшая в Бельгию в количестве 70.000 человек, была атакована близ Монса подавляющими силами германцев (22 августа) и отброшена, несмотря на свой убийственный ружейный огонь, которому она научилась во время войны в Южной Африке. (Германские войска не могли поверить, что англичане стреляли из ружей, а не из пулеметов.) Малочисленные британские силы были оттеснены в сторону в западном направлении, и германское правое крыло повернуло к югу, намереваясь оставить Париж к западу и окружить всю французскую армию.

Германское высшее командование, в этой стадии войны, было настолько уверено в победе, что в конце августа часть германских войск была переброшена на Восточный фронт, где русские опустошали Восточную и Западную Пруссию. И вот тогда началось французское контр-наступление, весьма стремительное и блестящее со стратегической точки зрения. Французы направили ответный удар на германский центр, неожиданно сосредоточили армию на германском левом фланге, а небольшая британская армия, пострадавшая, но усиленная подкреплениями, была готова сыграть немалую долю в контр-наступлении своих союзников. Германское правое крыло чрезмерно продвинулось вперед, потеряло связь и было отброшено от Марны к реке Эн (битва на Марне с 6 до 10 сентября). Оно было бы отброшено еще далее, если бы не сумело быстро окопаться. На реке Эн германская армия остановилась и укрепилась. У союзников еще не было ни тяжелых орудий, ни снарядов надлежащей разрывной силы, ни танков, необходимых для того, чтобы разбить эти укрепления.

Битва на Марне расстроила первоначальный германский план. На время Франция была спасена. Но германцы не были разбиты; они все еще обладали значительным превосходством в людях и снаряжении. Опасность русского наступления на востоке была устранена блестящей победой при Танненберге. Дальнейший германский план войны состоял в упорной, менее тонко продуманной кампании, имевшей целью обход левого фланга союзных армий, овладение портами Ламанша и прекращение транспорта из Великобритании во Францию. Обе армии растягивали фронт к западу, точно спеша вперегонку к побережью. Затем германцы атаковали англичан в окрестностях Ипра, имея сильный перевес в артиллерии и боевых припасах. Им почти удалось прорвать фронт, но англичане сдержали врага.

Борьба на Западном фронте приняла характер окопной войны. И германцы и союзники не обладали опытом и снаряжением, необходимыми для того, чтобы решить задачу прорыва современных укреплений и заграждений, и обе стороны были вынуждены обратиться к ученым, изобретателям и тому подобным невоенным людям за советами и помощью в этом затруднении. Основная задача окопной войны была уже решена к этому времени; в Англии, например, существовала модель танка, который принес бы союзникам скорую и легкую победу еще до 1916 года. Но ум профессионального военного — по необходимости ум ограниченный и лишенный воображения; человек, обладающий высокими интеллектуальными дарованиями, никогда добровольно не отдаст свои способности подобному призванию. Почти все наиболее выдающиеся полководцы были либо неопытными, неискушенными молодыми людьми, — подобно Александру, Наполеону и Гошу, — либо политиками, превратившимися в полководцев, — подобно Юлию Цезарю, — либо кочевниками, — подобно вождям гуннов и монголов, — либо любителями, — подобно Кромвелю и Вашингтону. А между тем эта война, вспыхнувшая после пятидесяти лет милитаризма, была безнадежно профессиональной; с самого начала и до конца ее ведение невозможно было изъять из рук строевых генералов, и ни германский, ни союзный главный штаб не были расположены относиться благожелательно к изобретению, угрожавшему их традиционным методам [1]). Танк

[1]) Главным злом нашей тактики было то, что верховное командование было вручено группе людей, принадлежавших к старой военной школе,

был не только враждебно чужд этим военным джентльменам, но, к тому же, давал находящимся внутри его солдатам неподобающее их профессии прикрытие. Немцы, однако, ввели некоторые усовершенствования: в феврале они применили довольно бесполезное нововведение — «огненный шприц», при чем оперировавшему с ним солдату постоянно грозила опасность сгореть живьем; а в апреле, в разгаре второго большого наступления против англичан (вторая битва при Ипре, от 17 апреля до 17 мая) они впервые пустили в ход волну удушливого газа. Эта ужасная выдумка была употреблена против алжирских и канадских войск; она причинила им сильные физические страдания и потрясла их зрелищем ужасной смерти, но она была бессильна прорвать их фронт. В течение нескольких недель химики играли на фронте союзников бо́льшую роль, чем солдаты, и шесть недель спустя оборонявшиеся войска уже имели в своем распоряжении защитные средства и знали все приемы для их применения.

Целых восемнадцать месяцев, до июля 1916 года, Западный фронт оставался в состоянии неустойчивого равновесия. С обеих сторон были сильные атаки, завершавшиеся кровопролитными контр-атаками. Французы произвели дорого обошедшиеся им, но блестяще выполненные наступления близ Арраса и в Шампани, в 1915 году, а англичане — при Лоосе. От Швейцарии до Северного моря тянулись две непрерывные линии окопов, иногда, на расстоянии мили [1]) или более, а иногда на расстоянии нескольких футов (как, например, близ Арраса) одна от другой, и в этих окопах и в тылу миллионы людей трудились, делали вылазки против неприятеля и готовились к кровопролитным и заранее обреченным на неудачу попыткам перейти в наступление. В любую из предшествовавших эпох эти не двигавшиеся

неспособных вследствие своего возраста и традиций оставить рутинные приемы и приобрести требуемую новыми условиями эластичность. Наш штаб оказался безнадежно неудовлетворительным по своей подготовке, поскольку я в праве высказать такое мнение на основании своих впечатлений от некоторых его представителей, обладавших куриными мозгами и потсдамскими манерами. Кроме того, существовала тесная корпоративная связь среди офицеров регулярной армии, которым, таким образом, доставалась львиная доля штабных должностей, вследствие чего оставалась за флагом блестящая молодежь из новых армий, умственный уровень которой был, во всяком случае, выше уровня типичного офицера регулярной армии. (*Philip Gibbs* «Realities of War»).

[1]) Английская миля равна 1609 метров. (*Прим. перев.*).

с места массы людей неизбежно явились бы удобной почвой для заразной эпидемии, но здесь, еще раз, современная наука изменила условия ведения войны. Появились некоторые новые болезни, как, например, так называемые «окопные ноги», вызываемые продолжительным стоянием в холодной воде, новые формы дизентерии и т. п., но ни один из этих недугов не получил такого распространения, чтобы лишить боеспособности одного из противников. Позади этого фронта вся жизнь воюющих народов все более и более сосредоточивалась на поддержании непрерывного снабжения съестными и боевыми припасами, аммуницией и, прежде всего, людьми, ежедневно занимавшими места убитых или искалеченных [1]). Германцы на свое счастье обладали значительным числом тяжелых осадных орудий, заготовленных для пограничных крепостей, но пригодившихся впоследствии для разрушения окопов тяжелыми снарядами, — назначение, совершенно для них не предусмотренное. В течение первых лет войны союзники заметно уступали германцам в количестве тяжелых орудий и снарядов, и потери их были постоянно больше германских. Британский премьер-министр Асквит, считавшийся весьма тонким знатоком парламентской практики, не был, однако, одарен творческими способностями; и последовавшее затем интенсивное снабжение армии было, вероятно, результатом усилий и хлопот Ллойд-Джорджа (который, в конце концов, занял место Асквита, в декабре 1916 года) и поднятого английской печатью шума [2]).

В течение первой половины 1916 года германцы упорно и напряженно атаковали французов вокруг Вердена. Германцы

---

[1]) Блестящее общество, собравшееся в главной квартире армии, удобнее всего было наблюдать в офицерском клубе в обеденное время. Это была оперетка, ничем не отличавшаяся от любой инсценировки войны в театре Gaiety. Оркестр исполнял непритязательные, легкие вещи, в то время как «воины» насыщались, при чем всех этих генералов и штабных офицеров, с их орденами и нашивками, отполированными пуговицами и почетным оружием, обслуживали за обедом миниатюрные горничные с цветными кокардами в волосах, в изящных фартуках, коротких юбках и чулках защитного цвета. Какая веселая болтовня! Какие взрывы беззаботного смеха! Какое перешептывание о тайнах, интригах и скандалах в высоких сферах! Какая бессердечная дерзость в такое время, когда британских солдат разрывают на части, отравляют газами, ослепляют, увечат и контузят где-то далеко, очень далеко от местонахождения главной квартиры. (*Philip Gibbs* «Realities of War).

[2]) См. книгу *Rock'a* «Lloyd George and the war» и *Arthur'a*: «Life of Lord Kitchener».

понесли огромные потери, и их наступление было остановлено после того, как они продвинулись на несколько миль вглубь французской линии фронта. Потери французов были столь же велики, если не больше. «Ils ne passeront pas» («они не прорвутся») — говорили и пели французские солдаты — и сдержали свое слово.

Восточный германский фронт был более растянут и менее систематически укреплен, чем Западный. В течение некоторого времени русские армии продолжали наступать к западу, несмотря на разгром при Танненберге. Они захватили у австрийцев почти всю Галицию, взяли Львов (2 сентября 1914 г.) и большую крепость Перемышль (22 марта 1915 г.). Но, после того как германцам не удалось прорвать Западный фронт союзников и после безрезультатного наступления союзников, предпринятого без соответствующих средств [1]), германцы сосредоточили внимание на России, и ряд мощных ударов, при небывалом массовом применении артиллерии, обрушился сначала на южную, а затем на северную часть русского фронта. 22 июня Перемышль был взят обратно, и русские отступали по всему фронту, пока (2 сентября) Вильна не была занята германцами.

23 мая 1915 года Италия присоединилась к союзникам и объявила войну Австрии. (Лишь годом позднее она объявила войну и Германии.) Итальянские войска перешли свою восточную границу по направлению к Горице (которая была занята ими летом 1916 года), но вмешательство Италии к этому времени принесло уже мало пользы и России и обеим западным державам. Италия создала только новый фронт окопной войны среди высоких гор своей живописной северо-восточной границы.

В то время как главные фронты сильнейших противников оставались в этом положении мертвой хватки, истощавшей их силы, обе стороны пытались наносить удары в тыл своих противников. Германцы сделали ряд налетов — сначала на цеппелинах, а затем на аэропланах — на Париж и на восточную Англию. Очевидно, целью этих налетов были склады, работавшие на оборону, заводы и тому подобные мишени, имевшие военное значение, но фактически воздушные аппараты без разбора бомбардировали населенные места. Сначала во время этих налетов сбрасывались не очень разрушительные бомбы, но позднее раз-

---

[1]) Отсутствие неограниченного количества тяжелых снарядов явилось роковым препятствием для нашего успеха («Times», 14 мая 1915 года).

меры и сила этих снарядов возросли, значительное число людей было убито и ранено, и был нанесен большой материальный ущерб. Эта жестокость вызвала крайнее возмущение в английском народе [1]). Хотя германцы имели цеппелины уже несколько лет, никто из власть имущих в Великобритании не подумал о соответствующих приемах борьбы с ними, и только в конце 1916 года появилось достаточное количество зенитных орудий, и неприятельские налеты систематически отражались аэропланами. Затем с цеппелинами произошел ряд катастроф, и с весны 1917 года их перестали применять для каких бы то ни было целей, кроме морской разведки, заменив их, для налетов, большими аэропланами. С лета 1917 года налеты этих машин на Лондон и восточную Англию приобрели систематический характер. В течение всей зимы 1917—18 г. г. Лондон привык к тому, что каждой лунной ночью внезапно раздавались звуки сигнальных сирен, резкие тревожные свистки полицейских, поспешное обезлюдение улиц, отдаленный грохот десятков и сотен зенитных орудий, разраставшийся постепенно в дикий вой взрывов и гулких ударов, свист летящей шрапнели и, наконец, если какому-либо из неприятельских аэропланов удавалось прорваться через заградительный огонь, — глухие тяжелые удары разрывающихся бомб. А вслед за этим, среди ослабевавшего гула орудий, слышались непередаваемые звуки стремительно мчавшихся пожарных машин и торопливой езды карет скорой помощи... Эти впечатления делали войну наглядной всякому лондонцу.

Нанося, таким образом, воздушным путем удары в сердце неприятельской страны, германцы нападали, вместе с тем, на морской флот Великобритании всеми имевшимися в их распоряжении средствами. В начале войны по всему миру были рассеяны германские каперские суда, а в Тихом океане крейсировала эскадра мощных крейсеров новейшего типа, а именно «Шарнгорст», «Гнейзенау», «Лейпциг», «Нюренберг» и «Дрезден». Некоторые из отряженных для самостоятельного плавания крейсеров, и в особенности «Эмден», нанесли значительный ущерб торговле, прежде чем их удалось изловить, а главные силы германской эскадры

[1]) Небесполезно сопоставить бомбардировку японских городов англичанами (за происшедшее во время ссоры убийство англичанина, в 1863 году). Впоследствии бомбы и пулеметный огонь с аэропланов применялись британскими военными властями против индусского сельского населения, подозреваемого в мятежных намерениях.

застигли слабейшую британскую флотилию близ побережья Чили и потопили 1 ноября 1914 года крейсера «Good Hope» и «Monmouth». Месяц спустя эти германские суда были, в свою очередь, застигнуты английской эскадрой адмирала Стэрди и все (за исключением «Дрездена») потоплены в бою при Фальклэндских островах. После этого боя поверхность моря оставалась в неоспоримом обладании союзников, и этого господства нимало не поколебало большое морское сражение у берегов Ютландии (1 мая 1916 года). Германцы обращали все больше и больше внимания на подводную войну. С самого же начала войны их подводные лодки достигли значительных успехов. В один день, 22 сентября 1914 года, они потопили три сильных крейсера — «Абукар», «Хог» и «Кресси», с 1473 чел. экипажа. В течение войны подводные лодки продолжали взимать дань с британского судоходства: сначала они опрашивали и осматривали пассажирские и грузовые суда, но затем отказались от этого правила из опасения ловушек и весною 1915 года начали топить суда без предупреждения. В мае 1915 года они потопили большой пассажирский океанский пароход «Лузитанию» без всякого предупреждения, при чем утонуло много американских граждан. Это вызвало озлобление американцев по отношению к немцам, но возможность нанесения вреда и, быть может, даже поражения Великобритании путем подводной блокады была так велика, что германцы упорно продолжали вести все более и более интенсивную подводную войну, не считаясь с опасностью вовлечения Соединенных Штатов в число своих врагов.

Тем временем весьма неудовлетворительно снаряженные турецкие войска пытались угрожать Египту через Синайскую пустыню.

И в то время как германцы направляли таким образом свои удары, и в воздухе и под водою, на Великобританию, т.-е. на своего наиболее мощного и наименее уязвимого врага, французы и англичане также предпринимали на востоке злополучное фланговое нападение на центральные державы через Турцию. Кампания в Галлиполи была задумана тонко, но выполнена позорно. Если бы она удалась, то союзники овладели бы Константинополем в 1915 году. Но турки были предупреждены о проекте за два месяца преждевременной бомбардировкой Дарданелл в феврале месяце; кроме того, план был, повидимому, предан греческим двором. В результате, когда британские и фран-

цузские войска высадились в апреле на Галлипольском полуострове, они нашли турок хорошо окопавшимися и лучше снаряженными для окопной войны, чем сами союзники. Последние полагали, что роль тяжелой артиллерии сыграют крупные судовые орудия, которые оказались, однако, сравнительно бесполезными для целей рузрушения окопов; кроме того, сверх многих других непредвиденных союзниками неожиданостей, они не предусмотрели появления неприятельских подводных лодок. Было утрачено несколько больших броненосцев; они пошли ко дну в тех же прозрачных водах, по которым некогда корабли Ксеркса плыли навстречу ожидавшей их роковой участи при Саламине. История галлипольского похода союзников является одновременно героической и жалкой; это — трагедия мужества и бесполезной потери человеческих жизней, материалов и престижа, завершившаяся эвакуацией в январе 1916 года [1].

Эта неудача была вызвана, отчасти, отказом Греции принять участие в выступлении. В течение полутора лет греческий король, зять германского кайзера, пользовавшийся покровительством высокопоставленных друзей среди союзников, обманывал и вводил в заблуждение последних и способствовал гибели большого числа британских и французских солдат. В июне 1917 года он был вынужден отречься от престола, но вместо того, чтобы предоставить грекам осуществить, под руководством их достойного вождя Венизелоса, свои естественные и традиционные республиканские стремления, его сын Константин, племянник кайзера, был провозглашен королем, *под давлением союзных правительств.* Эта греческая страница истории великой войны еще ждет исследований историка. В настоящее время эта история представляется совершенно необъяснимой, и мы приводим эти нелепые факты, не пытаясь искать для них разумное объяснение.

С этими колебаниями греков было тесно связано вступление Болгарии в войну (12 октября 1915 г.). Болгарский царь в течение более года не решался сделать выбор между обеими сторонами. Наконец, очевидная неудача англичан в Галлиполи,

---

[1]) О легкомысленной несостоятельности, обнаруженной в этой авантюре британскими военными властями, см. книгу *Sir Jan Hamilton* «Gallipoli Diary». Справедливость к британскому главнокомандующему заставляет добавить, что несостоятельность проявила центральная власть, не обращавшая внимания на его требования — доставить ему подкрепление и снабжение.

в связи с энергичным австро-германским наступлением на Сербию склонила его на сторону центральных держав. В то время как сербы были в пылу борьбы с австро-германскими завоевателями на Дунае, он атаковал Сербию с тыла, и в несколько недель вся страна была покорена. Сербская армия проделала страшное отступление через горы Албании к побережью, где остатки ее были спасены союзным флотом.

Союзные войска высадились в Салониках, в Греции, и стали наступать внутрь полуострова по направлению к Монастырю, но были не в силах оказать сколько-нибудь действительную помощь сербам. Именно салоникский план решил судьбу галлипольской экспедиции.

На Востоке, в Месопотамии, англичане, пользуясь главным образом индийскими войсками, произвели еще более отдаленную фланговую атаку на центральные державы. Весьма неудовлетворительно экипированная для данной кампании армия была высажена в Басре в ноябре 1914 года и в следующем году продвинулась к Багдаду. Она одержала победу при Ктезифоне, древней столице Арсакидов и Сассанидов, в двадцати пяти милях от Багдада, но турки получили сильные подкрепления, и английская армия отступила к Куту, где была окружена и 29 апреля 1916 года, под давлением голода, сдалась в плен с генералом Тоуншендом во главе.

Все эти кампании, происходившие на земле, в воздухе и под водою, в России, Турции и Азии, были вспомогательными по отношению к главному, решающему фронту от Швейцарии до Северного моря; здесь зарылись в землю миллионы людей, медленно приучавшихся к неизбежным приемам современного научного ведения войны. Быстрого прогресса достигло применение аэропланов. В начале войны последние употреблялись преимущественно для разведочных целей, а у германцев они давали также указания артиллерии во время боя. Воздушный бой был еще чем-то неслыханным. В 1916 году аэропланы были снабжены пулеметами и сражались в воздухе; все большее значение приобретали бомбардировки с аэропланов; поразительно усовершенствовалось фотографирование с аэропланов и, наконец, огромного развития достигло применение авиации к деятельности артиллерии, притом как воздушных шаров, так и аэропланов. Но военные умы все еще сопротивлялись применению танков, этого бесспорно решающего оружия в окопной войне.

Вне военных кругов многие проницательные люди вполне ясно понимали значение танков. Применение их, как орудия борьбы против окопов, было совершенно очевидным. Еще Леонардо да-Винчи изобрел прототип танка, но какому военному «специалисту» могло притти в голову изучать Леонардо? Вскоре после южно-американской войны, в 1903 году, в журналах появлялись фантастические описания воображаемых сражений, в которых фигурировали танки. Полная модель танка была предложена в свое время, в 1912 году, британским военным специалистами, но они, разумеется, ее отвергли. Танки были изобретены и изобретались вновь до начала войны. Но если бы дело оставалось всецело в руках военных, то танки так и не нашли бы себе применения. На сооружении первых танков настоял Уинстон Черчиль, состоявший в то время в британском адмиралтействе, и они были посланы во Францию вопреки резким возражениям противников этого нововведения [1]). Применением этих орудий военная наука обязана британскому флоту, но не армии. Германские военные авторитеты, равным образом, были предубеждены против них. В июле 1916 года сэр Дуглас Хэг, британский главнокомандующий, начал большое наступление, которое оказалось бессильным прорвать германский фронт. Местами англичане продвинулись на несколько миль, в других местах они были отброшены. Новые английские армии понесли огромные потери. И все же Хэг не применил танков.

В сентябре, когда время года было уже слишком позднее для систематического наступления, на фронте впервые появились танки. Несколько из них были — не очень-то умело — введены англичанами в бой. Они произвели на германцев сильное впечатление, вызвав в их рядах нечто вроде паники, и вряд ли можно сомневаться в том, что если бы они были применены в достаточном количестве в июле, под руководством энергичного и одаренного воображением генерала, то они тотчас довели бы войну до конца. В этот момент союзники были на Западном фронте сильнее германцев. Россия, хотя и приближавшаяся быстрыми шагами к истощению, еще сражалась, Италия сильно теснила австрийцев, а Румыния только что выступила на стороне союзников. Но растрата человеческих жизней в этом злополучном июльском наступлении, на-ряду с упорным пренебреже-

[1]) См. *Stern* «Tanks», а также *Fuller* «Tanks in the Great War».

нием военных авторитетов помощью танков, поставила союзников на край гибели.

Как только неудача англичан в июле успокоила германцев, они обрушились на румын, и зимою 1916 года Румынию постигла та же участь, которая выпала на долю Сербии в 1915 году. Год, начавшийся эвакуацией Галлиполи и сдачей Кута, закончился покорением Румынии и залпами, направленными против десанта французских и английских моряков толпой монархистов в афинском порту. Было похоже на то, что греческий король Константин, этот ставленник союзной дипломатии, намеревался повести свой народ по стопам болгарского царя Фердинанда. Но побережье Греции весьма доступно для военных действий с моря. Греция была подвергнута блокаде, и французские войска из Салоник соединились с итальянскими войсками из Валоны для того, чтобы отрезать греческого короля от его друзей в Средней Европе.

В общем, к концу 1916 года положение дел казалось гораздо менее опасным для империализма Гогенцоллернов, чем после неудачи первого большого наступления на Марну. Союзники потеряли понапрасну два года. Бельгия, Сербия и Румыния, а также обширные области Франции и России были заняты австро-германскими войсками. Ответные удары союзников один за другим терпели неудачу, и Россия была уже на волосок от катастрофы. Если бы правительство Германии было благоразумно, оно имело бы возможность заключить в это время приемлемый мир. Но блеск успеха опьянил германских империалистов. Они хотели не безопасности, а триумфа, не мирового благосостояния, а мирового владычества. «Мировая империя или гибель» — такова была их формула; она не оставляла их противникам никакого иного исхода, кроме борьбы до решительного конца.

9.

В 1917 году вышла из строя Россия [1].

. . . .

. . . .

Весною 1917 года произошло кровопролитное и безрезультатное наступление французов на германский фронт в Шампани, сопровождавшееся огромными потерями. Таким образом, к концу 1917 года события сложились для Германии вполне благоприятно, если бы германское правительство действительно вело войну в целях безопасности и благополучия, а не из тщеславия и ради победы. Но до самого конца, до момента окончательного истощения, народы центральных империй должны были отдавать все свои силы для осуществления мирового империализма.

Для этой цели было необходимо не только устоять против Великобритании, но и покорить ее, и Германия, пытаясь достигнуть этого, вовлекла Америку в круг своих врагов. В течение 1916 года подводная кампания становилась все более интенсивной, но нейтральное судоходство еще оставалось неприкосновенным. В январе 1917 года была объявлена более суровая «блокада» Великобритании и Франции, и всем нейтральным государствам было предложено удалить свои суда из британских вод. Началось потопление судов всех стран без разбора, вынудившее Соединенные Штаты объявить войну Германии 6 апреля 1917 года. В течение 1917 года, в то время как Россия слабела все больше и больше, американский народ быстро и уверенно превращался в великую военную державу. В то же время неограниченная

[1] Выпущено описание событий русской революции, повторяющее факты, общеизвестные русским читателям. *(Прим. перев.)*

подводная кампания, ради которой германские империалисты рискнули приобрести себе нового врага за океаном, оказалась гораздо менее успешной, чем они рассчитывали. Британский флот обнаружил гораздо больше изобретательности и инициативы, чем британская армия; быстро появились средства борьбы с подводными лодками под водою же, на поверхности воды и в воздухе; в результате, по истечении какого-нибудь месяца серьезного разрушительного действия, звезда подводных лодок стала постепенно клониться к закату. Англичане нашли необходимым перейти на пайковое довольствие; но карточная система была хорошо составлена и умело применялась, население отнеслось к нововведению спокойно и благоразумно, и опасность голода и общественной неурядицы была устранена.

Тем не менее, германское имперское правительство упорно вело свою линию. Если подводные лодки не выполнили всего, чего от них ожидали, если американские армии вырастали, как тучи, то все же Россия была окончательно выведена из строя; и в октябре 1917 г. точно такое же осеннее наступление, какое в 1915 году раздавило Сербию и в 1916 году Румынию, тяжело обрушилось на Италию. Итальянский фронт был прорван после битвы при Капоретто, и австро-германские армии ринулись в Венецианскую область и подошли почти на пушечный выстрел к Венеции. В виду этого Германия сочла себя в праве отнестись высокомерно к русским мирным предложениям, и мир в Брест-Литовске (2 марта 1918 года) дал западным союзникам некоторое представление о том, что означала бы для них победа Германии. Это был жестокий и до крайности угнетающий мир, продиктованный с чрезвычайной дерзостью самоуверенных победителей.

В течение всей зимы германские войска перевозились с Восточного фронта на Западный, и вот, весною 1918 года, ослабевший энтузиазм голодной, усталой и израненной Германии был подстегнут для последнего и величайшего усилия, которое должно было в самом деле и наверное закончить войну. Уже несколько месяцев американские войска находились во Франции, но главные силы американской армии были еще за Атлантическим океаном. Было давно пора нанести последний решительный удар на Западном фронте, если этому удару суждено было обрушиться. Первое наступление было направлено против англичан в районе Соммы. Не слишком блестящие кавалерийские генералы, все еще командовавшие фронтом, на котором

кавалерия была бесполезной помехой, были застигнуты врасплох; 21 марта, во время так называемого «разгрома генерала Гоу», одна из британских армий была отброшена в таком беспорядке, какого английские войска никогда еще не переживали. Были оставлены тысячи орудий и десятки тысяч пленных. В значительной степени эти потери были вызваны крайней неумелостью высшего командования. Не менее сотни танков было брошено лишь *потому, что у них не хватило нефтяного топлива.* Англичане были отброшены почти к Амьену [1]). В течение апреля и мая германцы непрерывно атаковали фронт союзников. Им почти удалось прорвать его на севере, и они отбросили союзников к Марне, которой достигли вновь 30 мая 1918 года.

Это было апогеем германских усилий. В тылу у них оставалась лишь обессилевшая родина. Из Англии, через Ламанш, спешно переправлялись свежие войска, и Америка посылала теперь во Францию сотни тысяч людей. В июне усталые австрийцы сделали последнее усилие в Италии, но не выдержали контр-наступления итальянцев. В начале июня французы начали развивать контр-наступление на секторе Марны. В июле прилив сменился отливом, и германцы отхлынули. Битва при Шато-Тьерри (18 июля) обнаружила надежные качества новых американских армий. В августе англичане предприняли сильное и удачное наступление в Бельгию, и выдвинувшаяся к Амьену линия германского фронта ослабла и быстро съежилась. Германия вышла из строя. Ее армия потеряла боеспособность, и октябрь был месяцем поражений и отступления по всему Западному фронту. В первых числах ноября английские войска заняли

---

[1]) Среди офицеров и солдат 5-й армии я встретил всеобщее убеждение, что они стали жертвами ужасающей работы штаба, имевшей трагические последствия. Мои личные впечатления от некоторых офицеров штаба 5-й армии привели меня к такому же выводу. Некоторые из этих молодых джентльменов, а также некоторые из старших офицеров были надменны и горды, но не обнаруживали ни малейших признаков ума. Если они и обладали мудростью, то, во всяком случае, она была непроницаемо замаскирована внешним невежеством. Если они обладали познаниями, то они, очевидно, скрывали их в качестве личной тайны. Генерал Гоу во Фландрии, хотя и лично ответственный за многие трагические события, имел несоответствующих своему назначению подчиненных, и батальонные офицеры и штабы дивизий в крайне резких выражениях выражали свое негодование против всей организации или, вернее, дезорганизации 5-й армии. *Philip Gibbs* «The Realities of War».

Валансьен, а американцы — Седан. В Италии австрийские армии также начали беспорядочное отступление. И повсюду стали теперь разлагаться войска Гогенцоллернов и Габсбургов. Заключительная катастрофа произошла с поразительной быстротой. Французы и англичане не верили своим глазам, когда газеты стали день за днем сообщать о захвате сотни орудий и тысяч пленных.

В сентябре большое наступление союзников на Болгарию вызвало в этой стране революцию и предложение заключить мир. Затем последовала капитуляция Турции — в конце октября, и Австро - Венгрии — 4 ноября. Была попытка вывести в открытое море германский флот для последней битвы, но произошел матросский бунт (7 ноября).

Кайзер и кронпринц поспешно и без всякого достоинства скрылись в Голландию. Это было похоже на бегство клубных шулеров, спасающихся от потасовки. 11 ноября было подписано перемирие, и война была окончена...

Четыре с четвертью года длилась эта война, постепенно вовлекшая в свой водоворот почти все население, — по крайней мере, на Западе. Свыше десяти миллионов людей было убито в боях и от двадцати до двадцати пяти миллионов погибло от вызванных войною лишений и болезней. Десятки миллионов страдали и были изнурены недоеданием и нуждой. Значительная часть оставшихся в живых была занята работой на военные нужды — военным обучением, постройкой и вооружением военных судов, изготовлением военных припасов, службой в лазаретах, замещением лиц, призванных в армию, и т. п. Дельцы свыклись с более лихорадочным темпом своей деятельности, необходимым для извлечения прибыли в переживавшем кризис мире. Война стала, в полном смысле слова, атмосферой, житейской привычкой, новым общественным укладом. И вдруг она прекратилась.

В Лондоне перемирие было объявлено около полудня 11 ноября. Оно вызвало поразительную остановку всех обыденных занятий. Конторские служащие высыпали на улицу из своих контор и не хотели возвращаться туда, приказчики покинули свои прилавки, шофферы военных автомобилей и омнибусов ездили по фантастическим маршрутам с толпами случайных, возбужденных и шумных пассажиров, никуда не собиравшихся ехать и не заботившихся о цели своей поездки. Огром-

ные праздные толпы переполняли улицы, и всякий дом и магазин, имевший флаги, вывешивал эти украшения. Когда наступила ночь, были ярко освещены многие главные улицы, не освещавшиеся в течение многих месяцев вследствие воздушных налетов. Было очень непривычно снова видеть скопившиеся большие толпы людей при искусственном освещении. Всякий чувствовал себя освобожденным от напряжения, испытывая своеобразное болезненное облегчение. Наконец, все это миновало: не будут больше убивать людей во Франции, не будет воздушных налетов — и жизнь пойдет лучше. Людям хотелось и смеяться и плакать — но они были неспособны ни на то, ни на другое. Жизнерадостная молодежь и молодые солдаты в отпуску составляли немногочисленные процессии, прокладывая себе дорогу сквозь поток людей, усердно старались внести оживление. Захваченное германское орудие было привезено в Трафальгарский сквер, и лафет его был сожжен. Разбрасывались петарды и шутихи. Но единодушного и неподдельного веселья было немного. Почти каждый потерял и перестрадал слишком много для того, чтобы выражать свою радость сколько-нибудь оживленно.

10.

В течение первого года по окончании войны мир напоминал человека, перенесшего весьма грубо выполненную и опасную хирургическую операцию и все еще не уверенного, будет ли он жить или же не оправится и умрет от пережитого глубокого потрясения и потери крови. Мир был ошеломлен и растерян. Германский милитаристический империализм был разбит, но победа стоила страшно дорого. Враг был очень близок к победе. Теперь, когда напряжение борьбы исчезло, жизнь текла довольно медленно, слабо и имела переменчивый и неуверенный характер. Возникло всеобщее стремление к миру, всеобщее желание вернуть утраченную безопасность, свободу и благосостояние довоенного времени, но это желание не подкреплялось достаточной силой воли, которая могла бы добиться этих благ и обеспечить за собою обладание ими.

Подобно тому как это было с Римской республикой под влиянием долголетней и тяжелой Пунической войны, так и теперь обнаружился сильный рост жестокости и насилия, а также глубокое падение финансовой и экономической честности. Благородные души щедро жертвовали собой ради неотложных военных нужд, но коварные и низкие элементы делового и денежного мира зорко следили за капризной конъюнктурой военного времени и крепко захватили в свои руки материальные рессурсы и политическую власть в своих странах. Люди, которые до 1914 года считались бы темными авантюристами, приобретали повсюду власть и влияние, тогда как лучшие люди трудились без всякой награды. Такие люди, как лорд Rhondda, английский министр продовольствия, убивали себя работой, в то время как

военные спекулянты богатели и захватывали в свои руки печать и партийные организации.

Во время войны почти всеми воюющими странами были проделаны необычайные эксперименты в духе административного коллективизма. Оказалось, что обычные методы торговли мирного времени, — как, например, анархическая неорганизованность рынка, припрятывание находящегося в спросе товара и т. д. — были несовместимы с военными нуждами, требующими быстрого удовлетворения. Транспорт, топливо, снабжение продовольствием и распределение сырья (притом, относящегося не только к одежде, строительному делу и т. п., но ко всему необходимому для ведения войны) — все это было подчинено контролю государства. Фермеры уже не могли сокращать производство сельско-хозяйственных продуктов; в охотничьи рощи выгонялся скот, а луга вспахивались с согласия собственника или же против его согласия. Возведение роскошных сооружений и учреждение спекулятивных обществ были воспрещены. В воюющей Европе, в сущности, установился режим социалистического государства, вызванный критическим положением. Этот режим был осуществлен наспех и был расточителен, но он был более удобен, чем беспрестанная хаотическая погоня за прибылями, спекулятивный захват рынка, посредническое барышничество и неорганизованное производство «частной предприимчивости».

В первые годы войны во всех воюющих государствах широко распространилось братское сознание общности интересов. Незаметные люди повсюду приносили свою жизнь и здоровье в жертву тому, что они считали общим благом страны. Взамен этого им было обещано, что после войны будет меньше социальной несправедливости и больше служения общему благу. В Великобритании, например, Ллойд-Джордж особенно настойчиво высказывал свое намерение превратить Великобританию после войны в «страну, достойную героев». В пламенных и прекрасных речах он предрекал сохранение этого нового военного коммунизма и во время грядущего мирного периода. В Великобритании было создано «министерство переустройства», на которое возлагалось составление проектов нового и более справедливого социального строя, лучших условий труда, лучших жилищ, более широкого распространения просвещения, полный и научный пересмотр экономической системы. Такие же надежды на гря-

дущее улучшение поддерживали бодрость солдат Франции, Германии и Италии. Преждевременное разочарование в этих надеждах вызвало русскую катастрофу. Таким образом, к концу войны два взаимно враждебных течения мыслей и надежд существовали в умах западно-европейских народов. Богатые люди и авантюристы, в особенности новые капиталисты военного времени, строили свои планы, имевшие целью воспрепятствовать таким реформам, как объявление воздушного транспорта государственным достоянием, и стремились вырвать из рук общества и снова передать в руки частного капитала фабрики, судоходство, сухопутный транспорт, все общественные предприятия и оптовую торговлю; они стремились овладеть печатью и для этой цели вмешивались в деятельность партий и т. п.; в то же время народные массы наивно верили в наступление нового общественного строя, построенного почти всецело в их интересах и сообразно универсальным идеям справедливости. История 1919 года есть, по преимуществу, история столкновения этих двух течений. «Деловое» правительство, игравшее роль контролера, производило поспешную распродажу всех доходных общественных предприятий частным спекулянтам. К средине 1919 года рабочие массы всего мира были, видимо, разочарованы и настроены весьма возбужденно. Британское «министерство переустройства» и его иностранные эквиваленты оказались комедией, разыгранной для успокоения масс. Народ понял, что его одурачили. Предстояло вовсе не переустройство, а лишь восстановление старого порядка, притом в более суровой форме, обусловленной обнищанием новой эпохи.

В течение четырех лет драма войны заслоняла социальный вопрос, развивавшийся в девятнадцатом столетии в недрах западных цивилизаций. Теперь, когда война окончилась, этот вопрос вырос вновь, во всей своей необъятности и обнаженности; никогда еще так не ощущалась его настоятельность.

Угнетающие лишения и всеобщая необеспеченность нового времени еще обострялись глубоким расстройством денежного обращения и кредита. Деньги, представляющие собою, в сущности, скорее сложное наслоение условных соглашений, чем систему ценностей, утратили в воюющих странах свою опору — золотую единицу. Золото было сохранено только для международного обмена, и каждое правительство выпускало для домашнего употребления чрезмерное количество бумажных денег. После

уничтожения преград военного времени международный обмен превратился в хаос диких колебаний конъюнктуры и стал приводить в отчаяние всех, за исключением немногочисленных игроков и юрких спекулянтов. Цены росли и росли, приводя в ярость всякого человека, живущего на свой заработок. С одной стороны, предприниматель сопротивлялся его требованиям увеличения заработной платы; а с другой—пища, жилище и одежда были в постоянном заговоре против него. Кроме того—и это было главной опасностью положения — *он утратил последние остатки веры в то, что какое бы то ни было проявленное им терпение или интенсивность труда действительно облегчат претерпеваемые им лишения и неудобства.*

В речах политических ораторов, к концу 1919 и началу 1920 года, обнаруживалось все возроставшее признание того факта, что так называемая капиталистическая система, т.-е. система частной собственности, движущим импульсом которой является частный доход,—переживала критический момент. Они соглашались с тем, что она либо должна была осуществить всеобщее благосостояние, либо подлежала пересмотру. Интересно отметить речь Ллойд-Джорджа, британского премьер-министра, произнесенную в субботу 6 декабря 1919 года. Ллойд-Джордж получил образование и практическую подготовку провинциального адвоката; он рано вступил в сферу политической деятельности и впоследствии, в течение блестящей парламентской карьеры, у него было мало досуга для чтения и размышлений. Но как человек, одаренный от природы большой проницательностью, он весьма точно выразил в этой речи мысли более интеллигентных дельцов и поддерживающих его богатых людей.

«Новый вызов брошен цивилизации, — сказал он. — Что это за вызов? Он весьма серьезен. Он затрогивает всю организацию современного общества: его торговлю, его промышленность, его финансы, его социальный уклад — все это связано с ним. Есть люди, утверждающие, что благосостояние и мощь страны созданы стимулирующим и творческим обращением к индивидуальному импульсу, к индивидуальной деятельности. Это одна точка зрения. Государство должно воспитывать; государство должно контролировать там, где это необходимо; государство должно охранять слабых от гнета сильных; но жизнь возникает из индивидуального импульса и энергии. Это одна точка зрения. В чем заключается другое воззрение? В том, что частная предприимчивость

оказалась бессильной, — она была испытана и найдена недостаточной, привела к полнейшей неудаче, к жестокой неудаче. Она должна быть искоренена, и общество само должно взять на себя производство, распределение, а также и контроль.

«Нам предстоит сделать выбор между этими сильными течениями. *Мы* утверждаем, что недостатки частной предприимчивости могут быть устранены. *Они* заявляют: «Нет, не могут быть устранены. Ни улучшения, ни паллиативы, ни ограничения, ни исправления недостаточны. Эти пороки коренятся в самой системе. Они — плод дерева, и вы должны срубить дерево». Этот призыв раздается в наши дни по всему цивилизованному миру, от океана до океана, в долинах и равнинах. Вы слышите его в плачевных и маньяческих воплях большевиков. Вы слышите его в громких, ясных, но более сдержаных тонах конгрессов и конференций. Большевики стремятся взорвать здание сильным взрывчатым веществом — террором. Другие намереваются разрушить это здание ломами и болтовней, в особенности болтовней [1]).

«Безработицу, с ее несправедливостью к человеку, ищущему и жаждущему работы, просящему работы, не получающему ее и караемому голодным существованием своих детей за неудачу, в которой он не повинен, — *эту пытку частная предприимчивость должна устранить в своих собственных интересах.* Эксплоатация трудящихся, грязные предместья, полурабский труд—все это должно исчезнуть. Мы должны воспитать сознание человеческого достоинства, обращаясь с людьми по-человечески. Если бы мне — я говорю это сознательно — если бы мне предстояло сделать выбор между существующим строем и прозябанием мужчин, женщин и детей в подвалах этого строя, — я ни на минуту не задумался бы над своим выбором. Но в таком выборе нет нужды. Слава богу, в таком выборе нет нужды. Частная предприимчивость может произвести больше, так что все люди получат свою справедливую долю. . .» [2])

Здесь, в мнимокрасноречивых фразах, с приправою шутки, в словах, приспособленных к умственному уровню аудитории, мы находим отражение воззрений среднего здравомыслящего обеспеченного человека не только Великобритании, но и Америки,

[1]) Непереводимая игра слов: «cranc» означает «скоба, *болт*» и, вместе с тем, игра слов, «*болтовня*» *(Прим. перев.)*.

[2]) «Times», 8 декабря 1919 года.

Франции, Италии или Германии. По содержанию и тону, это хороший образчик британского политического мышления в 1919 году. Господствующая экономическая система сделала нас такими, какими мы являемся,—вот основная идея; и мы не хотим, чтобы процесс социального разрушения предшествовал возрождению общества, мы не хотим производить эксперименты над самыми основами нашего социального порядка. Допустим, что это так. Во всяком случае, сам Ллойд-Джордж признал, что известное приспособление необходимо. Между тем, он произнес свою речь через 13 месяцев после перемирия, и в течение всего этого периода частная предприимчивость не выполняла всего того, что Ллойд-Джордж так уверенно обещал от ее имени. Общество ощущало крайнюю нужду в домах. Во время войны прекратилась не только постройка, но и ремонт зданий. Число недостающих домов в последние месяцы 1919 года определялось в одной Великобритании десятками тысяч [1]). Множество людей жило в условиях невыносимой скученности, и происходил самый беззастенчивый ажиотаж с квартирами и домами. Это было трудное, но не безвыходное положение. При наличности такого энтузиазма, энергии и самоотречения, какие, например, смогли справиться с грандиозным кризисом 1916 года, более легкая задача сооружения миллиона домов могла бы быть выполнена в течение года или около того. Но происходила спекуляция со строительными материалами, транспорт был в хаотическом состоянии, и для частной инициативы было *невыгодно* строить дома при любой арендной плате, остающейся в пределах бюджета людей, которые в этих домах нуждались. Поэтому частная предприимчивость далеко не заботилась о том, что общество нуждается в домах, а только спекулировала на арендной плате и сдаче в наем арендованных помещений. Теперь она испрашивала поддержку у государства, чтобы строить доходные дома. В складах образовались большие залежи товаров, и оборот их расстроился, так как транспортные средства были недостаточны. Возникла неотложная потребность в дешевых автомобилях для перевозки грузов и рабочих. Но частная инициатива в автомобильной промышленности находила гораздо более выгодным производство роскошных и дорогих автомобилей для тех, кого

---

[1]) Сведущие лица определяли это число различно: от 250.000 до миллиона.

обогатила война. Построенные на средства государства заводы военного снаряжения беспрепятственно могли бы быть превращены в заводы массового производства дешевых автомобилей, но частная предприимчивость настояла на продаже этих заводов государством и не хотела сама пойти навстречу общественным потребностям, а равно не давала возможности государству действовать в этом направлении. Точно так же при остром недостатке торговых судов и связанных с этим затруднениях, частная инициатива настояла на приостановке работы недавно сооруженных государственных верфей. Денежное обращение было повсюду расстроено, но частная предприимчивость усиленно скупала и продавала франки или марки и этим усиливала затруднительность положения. В то время как Ллойд-Джордж произносил цитированную нами весьма характерную речь, недовольство обывателя повсюду росло, а для удовлетворения его нужд не делалось ничего, или почти ничего. Становилось вполне очевидным, что если не произойдет какого-то глубокого изменения в самом духе торгово-промышленной деятельности, то при существующей системе неограниченной частной инициативы для ближайших двух или трех поколений рабочих нет никакой или почти никакой надежды — во всяком случае, в Европе — на сносные жилищные условия, одежду и образование.

Таковы факты, которые историк обязан отметить, по возможности, без комментариев. Частная инициатива в Европе в 1919 году не проявила ни желания, ни способности пойти навстречу насущным нуждам времени. Как только она освободилась от контроля, она, естественно, устремилась в спекуляцию, ажиотаж и производство предметов роскоши. Она пошла по линии наибольшей прибыли. Она не проявила никакого понимания угрожавших ей опасностей и сопротивлялась всякой попытке ограничить и умерить ее прибыли и сделать ее общественно-полезной, даже в ее собственных интересах. И это происходило перед лицом самых резких проявлений недовольства народных масс, раздраженных продолжением тех лишений и неудобств, от которых они страдали. В 1913 году эти массы жили так, как они жили с самого рождения; они привыкли к той жизни, которую вели. Между тем, в 1919 году массы были повсюду выбиты из колеи либо для службы в армии, либо для работы на фабриках военного снаряжения и т. п. Они утратили свою привычку к повиновению, они были смелее и более способны

к отчаянным действиям. Огромные массы людей прошли такую зверскую школу, как, например, обучение штыковому бою; они научились быть жестокими и придавать меньшее значение насильственной смерти—как чужой, так и своей собственной. Поэтому социальные неурядицы приобрели гораздо более опасный характер. Повидимому, все указывало на то, что существующее положение вещей не будет долго терпимо. Если образованные, состоятельные и благоденствующие люди в Европе не поспешат поставить надлежащие рамки частной инициативе для того, чтобы заставить ее работать добросовестно и энергично для общего блага, если они не признают руководящим мотивом своей деятельности идею служения обществу вместо извлечения прибылей, если они не добьются — в своих собственных интересах — прочного мира, допускающего прекращение не только военных приготовлений, но и международного торгового соперничества, — то стачки и восстания, видимо, должны будут повторяться вплоть до окончательной социально-политической катастрофы. Это не означает, будто массы обладали или воображали, что обладают планом новой социальной, политической и экономической системы. Они не имели такого плана и не думали, что обладают им. Недостатки социалистической схемы не были для них тайной. В действительности положение вещей было гораздо опаснее. Дело было в том, что массы, мало-по-малу, проникались таким отвращением к существующей системе с ее нелепой роскошью, ее всеобщей расточительностью и стихийной нуждой, что не заботились о последующем, поскольку они могли разрушить эту систему. Это было возвращение к состоянию умов, напоминающему то, которое сделало возможным падение Римской империи.

Уже в 1919 году мир увидел, как этим путем пошла одна великая нация—русский народ. Русские разрушили старый порядок и подчинились диктатуре небольшой группы социалистических доктринеров-большевиков, потому что эти люди, повидимому, могли дать нечто новое. Русские разрушили старую систему и ни в коем случае не хотели ее возвращения. Сообщения, доходящие из России к моменту составления настоящего обзора, еще слишком противоречивы и слишком явно проникнуты агитационными целями для того, чтобы мы могли составить какое-либо суждение о деятельности и методах советского правительства, но во всяком случае ясно, что, начиная с ноября 1917 года, Россия не только подчинялась этому правительству и социалистическим, но пре-

имуществу, приемам его деятельности, но и успешно сражалась за него против всех, кто грозил возвращением старого режима.

Мы уже указывали на глубокие отличия русского общественного уклада от западного и на серьезные причины, заставляющие сомневаться в том, что дальнейшее развитие этих двух миров будет протекать параллельно и одинаковыми путями. Невежественность и оторванность русских народных масс от немногочисленного культурного круга состоятельных и образованных людей, живших на счет этих масс, обособило их друг от друга. Этот цивилизованный круг представлял собою как бы отдельную небольшую нацию. Низшие классы восстали против этой отдельной нации, низвергли ее и начали опять, так сказать, создавать новый общественный уклад, который не может не возбуждать чрезвычайного интереса во всем человечестве, независимо от того, окажется ли он жизнеспособным или же разложится. Но на Западе, и в особенности среди приатлантических обществ, гораздо больше единства мыслей и чувств между отдельными классами, чем в России. Даже в случаях столкновений классы могут столковаться и понять друг друга. На Западе нет сплошной безграмотной массы. Группы богатых людей и спекулянтов, «злоумышленников» делового мира, своеволие которых придает самому выражению «частная предприимчивость» подозрительный оттенок для слуха среднего человека, — эти группы представляют там собою лишь более деятельную часть гораздо более многочисленных классов, повинных, быть может, в бездеятельности и самодовольстве, но способных возвыситься до понимания не только безнравственности, но и опасности систематического эгоизма в мире упорного труда, нищеты и тяжких испытаний. Многие из этих благоразумных и нравственных людей обнаружили сознательное отношение к существующему положению вещей, и некоторые из них в своих речах, проповедях и книгах,—зачастую обращенных к трудящимся классам,—выражали весьма благородные и неэгоистические взгляды. Речи, проповеди и книги, сами по себе, мало способствуют, конечно, умиротворению нарастающего негодования людей, живущих в неудовлетворительных жилищах, недоедающих, больных, проникнутых ненавистью, так как эти люди полагают, что положение вещей таково — лишь вследствие беспредельной жадности других людей. Но подобные признания ценны сами по себе, как благие намерения, и если они, вдобавок, подкреплены и под-

держаны известным давлением снизу и разовьются в настойчивое объединение частно-предпринимательской энергии и сосредоточение ее—хотя бы временное—на социально-полезном труде и ограничении спекуляции и роскоши, и если начнется спешная постройка (хотя бы даже немного затрагивающая кошельки и беспечную жизнь состоятельных классов) сносных домов и садов, привлекательных мест развлечения, гигиенических воспитательных учреждений, — словом, того, что необходимо для умиротворения наиболее острого недовольства, — то, в таком случае, еще возможно, что приатлантические страны прибегнут скорее к этому методу реформ, чем к революционному. Но эти реформы нельзя откладывать на неопределенное время; они должны быть начаты возможно скорее.

Как бы то ни было, теперь, повидимому, неизбежно, что новый уровень потребностей, ставший возможным благодаря технической революции истекшего столетия, сделается всеобщим уровнем существования. Революция всегда обусловлена общественным недовольством. Социальный мир невозможен без быстрого сглаживания бессмысленных трений настоящего времени. В наши дни для человечества есть лишь одна альтернатива: либо те, кто владеет и властвует, поспешно и добровольно примут на себя служение обществу и социальное переустройство, либо произойдет мировая социальная революция, ведущая к уравнению условий жизни и к попытке обеспечить благосостояние на новых, до сих пор не испробованных началах. Мы полагаем, что выбор пути находится в Западной Европе и тем более в Америке в руках образованных, имущих и влиятельных классов. Первый путь требует большого самопожертвования,—в особенности со стороны состоятельных людей,—добровольного принятия на себя общественных обязанностей, добровольного подчинения классовой дисциплине и самоотречения; второй путь может потребовать неопределенного времени для своего завершения, он будет, несомненно, весьма разрушительным и кровавым процессом, и еще вопрос — приведет ли он, в конце концов, к новому и лучшему положению вещей. Социальная революция, если западно-европейские государства, рано или поздно, будут в нее ввергнуты, может оказаться процессом, который затянется на столетия; она может привести к социальной катастрофе, подобной падению Римской империи, и в результате потребовать столь же медленного восстановления.

Добавим к вышесказанному краткий отрывок, принадлежащий более талантливому и гораздо более авторитетному автору [1]). Он подходит к вопросу об экономической дезорганизации с другой точки зрения, но приходит к тем же выводам. Он так же ясно говорит по адресу частно-капиталистической системы: «Надо исправиться, надо проявить больше благоразумия и искреннего и сильного стремления к общему благополучию, или уйти».

«В последний период войны все воюющие правительства применяли—по необходимости или по неведению—такие приемы, которые большевизм, быть может, применял намеренно [2]). Даже теперь, когда война окончилась, большинство этих правительств продолжает свои неразумные действия из малодушия. Но, кроме того, европейские правительства, сами, в данный момент, проявляющие одновременно и малодушие и безрассудство, пытаются направить народное негодование, вызванное наиболее очевидными результатами их преступных приемов, на класс так называемых «спекулянтов». Эти последние представляют собою, в широком смысле слова, *предпринимательский* класс капиталистов, т.-е. активный и творческий элемент капиталистического общества, неизбежно богатеющий во время периода быстрого повышения цен, совершенно независимо от того, стремится ли он к этому или нет [3]). Если цены непрерывно повышаются, то всякий предприниматель, приобревший или владеющий собственностью или предприятием, неизбежно извлекает прибыль. Поэтому, направляя ненависть масс на этот класс, европейские правительства подталкивают фатальный процесс, который проницательно понял тонкий ум Ленина. Спекулянты — последствие, а не причина повышения цен. Соединяя народную ненависть к классу предпринимателей с ударом, уже нанесенным общественному порядку в виде насильственного и произвольного нарушения нормальных договорных отношений и установившегося экономического равновесия,—нарушения, являющегося неизбежным результатом инфляции,—западно-европейские правительства делают, наконец, невозможным дальнейшее существование социального и экономического

[1]) *Дж. М. Кейнс* «Экономические последствия мира».

[2]) Они разрушили денежное обращение и расходовали деньги без всякого расчета.

[3]) Кейнс забывает о состояниях, которые были нажиты при помощи спекулятивного захвата рынка и припрятывания товаров в моменты их недостатка.

порядка девятнадцатого столетия. Но у них нет плана для замены этого порядка новым.

«Таким образом, мы видим, что европейский капиталистический класс, выросший из торжества промышленности девятнадцатого века и еще немного лет тому назад казавшийся всемогущим властелином, проявляет ныне чрезвычайную слабость. Страх и личные опасения отдельных представителей этого класса в настоящее время так велики, их уверенность в своей незаменимости для общественного организма и в неотъемлемости их места в обществе настолько поколебалась, что они легко становятся жертвами испуга и запугивания. Не таково было положение в Англии двадцать пять лет тому назад и не таково оно еще и теперь в Соединенных Штатах. Тогда капиталисты верили в себя, в свою ценность для общества, в правомерность своего дальнейшего существования, в право наслаждения своим богатством и в неограниченность своей власти. Теперь они дрожат перед всяким бранным словом. Назовите их германофилами, международными капиталистами или спекулянтами, — и они не пожалеют ничего, лишь бы убедить вас не отзываться о них так резко. Они допускают даже мысль о своем собственном разорении и о гибели от руки их собственных орудий — ими же созданных правительств и печати, владельцами которой они являются. Быть может, исторически верно то, что всякий общественный строй всегда погибал от своей собственной руки».

11.

Прежде чем охарактеризовать работу по умиротворению мира, выпавшую на долю Парижской мирной конференции, мы остановились на социальной и экономической разрухе в европейских государствах и на «классовой борьбе», быстро выступившей вновь на первый план; мы это сделали потому, что беспокойное и тревожное состояние всех тех, чьи интересы связаны с частными вопросами о доходе, ценах, заработке и т. п., в значительной степени объясняет ту атмосферу уныния, в которой конференция приступила к предстоявшей ей огромной работе.

История конференции вращается вокруг одного человека, одного из тех людей, которые, благодаря случайности или личным качествам, выдвигаются как характерные типы и облегчают задачу историка. При обзоре событий мировой истории весьма удобно сосредоточивать внимание на какой-либо индивидуальности, как, например, на Будде, Александре Великом, Фридрихе II, Карле V, Наполеоне I, а затем, отраженным светом этой личности, освещать тот период, в течение которого она жила. Завершение великой войны удобнее всего рассматривать, как сосредоточение надежд и внимания всего мира на американском президенте Вильсоне и как неудачу его попытки оправдать эти надежды.

Президент Вильсон (родился в 1856 году) был сначала выдающимся ученым и профессором истории конституционного права и политических наук вообще. Он занимал ряд профессорских кафедр и был президентом Принстонского университета (в штате Нью-Джерси). Им написан длинный ряд книг, и все они показывают, что его ум был почти исключительно занят американ-

ской историей и американской политикой. Ничто не указывает на то, что он, когда бы то ни было, занимался изучением мировых проблем, выходящих за пределы весьма своеобразных и исключительных американских условий. Психологически Вильсон был новым явлением в истории; он был равнодушен или, скорее, чужд тем фактам прошлого, из которых вырос его новый мир. Он покинул академическую деятельность и был избран в 1910 году, от демократической партии, губернатором штата Нью-Джерси. В 1913 году он был выдвинут той же партией кандидатом в президенты Соединенных Штатов и, вследствие резкой распри между бывшим президентом Рузвельтом и президентом Тафтом, вызвавшей раскол в правящей республиканской партии, он стал президентом Соединенных Штатов.

Августовские события 1914 года застали, повидимому, президента Вильсона, как и прочих его соотечественников, врасплох. Известно, что 3 августа он телеграфно предложил свои услуги в качестве посредника. Затем, в течение некоторого времени, он и вся Америка следили за конфликтом. Первоначально и американский народ и его президент имели, видимо, не очень ясное и глубокое представление об этой давно назревшей катастрофе. Их вековая традиция заключалась в равнодушии к вопросам Старого Света, и эту традицию было не так легко преодолеть. Империалистическое высокомерие германского двора и тупое пристрастие германских военных властей к мелодраматическому «внушению страха», вторжение немцев в Бельгию и совершенные ими там жестокости, употребление ядовитых газов и ущерб, нанесенный предпринятой ими подводной войной, — все это, по мере хода войны, усиливало в Соединенных Штатах вражду к Германии; но традиция политической сдержанности и глубоко укоренившееся убеждение в том, что Америка обладает политической моралью, слишком высокой для европейских конфликтов, удерживали президента от активного вмешательства. Он усвоил в своих обращениях высокопарный тон. Он заявлял, что не может судить о причинах и справедливых целях великой войны. Именно его возвышенное миролюбивое отношение обеспечило ему переизбрание в президенты на второй срок. Но для того, чтобы улучшить мир, еще недостаточно только смотреть на преступников с выражением довольно неопределенного неодобрения. К концу 1916 года осмелевшие германцы стали полагать, что Соединенные Штаты ни в каком случае не примут участия в войне,

и начали, в 1917 году, свою неограниченную подводную войну и потопление американских судов без предупреждения. Благодаря этому крайнему безрассудству, президент Вильсон и американский народ были вовлечены в войну. И вместе с тем они были вынуждены, против воли, определить свои отношения к политике Старого Света в менее туманных выражениях. Мысли и настроение американцев изменились очень быстро. Они приняли участие в войне плечом к плечу с союзниками, но не вступая ни в какие с ними договоры. Они вступили в войну во имя своей собственной современной цивилизации, желая покарать и положить конец недопустимому военному и политическому положению.

Нетороплнвые и запоздалые суждения являются иногда наилучшими. В целом ряде «нот», слишком длинных и разнообразных для подробного их рассмотрения в нашем обзоре, президент Вильсон, как бы размышляя вслух перед всем человечеством, пытался установить существенные различия между американскими штатами и великими державами Старого Света. Он развивал такие идеи о международных отношениях, которые казались всему восточному полушарию новым евангелием, предвестием лучшего мира. Тайные договоры должны исчезнуть, «народы» должны самостоятельно определять свою судьбу, милитаристические притязания должны прекратиться, морские пути должны быть открыты для всего человечества. Эти общие места американского мышления, эти тайные пожелания всякого здравомыслящего человека осветили, как яркий луч, мрак ненависти и борьбы, царивший в Европе. Наконец-то, казалось людям, прорван сомкнутый строй дипломатии и разорвана надвое завеса великодержавной «политики». Наконец-то было открыто и авторитетно высказано желание масс всего мира и подкреплено мощью великого юного народа.

Очевидно, что для осуществления этого мирового права и для проведения этих широких и либеральных обобщений в человеческие взаимоотношения было необходимо какое-то верховное правящее учреждение. Возник целый ряд планов для достижения этой цели. В частности, началось движение в пользу создания некоей мировой лиги, Лиги Наций. Американский президент воспользовался этим выражением и пытался воплотить его в жизнь. Он заявил, что существенным условием мира, которого он добивался путем уничтожения германского империализма, было учре-

ждение этого федерального органа. Лига Наций должна была явиться последней апелляционной инстанцией в международных делах. Она должна была явиться осязательным осуществлением мира. И здесь президент Вильсон снова встретил громкий отклик.

Президент Вильсон стал глашатаем новой эпохи. Во время войны и в течение короткого времени после ее окончания он сохранял это высокое положение, по крайней мере, в глазах Старого Света. Но в Америке, где его знали лучше, возникли сомнения. Ныне, умудренные последующими событиями, мы можем понять эти сомнения. В течение более чем векового периода обособленности и безопасности, Америка создала новые идеалы и формулы политического мышления, не представляя себе сколько-нибудь ясно, что в условиях напряженной борьбы и опасности эти идеалы и формулы могут потребовать сильнейшей защиты. Американскому народу казалось пошлым общим местом многое из того, что представлялось спасительным евангелием народам Старого Света, еще не выбравшимся из вековых политических затруднений. Президент Вильсон только высказывал идеи и принципы своего народа и своей страны, основанные на либеральной традиции и некогда полностью и впервые формулированные на английском языке; но Европе и Азии казалось, что он впервые в истории думал и говорил о том, что оставалось до сих пор невысказанным и тайным. И возможно, что он сам разделял это заблуждение.

Мы имеем здесь дело с талантливым и выдающимся профессором политических наук, который не совсем ясно представлял себе, чем он обязан своим современникам, а также литературной и политической атмосфере, окружавшей его в течение всей жизни; и после своего переизбрания на пост президента он психологически заменил позу политического лидера осанкой мессии. Его «ноты» представляют собою ряд аналитических исследований в сфере мирового положения вещей. Когда, наконец, в своем обращении к конгрессу Соединенных Штатов, 8 января 1918 года, он представил свои «четырнадцать пунктов», как окончательную формулировку американских мирных намерений, то, в качестве формулировки, эти четырнадцать пунктов оказались гораздо лучшими по своему духу, чем по систематичности и содержанию.

Тем не менее, поскольку «четырнадцать пунктов» бесспорно составляют новую эпоху в истории человечества и поскольку

капитуляция Германии сопровождалась уверенностью в том, что эти пункты определят и ограничат лишения и кары мирного договора [1]), будет уместно кратко изложить их здесь, в сопровождении нескольких необходимых замечаний.

I. Первый пункт — самый существенный из всех. Он подводит итоги и изобличает основные недостатки великодержавной системы. Он требует «открытых и открыто заключенных мирных договоров, после которых не должно быть частных международных соглашений какого бы то ни было рода, а дипломатия должна будет действовать всегда открыто и публично».

II. «Безусловная свобода мореплавания по всем морям вне территориальных вод, как в мирное, так и в военное время, за исключением случаев полного или частичного закрытия морей по международному постановлению для охраны международных договоров».

III. «Уничтожение, по возможности, всех экономических границ и установление одинаковых условий торговли между всеми нациями, заключившими мирный договор и объединившимися для его поддержания».

IV. «Взаимное обеспечение достаточными гарантиями того, что ограничение национальных вооружений будет доведено до уровня, не превышающего требований внутренней безопасности».

Эти четыре пунка, имеющие универсальное значение, формулированы превосходно. Но пункт второй недостаточен. Почему только морские пути должны быть свободны? Как быть с воздушными путями выше трех тысяч футов? Как быть с великими международными сухопутными путями? Если Швейцария ведет войну с Германией и Италией, то почему предоставлять этим последним державам возможность прекратить воздушный и сухопутный транзит и проезд мирных пассажиров между Францией и Константинополем?

---

[1]) Союзные правительства подвергли внимательному рассмотрению переписку, имевшую место между президентом Соединенных Штатов и германским правительством. При соблюдении перечисленных ниже условий они изъявляют готовность заключить мир с правительством Германии, руководствуясь мирными предложениями, изложенными в обращении президента к конгрессу от 8 января 1918 года, и принципами примирения, провозглашенными в его последующих обращениях. (Нота, переданная германскому правительству союзниками через швейцарского министра иностранных дел 5 ноября 1918 года.)

Начиная с пятого, пункты переходят к рассмотрению частных случаев, для которых было бы достаточно одного общего пункта.

V пункт предусматривает «свободное, прямодушное и безусловно беспристрастное разграничение всех колониальных притязаний, основанное на строгом соблюдении принципа, согласно которому, при разрешении всех подобных вопросов о суверенитете, заинтересованное население должно иметь одинаковый вес со справедливыми притязаниями правительства, право которого подлежит определению»... Это положение безнадежно неясно. Что означают здесь, например, термины «притязание» и «право»? Здесь не дано никакого определения, никакого указания.

Уклон в сторону частных текущих вопросов продолжается и в следующих восьми пунктах, которые ясно показывают, насколько узким и отрывочным было представление президента о европейских делах.

VI пункт содержит неопределенное требование эвакуации русской территории (тогда оккупированной германцами) и оказания «помощи» (не определено точнее) русскому народу.

VII пункт касается эвакуации и восстановления Бельгии.

VIII пункт имеет в виду эвакуацию и восстановление всей французской территории и «исправление» зла, причиненного Франции Пруссией в отношении Эльзас-Лотарингии.

IX пункт — исправление итальянской границы «с национальной точки зрения».

X — «автономия» «подвластных народов» Австрии.

XI — эвакуация Балканского полуострова, предоставление Сербии выхода к морю и гарантия независимости балканских государств.

XII пунктом подвластным народам Турции должна быть обеспечена «устойчивая безопасность существования и возможность спокойного автономного развития». Дарданеллы подлежат интернационализации, и оттоманский суверенитет признается только в турецких округах.

XIII. Польше должна быть предоставлена независимость. Наконец, четырнадцатый пункт вновь возвышается от этого перебирания частных случаев до уровня великой хартии.

XIV. «Должно быть создано всеобщее объединение наций на основе специальных соглашений, с целью взаимной гарантии политической и территориальной независимости как крупных, так и мелких государств».

Таково было содержание четырнадцати пунктов. Но в некоторых своих речах, произнесенных после этого исторического обращения, президент Вильсон шел гораздо дальше и гораздо выше этой первоначальной формулировки. 27 сентября 1918 года он высказал в Нью-Иорке следующие весьма важные мысли:

«Мне представляется, что устав Лиги Наций и точное определение ее задач должны составлять часть — и притом, в некотором смысле, наиболее существенную — самого мирного договора. Лига Наций не может быть создана теперь. Если бы она была создана теперь, то явилась бы лишь новым союзом, включающим исключительно государства, объединившиеся против общего врага...

«Но эти общие выражения не раскрывают всей сущности вопроса. Необходимы еще некоторые детали, чтобы эти выражения меньше напоминали тезисы и больше походили на практическую программу. Сейчас я приведу поэтому некоторые подробности и с тем большей уверенностью, что я могу дать им авторитетную формулировку: они представляют собою истолкование обязанностей в отношении заключения мира, как их понимает правительство Соединенных Штатов.

«Во-первых, беспристрастная справедливость не допускает различия между теми, к кому мы хотим быть справедливыми, и теми, к кому мы не хотим быть справедливыми. Она не имеет фаворитов и не знает никаких других мерил, кроме равенства прав заинтересованных народов.

«Во-вторых, никакой частный или сепаратный интерес какой-либо отдельной нации или группы наций не может быть положен в основу какого бы то ни было пункта мирного договора, который не согласуется с общими интересами всех наций.

«В-третьих, не могут быть допущены никакие лиги, или союзы, или договоры и соглашения в пределах общей и единой семьи — Лиги Наций.

«В-четвертых, в качестве особого частного случая, в пределах Лиги Наций не могут быть допущены никакие экономические объединения, преследующие узко-эгоистические цели, а также никакие формы экономического бойкота или остракизма, кроме тех случаев, когда сама Лига Наций применяет экономические карательные меры, в виде изолирования от мировых рынков, как орудие контроля и дисциплины.

«В-пятых, все международные соглашения и договоры всякого рода должны целиком опубликовываться во всеобщее сведение...

«Заявляя, что Соединенные Штаты не будут входить ни в какие сепаратные договоры или соглашения с отдельными нациями, я считаю необходимым тут же сказать, что Соединенные Штаты готовы принять свою полную долю ответственности за соблюдение общих договоров и соглашений, которые отныне должны обеспечивать прочный мир.

«Мы по-прежнему с полным пониманием и сочувственными стремлениями читаем бессмертное предостережение Вашингтона против «союзных тенет». Но лишь сепаратные и замкнутые союзы играют роль капкана; и мы признаем и принимаем долг, налагаемый новой эпохой, дающей нам право надеяться на осуществление всеобщего союза, который не будет тенетами и очистит атмосферу мира для взаимного соглашения и охраны всеобщих прав».

Эти четырнадцать пунктов, с их многозначительными последующими добавлениями, были восторженно встречены всем миром. Они, казалось, предлагали мир, приемлемый для всех здравомыслящих людей, одинаково удовлетворительный и подходящий для честных и искренних немцев и русских, как и для честных и искренних французов, англичан и бельгийцев; и на несколько месяцев весь мир загорелся верой в Вильсона. Если бы эти четырнадцать пунктов могли быть положены в основу мирового соглашения в 1919 году, они тотчас открыли бы новую и более благотворную эпоху в истории человечества.

Но мы должны сказать, что четырнадцать пунктов не сыграли этой роли. Президенту Вильсону была присуща известная узость ума, некоторый оттенок самовлюбленности; а то поколение американского народа, которому представилась эта великая возможность, поколение, родившееся в безопасности, выросшее в изобилии и — по крайней мере, в области истории — в невежестве, — поколение, чуждое волновавшим Европу трагическим вопросам, обнаружило известную поверхностность и легкомыслие. Нельзя сказать, что американцы поверхностны по своей натуре, но их никогда глубоко не воодушевляла идея объединения человечества за пределами их родины. Эта идея была для них интеллектуальным, а не нравственным убеждением. Итак, с одной стороны стоял этот юный народ Нового Света, со своими новыми—

более высокими и лучшими — идеями о мире и мировой справедливости, а с другой — были старые, озлобленные, сбившиеся с пути народы великодержавной системы; и тогда как первый, в своей беспримерной неискушенности, обнаруживал незрелость и некоторое ребячество, последние имели большой жизненный опыт, были ожесточены и затравлены. Тема этого столкновения неопытного юношеского идеализма с умудренной зрелостью старости была разработана еще много лет тому назад выдающимся романистом Генри Джемсом в очень характерном романе «Daisy Miller». Это — трогательная история прямодушной, доверчивой, восторженной, но довольно простодушной американской девушки, наделенной неподдельным стремлением к справедливости и сильным желанием «повеселиться»; она приехала в Европу, где вскоре была завлечена на ложный путь и доведена до избавительной смерти сложностью отношений и упрямой ограниченностью Старого Света. В действительной жизни произошли тысячи вариаций на эту тему, тысячи подобных заатлантических трагедий, и одной из них является история президента Вильсона. Но не следует думать, что если новое явление не может устоять против старой заразы, то тем самым оно бесповоротно осуждено.

По всей вероятности, ни один смертный, видимо пытающийся сделать все, что доступно его силам в окружающих его тяжелых условиях, не был подвергнут такой мелкой, придирчивой и беспощадной критике, как президент Вильсон. Его порицают — и, повидимому, основательно — за то, что он вел войну и последующие мирные переговоры, строго руководясь принципами партии. Будучи президентом, он оставался представителем американской демократической партии, в то время как обстоятельства возвышали его до роли представителя интересов всего человечества. Он не сделал попытки забыть на время партийные интересы и привлечь на свою сторону таких выдающихся американских лидеров, как экс-президенты Рузвельт, Тафт и другие. Он не мобилизовал всех моральных и интеллектуальных ресурсов Соединенных Штатов; он придал слишком личный характер всему начинанию и окружил себя только личными приверженцами. И еще более серьезной ошибкой было его решение участвовать лично в мирной конференции. Почти все осведомленные критики держатся того мнения, что он должен был оставаться в Америке и олицетворять ее, чтобы, в случае необ-

ходимости, говорить от имени нации. В течение заключительных годов войны он занял в мире беспримерное положение.

Вот что сообщает об этом доктор Диллон [1]):

«Европа, когда президент вступил на ее почву, напоминала глину, ожидающую творческой работы мастера. Никогда еще народы не ждали с таким нетерпением Моисея, который привел бы их в давно обетованную страну, где войны воспрещены и неведомы блокады. И в их представлении Вильсон был этим великим вождем. Во Франции люди преклонялись перед ним с благоговением и преданностью. Вожди рабочих в Париже говорили мне, что они плакали от радости в его присутствии и что их товарищи были готовы пройти сквозь огонь и воду, чтобы помочь ему осуществить свои благородные планы. Для трудящегося класса Италии его имя было как бы трубой архангела, при звуке которой должна обновиться земля. Немцы рассматривали его и провозглашенные им гуманные принципы, как свой якорь спасения. Бесстрашный Herr Muehlon заявил: «Если бы президент Вильсон обратился к немцам и сурово осудил их, то они выслушали бы приговор с покорностью и безропотно и тотчас принялись бы за дело». В немецкой Австрии он получил репутацию спасителя, и одно упоминание его имени облегчало страдания и успокаивало страждущих»...

Таковы были напряженные ожидания аудитории, перед которой намеревался появиться президент Вильсон. Он прибыл во Францию на борту судна «Джордж Вашингтон» в декабре 1918 года.

С ним приехала его жена. Без сомнения, американцам это представлялось вполне естественным и обычным явлением. Многие американские представители привезли своих жен. Но, к несчастью, эти дамы внесли в дело восстановления мира светский оттенок, даже более того — оттенок туризма. Транспортные возможности были ограничены, и большинство из них явилось в Европу с удовлетворенным видом привилегированных лиц. Они приезжали как бы для праздничных развлечений. Им намекали, что они увидят Европу при исключительно интересных обстоятельствах. Попутно, они намеревались посетить Честер, или Уорвик, или Виндзор, потому что в другой раз им мог не представиться случай увидеть эти прославленные места. Весьма вероятно,

[1]) В своей книге «The Peace Conference».

что отменялись важные деловые свидания, чтобы осмотреть какой-нибудь «старинный исторический замок». Упоминание об этом в книге, посвященной истории человечества, может показаться тривиальным, но именно подобные незначительные человеческие поступки наложили на мирную конференцию 1919 года печать ничтожества. Вскоре всякий мог убедиться, что Вильсон, эта надежда человечества, куда-то исчез и что на фотографиях в распространенных иллюстрированных журналах изображен благодушный турист со своей супругой, с улыбкой позирующий среди коронованных особ и тому подобного завидного общества... Словом, не трудно проявить мудрость задним числом и догадаться, что президенту не следовало переплывать Атлантический океан.

Люди, с которыми ему, главным образом, пришлось иметь дело,—как, например, Клемансо (Франция), Ллойд-Джордж и Бальфур (Великобритания), Орландо и барон Соннино (Италия), — были представителями весьма несходных исторических традиций. Но в одном отношении они были похожи на него и могли возбудить в нем симпатию. Они так же были партийными политиками, руководившими своей страной во время войны. Подобно ему, они так же не могли понять, что необходимо доверить дело заключения мира людям, лучше и специально для этого подготовленным. «Они были несомненными новичками в международных делах. География, этнология, психология и политическая история были для них книгой за семью печатями. Подобно знаменитому ректору Лувенского университета, который сказал Оливеру Гольдсмиту, что так как он стал главою этого учреждения, не зная греческого языка, то он не может понять, для чего его здесь преподавать, — так и главы правительств, достигшие самого высокого положения в своих странах при очень слабом представлении о международных делах, были неспособны понять, как важно умение разбираться в них и как невозможно исправить здесь допущенную ошибку» [1]...

«Конечно, то, чего им недоставало, они могли, в значительной мере, восполнить, пригласив в качестве своих помощников людей, более одаренных, чем они сами. Но они умышленно выбрали людей посредственных. Отличительным признаком творческих умов является то, что они окружены хорошими сотрудниками, но полномочные представители держав на конференции

---

[1]) Диллон, там же.

не отличались этим свойством. В глубине сцены, на втором плане, у некоторых из них были постоянные или случайные советчики, к словам которых они обыкновенно прислушивались, но многие из их приспешников, приблизившиеся к освещенной рампе мировой сцены, оказались бесцветными и бездарными.

«Так как главы наиболее влиятельных правительств, видимо, считали себя полномочными представителями человечества, облеченными неограниченной властью, то надлежит заметить, что это притязание смело оспаривалось демократической печатью. Почти все газеты, которые читали трудящиеся массы, возражали с самого начала против диктатуры группы премьер-министров, исключая Вильсона»... [1])

Недостаток места не позволяет нам описать, как мирная конференция из Совета Десяти сократилась до Совета Четырех (Вильсон, Клемансо, Ллойд-Джордж и Орландо) и как она стала все менее и менее напоминать искреннее и открытое обсуждение человеческого будущего, все более и более приближаясь к типу старозаветного дипломатического заговора. Велики и прекрасны были надежды, возлагавшиеся на Париж. «Париж во время конференции, — пишет доктор Диллон, — перестал быть столицей Франции. Он превратился в огромный космополитический караван-сарай, изобилующий необычными картинами кипучей жизни, переполненный своеобразными типами рас, племен и народов четырех материков; все они явились сюда для того, чтобы быть наготове и ждать загадочного завтрашнего дня.

«Причудливые гости из Туркестана и Курдистана, Кореи и Азербейджана, Армении, Персии и Геджаса — люди с патриархальными бородами и орлиными носами, — и другие, из пустынь и оазисов Самарканда и Бухары — придавали бесконечной панораме отпечаток арабской сказки. Тюрбаны и фески, остроконечные шапки и головные уборы, напоминающие епископские митры, старинные военные мундиры, придуманные для зачаточных армий новых государств (накануне вечного мира), белоснежные бурнусы, развевающиеся плащи и изящные одеяния, напоминающие римскую тогу, — все это создавало фантастическую атмосферу сказки в том городе, где приходилось сталкиваться и бороться с самой суровой действительностью.

---

[1]) *Диллон.* См. также в главе III его вышеупомянутой книги примеры поразительного невежества, обнаруженного многими делегатами.

«Затем следовали представители богатства, интеллекта и промышленной предприимчивости, глашатаи нового этического уклада, члены экономических комиссий Соединенных Штатов, Великобритании, Италии, Польши, России, Индии и Японии, представители нефтяной промышленности и далеких угольных копей, пилигримы, фанатики и шарлатаны всех стран света, духовенство всех вероисповеданий, проповедники всевозможных учений, вперемежку с монархами, полководцами, государственными деятелями и анархистами, созидателями и разрушителями. Все они горели желанием приблизиться к тиглю, в котором собирались расплавить и переплавить политические и социальные системы мира.

«Ежедневно, во время прогулок, в моей квартире или в ресторанах, я встречал эмиссаров таких стран и народов, самые имена которых до того времени редко упоминались на Западе. Меня посетила делегация понт-эвксинских греков, беседовавшая со мной о своих древних городах — Трапезунде, Самсуне, Триполи и Керасунде, где я проживал много лет тому назад, и сообщившая мне, что они также хотят сплотиться в независимую греческую республику и явились сюда за признанием их притязаний. Албанцы были представлены, с одной стороны, моим старым другом Турхан-пашой, с другой — моим другом Эссад-пашой, при чем первый добивался протектората Италии, а второй требовал полной независимости. Китайцы, японцы, корейцы, индусы, киргизы, лезгины, черкесы, мингрельцы, буряты, малайцы, даже негры и негритосы из Африки и Америки были среди племен и народов, собравшихся в Париже для того, чтобы наблюдать за перестройкой мировой политической системы и заметить то, что затрагивало их интересы»...

В этот-то кипящий, изумительный Париж, нетерпеливо ожидавший предстоящего обновления мира, прибыл президент Вильсон; и он увидел, что всеми течениями и настроениями в этом городе руководит человек более узкий, во всех отношениях, более ограниченный и несравненно более активный, чем он сам: это был французский премьер-министр Клемансо. По настоянию президента Вильсона, Клемансо был избран председателем конференции. «Это была дань уважения к страданиям и жертвам, понесенным Францией», сказал президент Вильсон. И, к несчастью, это и осталось основным тоном конференции, единственным делом которой должно было быть грядущее человечества.

Жорж-Бенжамен Клемансо [1]) был старый журналист, политик, грозный изобличитель злоупотреблений, знаменитый пожиратель министерств, врач, содержавший, в свою бытность муниципальным советником, частную клинику, неистовый и опытный дуэлист. Ни одна из его дуэлей не имела рокового исхода, но во всех он проявил большую смелость. В эпоху Второй Империи он оставил медицинскую науку для республиканской журналистики. В те дни он держался крайних левых воззрений. В течение некоторого времени он был учителем в Америке, женился на американке и развелся с нею. В бурном 1871 году ему было тридцать лет. Он вернулся во Францию после Седана и, с большим пылом и энергией, окунулся в бурную политическую жизнь разгромленной страны. С тех пор его стихией стала бойкая журналистика, с ее задорными личными столкновениями, вызовами на поединок, очными ставками, сценами, драматическими эффектами и остротами по любому адресу. Он был, что называется, «неистовой натурой», его прозвали «тигром», и он, видимо, гордился этим прозвищем. Скорее профессиональный патриот, чем государственный человек и мыслитель, — таков был человек, которого война возвысила до роли мнимого олицетворения тонкого ума и благородного духа Франции [2]). Его ограниченность оказала глубокое влияние на конференцию, которая, сверх того, получила специфическую окраску благодаря такому драматическому эффекту, как подписывание постановлений конференции в том самом Зеркальном зале Версаля, где победоносная Германия провозгласила свое объединение. Там должны были немцы подписать мир. В этой атмосфере для Клемансо и для Франции война перестала быть мировой; это была лишь развязка «страшного года» [3]), поражение и наказание преступной Германии. «Мир должен быть сделан безопасным для демократии», — сказал президент Вильсон. С точки зрения Клемансо, это означало, по его же выражению, «говорить, как Иисус Христос». Надо было сделать мир безопасным для Парижа. «Говорить, как Иисус Христос» — казалось очень смешным многим из тех, скорее блестящих, чем здравых дипломатов и политиков,

[1]) См. книгу *C. Duray* «Clemanceau».

[2]) Он написал несколько романов, не очень удачных и приближающихся к типу сентиментальных мелодрам. Один из них, бледный и аляповатый, недавно появился в английском переводе под заглавием «Сильнейший».

[3]) «L'annee funeste» — 1871 г. *(Прим. перев.)*

которые превратили 1919 год в кульминационный пункт истории человеческой бездарности.

(Следует отметить еще один образец остроумия «тигра»: он сказал, что президент Вильсон со своими четырнадцатью пунктами был «хуже» самого бога, ибо «le bon Dieu» придумал только *десять*...)

Кейнс рассказывает, что Клемансо сидел с Орландо в средних креслах из числа четырех, стоявших полукругом перед камином. Он был в черном фраке и серых шведских перчатках, которых не снимал в течение этих заседаний. Надо заметить, что из этих четырех реформаторов мира он один понимал и говорил по-французски и по-английски.

Цели, к которым стремился Клемансо, были ясны и при известных условиях достижимы. Он хотел уничтожения всего мирного договора 1871 года. Он хотел, чтобы Германия была наказана, как будто она была единственной преступницей, а Франция — безгрешной мученицей. Он хотел такого изувечения и опустошения Германии, чтобы она никогда больше не смогла сравняться с Францией. Он хотел оскорбить и унизить Германию больше, чем была оскорблена и унижена Франция в 1871 году. Ему было безразлично, если бы при разгроме Германии пришла в упадок вся Европа; его ум, неспособный выйти за пределы Рейна, не мог представить себе эту возможность. Он соглашался с предложенной президентом Вильсоном Лигой Наций, как с превосходной идеей, лишь постольку, поскольку она могла гарантировать безопасность Франции; но он предпочитал прочный союз Соединенных Штатов и Англии для охранения, поддержки и возвеличения Франции при—фактически—всяких условиях. Он хотел более широких возможностей для эксплоатации Сирии, Северной Африки и т. д. парижскими финансовыми кругами. Он хотел репараций, чтобы восстановить Францию, ссуд, подарков и дани для Франции, славы и уважения для Франции. Франция пострадала и должна быть вознаграждена. Правда, Бельгия, Россия, Сербия, Польша, Армения, Великобритания, Германия и Австрия также все пострадали, все человечество пострадало, — но что же делать! Это было не его дело. Это были второстепенные актеры в той драме, в которой Франция была для него «звездой». В общем, в таком же духе заботился о благосостоянии Италии и Орландо.

Ллойд-Джордж внес в «Совет Четырех» хитрость валлийца, сложность европейца и, вызванное необходимостью, уважение

к националистическому себялюбию британских империалистов и капиталистов, вернувших ему власть. В это таинственное совещание (оставив у входа свой первый пункт) вошел президент Вильсон с самыми благородными намерениями в отношении своей новооткрытой американской мировой политики, со своими наспех составленными четырнадцатью пунктами (сокращенными уже до тринадцати) и с планом или, скорее, с проектом Лиги Наций.

Вскоре оказалось, что отсутствует и второй пункт. Возможно, что он утонул в Атлантическом океане во время переезда. Возможно, что он был брошен в море в качестве жертвоприношения британскому адмиралтейству.

«Вряд ли существовал когда-либо перворазрядный государственный деятель более неосведомленный по части уловок, практикуемых в зале совещания, чем американский президент» [1]). После различных перипетий, описывать которые мы здесь не можем, он вышел, наконец, из стыдливой полутьмы этого беседовавшего у камина совещания с немилосердно растрепанными и взъерошенными четырнадцатью пунктами, но, кроме того, с крикливым младенцем — Лигой Наций. Умрет ли этот младенец или будет жить и расти — этого никто не мог предсказать; не может предсказать и наш исторический обзор... [2])

Теперь рассмотрим кратко договор о Лиге Наций и резюмируем условия мнимой ликвидации мирового конфликта в 1919—1920 годах; попутно, мы укажем, в чем эти условия отступают от плана, обещанного в «четырнадцати пунктах», и где именно они наиболее угрожают грядущему миру, а также наиболее явно противоречат благосостоянию человечества. Ибо, подобно тому, как история Европы в девятнадцатом столетии сводилась, в значительной мере, к распутыванию последствий Венского трактата, и подобно тому, как великая война была неизбежным последствием Франкфуртского и Берлинского мирных договоров, — так и мировая история в двадцатом веке будет отныне, в значительной мере, смягчением или отменой наиболее несправедливых и невежественных постановлений мирного договора 1919 года, а также борьбой за создание тех необходимых беспристрастных мировых органов власти, недостаточным и неудовлетворительным эскизом которых является Лига Наций.

---

[1]) Кейнс.

[2]) Писано в 1920 году. (Прим. перев.

12.

Этот гомункулус в колбе, который должен был, как предполагалось, превратиться в конце концов в человека, повелевающего землей; эта Лига Наций, воплотившаяся в соглашении от 28 апреля 1919 года, — вовсе не была лигой народов; это была лига «государств, колониальных государств и колоний». Было обусловлено, что все они должны быть «вполне автономными», но какого бы то ни было определения этого термина не было дано. В договоре не было поставлено никаких преград предоставлению привилегий и не было никакой оговорки о каком бы то ни было прямом контроле, осуществляемом народами. Лига, по договору 1919 года, была, на самом деле, союзом «представителей» ведомств иностранных дел, и она даже не уничтожила существовавших в каждой столице посольств, что было нелепо при наличности Лиги. Британская империя фигурировала, прежде всего, как целое, а затем была представлена Индия (!) и четыре колониальных государства — Канада, Австралия, Южная Африка и Новая Зеландия, — все в качестве отдельных суверенных государств. Представитель Индии, разумеется, был назначен Великобританией; остальные четверо были колониальные политики. Но если нашли необходимым раздробить таким образом представительство Британской империи, то делегат Великобритании должен был бы заменять имперского делегата, и следовало бы дать представительство Ирландии и Египту. Более того, штат Нью-Иорк или штат Виргиния являлся, исторически и юридически, почти столь же суверенным государством, как и Новая Зеландия или Канада. Допущение Индии логически давало право на такие же притязания, например, французской Африке или

французской Азии. Один из французских представителей предложил дать отдельный голос маленькому княжеству Монако. В общем собрании Лиги каждое участвовавшее в ней государство должно было иметь свое представительство и обладать равным правом голоса, но исполнительным органом Лиги являлся Совет, состоящий из представителей Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Италии и Японии и, сверх того, еще четырех членов, избираемых общим собранием; Совет должен был собираться раз в год; заседания общего собрания должны были происходить в определенные сроки, которые не были, однако, определены.

Кроме некоторых особо указанных случаев, Лига, согласно своему уставу, могла выносить только единогласные решения. Один несогласный в составе Совета мог провалить любое предложение по принципу старинного польского liberum veto. Это была поистине гибельная оговорка. Для многих она делала Лигу Наций даже бо́льшим злом, чем отсутствие всякой лиги. Эта оговорка была не что иное, как полное признание неотъемлемого суверенитета государств и отрицание идеи верховного блага человечества. Эта оговорка практически преграждала путь всем будущим изменениям устава Лиги, за исключением такого грубого приема, как одновременный выход из Лиги большинства участвующих в ней государств, требующих изменения устава и учреждения новой Лиги на новых началах.

Следующие державы было предложено исключить из участия в Лиге: Германию, Австрию, Россию, а также то, что осталось от Турецкой империи. Но любое из этих государств, в дальнейшем, могло быть принято в Лигу при согласии на то двух третей общего собрания. Первоначальный состав членов Лиги, по проекту устава, был следующий: Соединенные Штаты Северной Америки, Бельгия, Боливия, Бразилия, Британская империя (Канада, Австралия, Южная Африка, Новая Зеландия и Индия), Китай, Куба, Эквадор, Франция, Греция, Гватемала, Гаити, Геджас, Гондурас, Италия, Япония, Либерия, Никарагуа, Панама, Перу, Польша, Португалия, Румыния, Юго-Славия, Сиам, Чехо-Словакия и Уругвай. К ним было предположено добавить, путем приглашения, следующие державы, сохранявшие во время войны нейтралитет: Аргентинскую республику, Чили, Колумбию, Данию, Голландию, Норвегию, Парагвай, Персию, Сальвадор, Испанию, Швецию, Швейцарию и Венецуэлу.

При таком уставе Лиги вряд ли можно удивляться тому, что ее полномочия были ограничены и слишком ничтожны. Ей была отведена резиденция в Женеве и учрежден секретариат. Она не имела даже права контролировать военные приготовления состоящих в ней государств или предписывать их военным органам выработку планов совместных военных действий для поддержания всеобщего мира. Французский представитель в комиссии Лиги Наций, Леон Буржуа, неоднократно и убедительно доказывал логическую необходимость такого права. Как оратор, он был довольно многословен и не обладал «едкостью», свойственной Клемансо. Заключительная сцена пленарного заседания 28 апреля, перед принятием устава Лиги, точно воспроизведена Вильсоном Гаррисом [1]: «Переполненный банкетный зал на Quai d'Orsay, расположенный в виде буквы E, столы для делегатов, вдоль стен — секретари и служащие, и много журналистов в конце зала... В другом конце зала, «трое набольших» *вполголоса обменивались шутками* по адресу почтенного Буржуа, который в это время был занят пятым переводом своей речи, настаивавшей на его знаменитых поправках к уставу; при этом он обращался к помощи внушительной пачки заметок».

Они так часто «вполголоса обменивались шутками», — эти три человека, которые точно на смех были выдвинуты судьбой в страшно ответственный исторический момент. Кейнс приводит другие примеры легкомыслия, вульгарности, небрежности, невнимательности и неспособности, обнаружившихся на этих собраниях.

Этот выработанный таким образом устав Лиги был привезен президентом Вильсоном в Америку и встретил там сильнейшую оппозицию, критику и перекройку, которые показали, между прочим, что умственная энергия Соединенных Штатов, сравнительно, не потерпела ущерба. Было очевидно, что американский народ не сочувствовал договору, представлявшему, в сущности, почти что договор взаимного страхования союзных империализмов. Сенат отказался ратифицировать договор, и поэтому собрание Совета Лиги происходило без участия американских представителей. На исходе 1919 и в первые месяцы 1920 года, после франкофильского и англофильского энтузиазма военного времени, в Америке произошла весьма любопытная перемена настроения. Мирные переговоры очень чувствительно и болезненно

[1]) *Wilson Harris* «The Peace in the Making».

напомнили американцам о том глубоком различии их международного положения от положения любой европейской державы, о котором война позволила им на время забыть. Они почувствовали, что во многих случаях они были увлечены ходом событий, не проявив должной осмотрительности. Они пережили период острой неприязни к той политике обособленности, которая потерпела крушение в 1917 году. В конце 1919 года они испытали новую, весьма понятную фазу обостренного и даже непстового «американизма», для которого и европейский империализм и европейский социализм были одинаково достойны проклятия. Возможно, что был и низменный элемент в склонности американцев «урезывать» ту моральную ответственность за дела Старого Света, которую взяли на себя Соединенные Штаты, и в использовании огромных финансовых и политических преимуществ, которые война дала Новому Свету, но все же в недоверии американского народа к предложенному мирному договору сказался, видимо, его здоровый инстинкт.

13.

Основные пункты трактатов 1919—20 г.г., которыми Парижская конференция завершила свою работу, могут быть изображены гораздо более наглядно при помощи нескольких карт, чем в письменном изложении. Вряд ли есть необходимость указывать, как много пунктов эти трактаты оставляли нерешенными, но мы попытаемся перечислить наиболее вопиющие нарушения тех двенадцати пунктов, которые остались из четырнадцати при открытии конференции.

Основной причиной почти всех этих нарушений были, по нашему мнению, полная неподготовленность и нежелание Британской империи — этой лиги порабощенных государств и эксплоатируемых территорий — подчиниться какому бы то ни было расчленению или видоизменению ее системы или какому-либо контролю над ее морскими и воздушными вооруженными силами. Сходной содействующей причиной была такая же неподготовленность американской психологии к какому бы то ни было вмешательству со стороны, затрогивающему влияние Соединенных Штатов в Новом Свете. Ни одна из этих великих держав, неизбежно явившихся в Париже руководящими и господствующими, не продумала надлежащим образом близкую прикосновенность такого учреждения, как Лига Наций, к этим старинным установлениям; поэтому поддержка этого проекта упомянутыми державами производила на большинство европейских наблюдателей впечатление странного лицемерия; державы, как будто, желали сохранить и укрепить свое могущество и безопасность и, в то же время, удерживали всякую другую державу от таких территориальных приобретений, аннексий и союзов, которые могли бы

создать новый соперничающий и конкурирующий империализм. Неудача их попытки — показать пример международного доверия — уничтожила всякую возможность международного доверия и со стороны других наций, представленных в Париже.

Еще более злополучным был отказ американцев согласиться на японское требование — признать равноправие рас.

Сверх того, министерства иностранных дел Великобритании, Франции и Италии были увлечены традиционными аггрессивными планами, которые были совершенно несовместимы с новыми идеями. Лига Наций, претендующая на сколько-нибудь заметную роль в истории человечества, должна устранить отдельные виды империализма; она должна быть либо сверх-империализмом, свободной мировой империей объединенных государств, состоящих ее участниками или находящихся под протекторатом, либо — ничем; но лишь немногие из присутствовавших на Парижской конференции обладали достаточной проницательностью для того, чтобы вывести хотя бы это очевидное следствие из предложения о Лиге Наций. Они хотели быть одновременно связанными и свободными, обеспечить вечный мир, не выпуская из рук оружия. В соответствии с этим, старым аннексионистским проектам эпохи великих держав была поспешно и довольно прозрачно придана форма мнимых волеизъявлений этого жалкого новорожденного, явившегося на свет 28 апреля. Эта новорожденная и едва обнаруживавшая признаки жизни Лига напоминала римского папу, с беспечной щедростью раздающего «мандаты» империалистическим правительствам; если бы она была тем юным Геркулесом, какого мы ожидали видеть, то она, несомненно, раздавила бы империализм в колыбели. Великобритания получила широкие «мандаты» на Месопотамию и Восточную Африку, Франция — на Сирию; за Италией закреплялись, в качестве мандатной территории, все ее владения к западу и юго-востоку от Египта. Очевидно, что если бы недоносок, проявлявший некоторые признаки жизни в своей женевской колыбели, благодаря уходу своего секретаря, впал в младенческую хилость, свойственную всем учреждениям, зачатым без страсти, то все эти «мандаты» превратились бы в откровенные аннексии. Сверх того, все державы цеплялись всеми силами на конференции за свои «стратегические» границы — и это был наихудший симптом. Для чего государству стратегическая граница, если не для возможной войны? Если под этим предлогом Италия настаивала на предо-

ставлении ей прав на германское население южного Тироля и на славянское население Далмации, и если маленькая Греция предпринимала десант в Малую Азию, то ни Франция, ни Англия не имели возможности сделать нагоняй за эти приемы, не подобающие золотому веку.

Мы не станем здесь подробно описывать, как президент Вильсон уступил японцам и согласился, чтобы они заняли место германцев в принадлежащем китайцам Киао-Чау; мы не станем описывать, как почти сплошь немецкий город Данциг был — если не юридически, то фактически — отдан Польше, и как державы спорили о притязаниях итальянских империалистов на захват юго-славянского порта Фиуме, что лишало юго-славян удобного выхода к Адриатическому морю. Точно так же мы лишь упомянем о запутанных мотивировках и соглашениях, давших французам обладание Саарской долиной, которая является германской территорией, или о совершенно несправедливом нарушении права на «самоопределение», фактически не позволившем немецкой Австрии объединиться с остальной Германией, — между тем как такое объединение было бы вполне естественным и правомерным. Эти жгучие вопросы, занимавшие в 1919—20 годах печать, государственных деятелей и политиков и вызвавшие целый поток пропагандистской литературы, могут показаться мелкими теперь, в дни более широкого движения. Все эти споры, напоминающие подозрительность и брюзгливые выходки усталого и раздраженного человека, могут утратить свою остроту по мере восстановления мирового равновесия и по мере того, как уроки великой войны и ничтожного мира, все еще недостаточно понятные, начнут усваиваться коллективным сознанием человечества.

Рекомендуем читателю сравнить новую карту Европы после заключения мира с ее естественной политической картой. Новые границы приближаются к естественным более, чем какая бы то ни было из предшествующих систем. Необходимым условием успеха Лиги народов является то, чтобы каждый народ сначала получил возможность вполне свободно владеть своим «домом».

Было бы бессмысленно отчаиваться в человечестве из-за этих мирных договоров или полагать, будто последние — нечто большее, нежели слабые первоначальные эскизы переустройства мира. Такое отношение было бы равносильно предположению, что во Франции — этой стране творческого воображения — нет никого лучше Клемансо, что в Америке нет никого сильнее

и мудрее президента Вильсона и что в Великобритании нет никого, кто был бы способен уравновесить кельтскую натуру Ллойд-Джорджа. То внимание, которое мы уделили в нашем обзоре этим трем личностям, имело целью не столько оттенить их значительность, сколько подчеркнуть их незначительность и показать читателю, что вся их деятельность на мировой сцене неизбежно имела временный и случайный характер. Будущее человечества зависит теперь не от государственных деятелей, не от отдельных людей или групп, не от каких-либо государств или организаций и не от каких-либо конституций или трактатов. 1919 год был не творческим и решительным годом, — он был лишь печальным рассветом длинного дня созидательной работы. Конференции «десяти», «четырех» и «трех наибольших» не проявили и следа творческой мощи; в деятелях Версаля не было огня; рассветом явился скорее холодный свет критического горизонта, который проникал сквозь ставни и от которого бледнело пламя оплывающих свечей старой дипломатии, в то время как конференция, позевывая, дотягивала к концу свои занятия. Творчество было не здесь. Но великое движение умов распространяется по всему миру; тысячи мужчин и женщин, во всех странах, начинают сознавать лежащую на них ответственность; они учатся, мыслят, пишут, учат, объединяются, исправляют ложные представления, борются с нелепыми суждениями, пытаются найти и высказать истину; и только на них мы должны возлагать свои надежды, — оставшиеся у нас надежды на то, что более здраво задуманный план заменит эту первую непрочную Лигу и это заплатанное и неудобное покрывало соглашений, которым было на время прикрыто обнаженное убожество нашего мира.

14.

Неудача попытки наладить более удовлетворительный мировой порядок в 1919 — 20 году была, как мы уже указывали, симптомом почти всеобщей интеллектуальной и моральной усталости, вызванной непосильным напряжением эпохи великой войны. Период утомления характеризуется недостатком сильной инициативы; всякий продолжает в течение некоторого времени пассивно отдаваться во власть привычки и установившихся прецедентов.

Ничто не может служить лучшей иллюстрацией этой инерции утомления, чем те мысли, которые высказывались в это время представителями военной профессии. Это будет выразительным эпилогом нашего труда и завершит фигуру огромного мирового вопросительного знака, которым заканчивается наша книга. Мы дадим здесь самое сжатое изложение лекции, прочитанной в собрании фельдмаршалов, генералов, полковников и т. п. лиц — генерал-майором сэром Луисом Джексоном в лондонском Royal United Service Institution в декабре 1919 года. Собранием руководил лорд Пиль, помощник британского военного министра. В просторном и комфортабельном зале несколько десятков красивых и серьезных лиц военных слушали со спокойным вниманием слова лектора, с увлечением изображавшего вероятные технические усовершенствования военного дела в эпоху «грядущей войны».

За стенами здания, в вечерних сумерках Уайтхолла, несся поток лондонского уличного движения, не столь бурного, как в 1914 году, но все же достаточно оживленного; все омнибусы

были переполнены, так как их стало гораздо меньше, а люди были одеты, в общем, хуже. А на некотором расстоянии возвышалось временное сооружение — Кенотаф [1]), подножие которого было скрыто под большой грудой увядающих венков и букетов цветов. Этот Кенотаф посвящен памяти восьмисот тысяч молодых людей, граждан Британской империи, убитых во время войны. Несколько человек клали к подножию монумента свежие цветы и венки. Один или двое плакали.

А еще дальше тянулся серый необъятный Лондон, где люди теперь скучены более, чем когда бы то ни было, где питание дорого, а найти работу куда труднее, чем раньше. Но не везде мы видим беспросветный мрак: Риджентстрит, Оксфордстрит и Бондстрит ярко освещены огнями магазинов и запружены новыми автомобилями, так как мы не должны забывать, что не всем война приносит одни потери. За пределами Лондона страна окутана ночной темнотой, а за узким проливом находятся опустошенные Северная Франция и Бельгия, Германия с десятками тысяч детей, чахнущих и умирающих из-за отсутствия молока, и голодающая Австрия. Половина населения Вены обречена, как утверждают, на смерть от истощения, если не подоспеет американская помощь. Дальше, за этими бледными сумерками, простирается мрак России. Там, по крайней мере, нет богатых людей, покупающих все, что угодно, и нет военных, читающих лекции о грядущей войне. Но в оледенелом Петрограде мало съестных припасов, мало дров и нет угля. И к югу все русские города, в пределах снеговой полосы, претерпевают такое же бедствие, а на Украине и южнее медленно докатывается к своему концу жестокая и мрачная война. Европа — банкрот, и в карманах ее населения шуршат бумажные деньги, покупательная сила которых тает с часу на час...

Но вернемся к сэру Луису, в ярко освещенный зал.

Лектор высказал мнение, — мы пользуемся отчетом, появившимся на следующий день в «Таймсе», — что мы находимся только на заре эпохи глубочайшего переворота в военном искусстве, переворота, небывалого в истории. Поэтому нам — при чем под «нами» подразумеваются, конечно, британцы, а не все

[1]) Т.-е. «пустая гробница», памятник, мавзолей. (*Прим. перев.*).

человечество — поэтому нам надлежит улучшать свое вооружение и быть впереди всех... Недурное вступительное обобщение... «Необходимо создать новое оружие... Нация, наиболее успешно выполнившая эту задачу, будет обладать большим преимуществом в грядущей войне. Есть люди, вопиющие об ограничении вооружений»...

(Но здесь начальник снабжения и обслуживания окопов (Diredor of Trench Warfare and Supplic) ошибся. Эти бедные, добродушные и ограниченные люди только плакали у подножия Кенотафа, потому что они потеряли сына или брата или отца).

Сэр Лунс полагал, что одно из величайших усовершенствований в области военного искусства коснется механического транспорта. По отношению к танку он проявил неблагодарность. Эти военные джентльмены ни за что не хотят признать изобретение, которое толкало и гнало их к победе почти против воли. «Танк — это была «причуда», сказал сэр Лунс... «Ценным свойством танка, — сказал он, — было то, что благодаря ему механический транспорт перестал зависеть от дорог». До тех пор армии в походе были способны только портить дороги; отныне они будут передвигаться на червячных колесах в боевом порядке, широким фронтом, везя орудия, военное снаряжение, обоз, понтоны и паромы, а равно и людей; и при случае они будут бороздить и уничтожать изгороди, канавы, поля и нивы. Армии будут перекатываться по стране, не оставляя за собою ничего, кроме обломков и грязи.

Так наше воображение постепенно подготовляется к картине военных действий.

Сэр Лунс высказался в пользу газа. В особенности рекомендовал он газ для карательных экспедиций. И здесь он поразил и смутил своих слушателей проблеском чего-то приближающегося к сентиментальности. «*Есть возможность*, — сказал он, — заключить соответствующее соглашение, в силу которого не должен применяться газ, причиняющий ненужные страдания». Но здесь говорило скорее его сердце, а не ум; для него должно было быть ясно, что если закон может обладать такой мощью, чтобы запретить любое зловредное изобретение в области военного дела, то он может достигнуть и такой мощи, чтобы совершенно воспретить войну. Но, в таком случае, куда девались бы сэр Лунс

Джексон и его аудитория? Война есть война; ее единственный закон заключается в том, что необходимо максимальное уничтожение неприятельских сил. Закону войны подчиняются все соображения гуманности и справедливости.

От газа сэр Луис перешел к воздуху. Здесь он предсказывал «весьма важные успехи»... «Мы можем пока не тревожить свое воображение летающими истребителями или летающими бетонными фортами, но по истечении двадцати лет бюджет воздушного флота может стать самой существенной частью наших военных приготовлений». Он говорил о применении транспортных летательных аппаратов для сбрасывания бомб и для разведочных целей, а также о необходимости иметь всегда наготове значительные количества боевых аппаратов специальных типов. Он доказывал, что в грядущей войне мишенью бомбардировок будут не места, прилегающие к фронту армий, но что лучшие результаты даст бомбардирование центров, «где фабрикуются боевые припасы и обучаются войска». Всякому, проживавшему в Лондоне или в восточной Англии в 1917 — 18 годах, известно, что это значит — метание бомб на все населенные пункты без разбора. Но, конечно, бомбардировки наших ученических дней будут казаться детской игрой по сравнению с бомбардировками «грядущей войны». Будет несравненно больше аэропланов, будут более сильные и более вредоносные бомбы...

Продолжая свой обзор, сэр Луис упомянул о «разрушении большей части Лондона», как о возможном эпизоде будущей войны. И так далее — вплоть до заключительной морали, согласно которой наивысшее вознаграждение, наибольшее значение и самые широкие средства должны быть предоставлены военным джентльменам. «Понесенные расходы имеют характер абсолютно необходимой страховки». С этим горячо согласилась специфическая аудитория лектора. А некий генерал-майор Стон, повидимому, позабывший об источнике своих выражений [1]), выразил надежду, что эта лекция «может положить начало вере не в Лигу Наций, а в *нашу собственную* десницу и в *нашу* простертую длань».

Но мы не станем приводить дальнейших подробностей этой грезы. Ибо, на самом деле, ни одна утопия не была столь

---

[1]) Сравн. псалом 135.

неосуществима, как это предвидение мира, в котором вряд ли что-либо будет находиться в сравнительной безопасности, кроме заботливо бронированной и контр-минированной главной квартиры, в котором бесчисленные летчики будут беспрестанно бомбардировать воюющие страны, а огромные армии с вереницами транспортных средств на червячных колесах будут передвигаться взад и вперед, превращая поля в пропитанную кровью грязь. В мире не осталось для этого ни достаточной энергии, ни сколько-нибудь сильного желания. От генералов, не предвидевших танков, нельзя ожидать предвидения или понимания мирового банкротства; еще менее способны они понять, что военные действия зависят от колеблющегося настроения масс. Повидимому, эти военные авторитеты из United Service Institution не знали даже того, что целью военных действий является создание в неприятеле известного настроения и что война поддерживается настроением. Главным фактом, упущенным в расчетах сэра Луиса, является тот, что никакой народ, даже народ-победитель, не выдержит того способа ведения войны, какой предвидит этот генерал. Ибо и северная Франция, и юго-восточная Англия, и северная Италия понимают теперь, что в «грядущей войне» победитель может подвергнуться бомбардировкам и истощению почти в такой же степени, как и побежденный. Возможны такие обстоятельства, при которых измученное войной население перестанет различать свои и неприятельские войска и может притти к решению уничтожать и те и другие, как врагов человеческого рода. Великая война 1914 — 1918 годов была кульминационной точкой воинственной энергии западных народов, и они сражались, и сражались хорошо, потому что верили, что ведут «войну против войны». Они, действительно, ее вели. Германский империализм со своим организованным вмешательством в просвещение и со своим тесным союзом с аггрессивным капитализмом, разбит и раздавлен. Милитаризм и империализм Великобритании, Франции и Италии являются сравнительно слабыми, неорганизованными и дезорганизующими пережитками. Они являются «наследием» великой войны. Они не обладают способностью к пропаганде. Они продолжают существовать лишь вследствие того, что недостаток здравого смысла не позволяет им остановиться. Ни одно европейское правительство никогда не поставит под знамена и не возь-

мет на свои военные заводы такую долю своего народа, какую взяли правительства 1914 — 1918 годов. Наш мир теперь (1920 г.) все еще очень слаб и немощен, но его военная лихорадка прошла. Его температура, во всяком случае, ниже нормальной. Сомнительно, чтобы он в скором времени снова заболел лихорадкой. Изменения в условиях военного дела уже теперь гораздо глубже, чем подозревают такие авторитеты, как сэр Луис Джексон [1].

---

[1]) Вот еще одна иллюстрация приятных грез, в которые погружено сознание современных военных. Она взята из недавно вышедшей книги *Fuller'a* «Танки в великой войне». Полковник Fuller не разделяет той вражды к танкам, которой отличаются военные старого типа. «В грядущей войне,—говорит он,—быстро движущиеся танки, снабженные тоннами сжиженного газа... будут переходить границу и уничтожать все живое в полях и фермах, селах и городах неприятельской страны. В это время как жизнь сметается с лица земли на границах, флотилии аэропланов будут атаковать большие промышленные и административные центры противника. Все эти атаки будут направляться сначала не против неприятельской армии, а против гражданского населения, дабы принудить его подчиниться воле нападающей стороны».

Хорошее, уравновешенное изложение, освещающее действительный характер современной войны, можно найти у *Philip'a Gibbs'a* «Realities of War».

15.

Наш обзор был бы неполон, если бы мы не посвятили хотя бы несколько слов подведению итогов того состояния умов, в котором мы оставляем человечество. Ибо история человеческого рода в течение нескольких последних тысячелетий есть не что иное, как история смены и развития различных умонастроений и вытекающих из них поступков. Человеческая история есть, в сущности, история идей, и грозный опыт войны составляет кульминационную эпоху. В продолжение истекших шести лет должно было произойти разрушение предрассудков, предвзятых идей и умственной ограниченности, не имеющее себе равного в истории. Никогда ранее не могло быть такого сильного и всеобщего пробуждения сознания, поглощенного условностями и рутиной. Никогда ранее люди не были так резко поставлены лицом к лицу с общностью своих интересов и судеб. Мы еще даже не начали понимать, в какой степени довоенный мир исчез навсегда и бесповоротно, и как много появилось зачатков нового. Немногие из нас пытались оценить перемену, происшедшую в их собственном сознании.

И в общем, несмотря на прилив и отлив побуждений и мыслей, был, повидимому, сделан шаг вперед к осознанию коллективной потребности и возможности коллективного усилия, охватывающего все человечество. Смерть, опустошение, голод и болезни царят в наши дни; мир полон физических бедствий, но им противостоит это умственное пробуждение.

Во всех материальных отношениях 1913 год кажется теперь — по крайней мере, европейцам — годом поразительного

и недосягаемого изобилия. Но то был год великого социального недовольства и расточительности, год порока и сумасбродных поисков личного удовлетворения со стороны свободных и имущих классов. Великая война явно приближалась; и тем не менее, для предупреждения катастрофы не было ни желания, ни понимания; нарядная, модная светская жизнь плясала под мелодию негритянских танцев, и это изношенное поколение было готово приветствовать даже мировую войну, как новое и самое блестящее развлечение. Война не казалась реальностью сознанию того времени; ничто не казалось реальностью сознанию того времени. Это был мир утраченных или поблекших верований. Он не верил даже в крикливо-цветистые национализмы и империализмы, размахивавшие своими флагами и наполнявшие полмира шумом и блеском огромных армий. Но мир вылился в форму этих явлений, потому что они привлекали своим шумом и блеском и обещали захватывающие приключения. Катастрофа войны не была несчастием, которого можно было избежать; она была неизбежным завершением этой эпохи стихийных течений. Быть может, только через катастрофу могло произойти осуществление нового периода человеческого мышления и воли.

Более серьезный мир 1920 года начинает, повидимому, сознавать ту истину, что существуют реальности, которые стоит искать, и зло, которое не должно быть терпимо. Умственное и нравственное сознание сотен миллионов людей изменилось и изменяется под влиянием суровых уроков современной эпохи. Братское чувство, порожденное скорбью, — скорбью, вызванной общими страданиями и непоправимыми взаимными обидами, — распространяется и усиливается во всем мире. Без сомнения, существуют и сильные противоположные и отрицательные явления — дикая погоня за уменьшающимся избытком богатства, пропаганда (хотя и безуспешная) вражды и раздоров. Преобладающим фактором является, однако, пробудившийся здравый смысл...

Какое удивительное и трогательное зрелище представляет собою человечество наших дней! Пришлось бы собрать в одном уме и для одной правой руки талант и навык десяти тысяч романистов, драматургов и биографов и содержание тысячи исторических сочинений, чтобы изобразить бесконечное разнообразие, беспрестанные и бесчисленные эпизоды и, в то же время, возрастающее единство этой драмы. Повсюду — с зага-

дочными индивидуальными различиями — мы видим превращение юности в зрелость и сопутствующую интермедию любви, желания, любопытства, страстных влечений, соперничества. По мере того как земля, вращаясь, выходит из тьмы на свет, миллионы людей начинают новый день своей жизни, слагающейся из труда, забот, ничтожных удовольствий, ничтожных огорчений, соперничества, досады, великодушия. От тропиков до мрачного севера пение петухов предвозвещает надвигающуюся полосу рассвета. Рано встающий труженик спешит к своей работе; лиса и вор крадутся домой; бродяга расправляет свои окоченелые члены под стогом сена и настороженно вскакивает, прежде чем его заметит батрак; пахарь уже вышел в поле со своими лошадьми; в домах загорелись огни, и на очагах закипают котлы. Воздух теплеет с наступлением утра; переполненные поезда стремятся к городским центрам, на улицах усиливается движение, в состоятельной семье стол накрыт к завтраку, профессор начинает свою лекцию, приказчики приветствуют первых покупателей... С внешней стороны это как будто тот же довоенный мир. И, однако, это мир глубоко изменившийся. Исчезло чувство неизбежной рутины, державшее мир в рабстве шесть лет тому назад. Исчезла также привычная уверенность в безопасности. Мир был поставлен — по крайней мере, на время — перед великими опасностями и великими стремлениями. Эти умы, это бесчисленное множество умов, готовы воспринять новые идеи соперничества, долга и единения, и еще никогда они не были так готовы к этому. Дни старого хаотичного и враждующего мира сочтены; он доживает свои дни в ожидании великого переворота, наступление которого еще нельзя предопределить.

Каждое из этих сотен миллионов человеческих существ ищет, в той или иной форме, счастья; каждое увлечено сложными и противоречивыми побуждениями, руководимо привычкой, колеблемо низкими инстинктами, бесчисленными внешними влияниями, страстями и склонностями, неясными возвышенными идеями. Каждое из них способно на жестокости и благородные чувства, способно отчаиваться, преклоняться и совершать самоотверженные поступки. Все они склонны забывать; все они ослабевают при усталости и становятся боязливыми, низменными или неработоспособными при достаточном давлении. Безумство тщеславия заставляет всех их совершать нелепые поступки. Ни

одно из них не является последовательным до конца; и ни одно не является вполне порочным. Каждое из них может быть несчастным, каждое может переживать разочарование и раскаяние. Среди них нет ни одного, которое бы когда-нибудь не плакало. И в каждом из них есть искра божества. Каждое из них, несмотря на все эгоистические соблазны, все же смутно сознает в себе нечто общее, нечто такое, что могло бы создать единство из наших бесконечных различий. И каждое из них сознает это теперь лучше, чем в 1913 году. Во всем мире распространяется убеждение, что не может быть устойчивого счастливого индивидуального существования без справедливого уклада общественной жизни. Во всем мире растет уверенность, что существующий порядок вещей может быть изменен и, притом, изменен к лучшему, и что наши современные пороки устранимы. Мы видим с возрастающей ясностью, что наши жизни подтачиваются, омрачаются и уничтожаются потому, что в мире покамест нет мирового законодательства и мирового правосудия. Между тем, мировое законодательство и мировое правосудие вовсе не являются абсолютно недостижимыми. Это понимает теперь большее число людей, чем было возможно когда бы то ни было ранее. А сознавать потребность означает быть на полпути к ее удовлетворению. Это стремление к новому порядку вещей, этот отказ плыть пассивно по старому пути мы называем беспокойством, но, на самом деле, это скорее надежда, влекущая мир.

Какая реальная движущая сила скрывается во всех этих стремлениях к новому и более широкому строю? С какими направ...ющими силами столкнутся эти пробуждающиеся миллионы? Какие случайности и скрытые влияния могут подстеречь их и сбить с пути? Кончается одна эпоха и начинается другая. Глава мировой истории, повествующая о том, как из разложившегося христианства выросли великие державы, и о последующем безграничном национальном и индивидуальном эгоизме, привела к мировой катастрофе и закончилась. Что обещает грядущий исторический период?

БЛИЖАЙШИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД.

Возможность объединения мира на основах знания и воли.

1.

Мы довели наше изложение до настоящего времени, но мы не довели его до какой-либо развязки. Наш обзор останавливается на драматическом выжидательном моменте. История жизни, начавшейся неисчислимые миллионы лет тому назад, чреватая событиями история человечества, насчитывающая уже полмиллиона лет, доходит до кризиса в наши дни напряженного ожидания. Драма становится нашей драмой. Вы, я, все происходящее с нами и все наши действия, — все это войдет в ближайшую главу этого непрерывно продолжающегося повествования.

История проследила постепенный рост социальных и политических единств, созданных объединившимися людьми. В течение краткого периода в десять тысяч лет эти единства выросли из небольших племен-родов ранней культуры каменного века в обширные единые государства нашего времени — обширные, но все же еще слишком малые и раздробленные. И это изменение размеров государства — изменение, очевидно, не завершенное — сопровождалось глубокими изменениями в его природе. Принуждение и рабство уступили место идеям свободного сотрудничества, и суверенитет, некогда сосредоточивавшийся в самодержавном монархе и боге, широко распространился на все общество. До тех пор, пока римская республика не распространилась на всю Италию, не было ни одной свободной общины,

выходящей за пределы государства-города; все великие объединения были объединениями, подвластными монарху. Великая федеративная республика Соединенных Штатов, была бы невозможна до появления печатного станка и железной дороги. Телеграф и телефон, аэроплан, непрерывное развитие сухопутных и морских сообщений требуют теперь создания еще более широкой политической организации.

Если наш обзор не отклоняется от действительности и если его краткие выводы правильны, то из них явствует, что нам предстоит колоссальная задача приспособления к широкой перспективе, в которой совершаются события. Наши войны, наша социальная борьба, наши огромные экономические усилия — все это проявления такого приспособления. Лойяльность и верноподданичество являются, в лучшем случае, временными. Нашим истинным государством, которое уже возникает и которому каждый человек обязан отдавать всю свою политическую деятельность, должно быть теперь это нарождающееся Федеративное Мировое Государство, которого требуют все запросы человечества. Теперь наш истинный бог является богом всех людей. Божество национализма, подобно племенным божествам, должно уйти в царство теней. Нашей истинной национальностью является человечество.

В какой мере современные люди поймут и усвоят эту необходимость и возьмутся за пересмотр своих понятий, за перестройку своих учреждений и подготовку будущих поколений к этому предельному распространению прав гражданства? В какой мере останутся они погруженными во мрак, косность, рутину и традиции, сопротивляясь историческим силам, предоставляющим им на выбор либо бедствия, либо единение? Рано или поздно, это единение должно осуществиться; в противном случае, люди должны просто погибнуть от своих собственных изобретений. Мы вынуждены отвергнуть эту последнюю возможность, потому что мы верим в силу разума и в добрую волю человечества и в то, что эти свойства усиливаются в людях. Но путь к осуществлению первой возможности может оказаться либо весьма длинным и утомительным, весьма трагичным и тяжким, купленным страданиями многих поколений, либо может быть пройден довольно быстро — в течение одного или двух поколений. Это зависит от сил, природу которых мы теперь до известной степени знаем, но мощность которых нам неизвестна.

Предстоит огромная воспитательная работа, выполняемая по указаниям традиции, науки и опыта, но до сих пор не установлена количественная мера в деле просвещения, которая могла бы указать нам, *что именно* подлежит изучению или *kak скоро* это обучение может быть закончено. Наши расчеты изменяются в зависимости от наших настроений; срок может оказаться гораздо более долгим, чем мы надеемся, и гораздо более кратким, чем мы опасаемся.

Ужасный опыт великой войны заставил очень многих людей, ранее относившихся к политическим вопросам легкомысленно, отнестись к ним теперь весьма серьезно. Для некоторого небольшого числа мужчин и женщин осуществление всеобщего мира стало высшей целью жизни, религиозным долгом. Для гораздо большего числа людей эта задача стала, по меньшей мере, преобладающим мотивом. Многие из этих людей ищут теперь путей достижения этой великой цели или уже работают для ее осуществления пером и словом убеждения, через посредство школ, университетов и книг, на больших и проселочных дорогах общественной жизни. Быть может, в наши дни большинство людей на земле сочувствует этим усилиям, но сочувствует довольно смутно; они совершенно не обладают ясным сознанием того, что должно быть сделано и что должно быть предотвращено для достижения солидарности человечества. Загоревшаяся во всем мире вера и надежда в президента Вильсона, прежде чем он увял, не оправдав надежд, была весьма многозначительна именно для грядущей исторической эпохи. Этим объединительным импульсам противодействуют другие, всецело антагонистические мотивы: опасение и вражда к чуждым явлениям и народам, любовь и доверие к старым традиционным явлениям, патриотизм, расовые предрассудки, подозрительность, недоверие, а также элементарные инстинкты зависти, подлости и крайнего себялюбия, все еще столь сильные в человеческой душе.

До настоящего времени религия и воспитание были теми руководящими силами, которые боролись с жестокими, низкими и эгоистическими побуждениями, вносящими рознь в человеческую среду, и которые противостояли этим побуждениям. Религия и воспитание, эти два тесно переплетающихся влияния, сделали возможным возникновение великих человеческих обществ; они были главными синтетическими силами в течение великого процесса расширения человеческого сотрудничества. В интеллектуаль-

ных и теологических конфликтах девятнадцатого века мы находим объяснение того замечательного и своеобразного обособления религиозного воспитания от формального воспитания, которое является отличительной чертой нашей эпохи; мы отметили последствия этого периода религиозных споров и сомнений, выразившиеся в возвращении международной политики к грубому национализму и в извращении торгово-промышленного уклада, уклонившегося в сторону жестокой, эгоистической и тупой погони за прибылью. Произошло крушение старых сдерживающих начал и подлинная *децивилизация* человеческого сознания. Мы хотели бы подчеркнуть здесь ту мысль, что это обособление религиозного просвещения от организованного обучения неизбежно является временным, преходящим сдвигом, и что теперь воспитание снова должно стать религиозным по своему духу и целям; импульс благоговения, общественного служения и полного самоотречения, составлявший общую основу всех великих религий истекших двадцати пяти веков и так заметно ослабевший в течение периода благосостояния, распущенности, разочарованности и скептицизма последних семидесяти или восьмидесяти лет, — этот импульс появится вновь, бескорыстно и открыто, в качестве общепризнанного, фундаментального созидательного импульса в человеческом обществе.

Воспитание есть подготовка индивида к общественной жизни, а его религиозное просвещение есть сердцевина этой подготовки. В связи с великими интеллектуальными переоценками и приобретениями девятнадцатого века должна была неизбежно произойти ломка, смешение понятий и потеря определенных целей в педагогике. Мы не можем уже приготовлять индивида к участию в общественной жизни, если наши представления об обществе разбиты и находятся в процессе перестройки. Старые верования, старые, слишком ограниченные и узкие политические и социальные принципы, старые, слишком утонченные религиозные формулы утратили свою убедительность, и более широкие идеи мирового государства и экономического единства лишь весьма медленно завоевывали признание. До настоящего времени эти идеи овладели умами лишь меньшинства исключительных людей. Но из хаоса и трагедии наших дней может возникнуть нравственное и интеллектуальное возрождение, религиозное возрождение, способное своей простотой и широтой кругозора объединить людей чуждых рас и слить обособленные традиции в единый,

универсальный и устойчивый уклад жизни для служения обществу. Мы не можем предсказать мощь и широту этого возрождения; мы не можем даже указать признаки его наступления. Возникновение таких явлений никогда не бросается в глаза. Великие движения в расовом сознании появляются сначала, «как тать в ночи», и затем внезапно развертываются в своей универсальной мощи. Религиозное чувство — очищенное от извращений и освобожденное от последних хитросплетений духовенства — может вновь освежить жизнь своим дыханием, подобным сильному ветру, распахивающему двери и окна индивидуального бытия; религиозное чувство сделает возможным и легким многое, что в наши дни истощения кажется почти недостижимым [1]).

---

[1]) Содержательной книгой, дающей удачную характеристику течений современной религиозной мысли, является работа *G. W. Cooke* «Social Evolution of Religion».

2.

Допустим, что люди обладают сознанием справедливости и рассудительностью в достаточной мере для того, чтобы в них, под влиянием суровых уроков истории, возникло деятельное стремление ко всеобщему миру, — другими словами, деятельное стремление к созданию мирового законодательства и мирового правительства, — ибо иным путем нельзя себе представить осуществление всеобщего мира: каким образом может быть, в таком случае, достигнута эта цель? Несомненно, что движение не будет протекать одинаково во всех странах и что оно не выльется с самого начала в одинаковые формы. В одном месте оно найдет сочувственную и благотворную атмосферу, в другом — оно столкнется с глубокими традициями или расовой антипатией или с организованным низменным противодействием. В некоторых случаях люди, откликнувшиеся на призыв к новому строю, будут жить в государстве, почти готовом служить целям великого политического синтеза; в других случаях — им придется бороться, как заговорщикам, против господства дурных законов. В политической конституции таких стран, как Соединенные Штаты или Швейцария, лишь немного такого, что воспрепятствовало бы их соглашению с другими одинаково цивилизованными федерациями на основах искренней взаимности; что же касается политических систем, включающих зависимые территории и «подвластные народы», какова была Турецкая империя до великой войны, то они должны, тем или иным путем, прекратить существование, прежде чем будут приняты в мировую федеральную систему. Государству, проникнутому традициями агрессивной внешней политики, трудно войти в мировую лигу. Но хотя правительство и может

иногда содействовать, а иногда проявлять затаенную враждебность, тем не менее, основная задача здравомыслящих людей во всех государствах и странах остается неизменной: это — воспитательная задача, и ее сущность сводится к тому, чтобы приучить всех людей *к новому пониманию и истолкованию истории, к универсальному истолкованию истории,* как к необходимой предпосылке мирового сотрудничества.

Содержит ли Лига Наций, созданная договором 1919 года, зародыш какой-либо устойчивой федерации человечества? Вырастет ли она в нечто такое, ради чего «люди будут с готовностью работать и, если нужно, *сражаться*» [1]), подобно тому, как до настоящего времени они были готовы сражаться за свою родину и за свой народ? По отношению к Лиге теперь замечается мало признаков подобного энтузиазма. Лига, повидимому, даже не умеет говорить с массами. Она укрылась за стенами официальных учреждений, и сравнительно немногие знают или интересуются тем, что она там делает. Возможно, что Лига есть не более, как первоначальный проект объединения, ценный и образцовый лишь, как указание на недостатки и опасности, и обреченный уступить место новому, более определенному и полному плану, подобно тому, как параграфы конфедерации Соединенных Штатов были заменены федеральной конституцией. Лига является в настоящее время лишь сепаратной лигой правительств и государств. Она подчеркивает национальный принцип; она относится с уважением к суверенитету. Мир нуждается вовсе не в такой Лиге Наций и даже не просто в лиге народов, а в *мировой лиге людей.* Миру предстоит гибель, если суверенная власть не исчезнет и если национальности не будет отведена второстепенная роль. А к этому умы должны быть заранее подготовлены опытом, знанием и мыслью. Высшей задачей, предстоящей людям в настоящее время, является политическое воспитание.

Возможно, что возникновению мировой лиги будет предшествовать появление нескольких сепаратных лиг. Общие бедствия и общие неотложные потребности Европы и Азии могут оказаться более действительным средством для вразумления и объединения европейских и азиатских государств, чем одни только интеллектуальные и сентиментальные узы, соединяющие Великобританию, Соединенные Штаты и Францию. Возможно возник-

---

[1]) *C. O. Stallybrass* «Society of States». *(Прим. пер.).*

новение Соединенных Штатов Старого Света в противовес возможности возникновения Атлантической федерации. Более того, многое говорит за возможность американского эксперимента, панамериканской лиги, в которой европейские колонии в Новом Свете играли бы такую же роль, какую играл Люксембург во времена Германского союза.

Мы не станем взвешивать здесь ту долю работы по перестройке и объединению человеческих отношений, которая может быть выполнена путем проповеди и пропаганды трудового интернационализма, путем изучения международного финансового положения, при посредстве таких — противодействующих обособленности — сил, как наука и искусство, а также путем распространения исторических знаний. Все эти факторы могут оказать совместное влияние, в котором невозможно будет точно выделить долю каждого из них. Оппозиция может рассеяться почти незаметно, а враждующие культуры могут слиться в единую. Смелый идеализм наших дней может показаться завтра не более, как простым здравым смыслом. И задача предсказания осложняется возможностью остановок и попятных движений. История никогда не двигалась по прямой линии. В особенности годы, непосредственно следующие за большой войной, являются обыкновенно годами явного регресса; в такое время люди слишком устают для того, чтобы разбираться в происшедшем, видеть, что было сметено и что стало достижимым.

Следующие явления, повидимому, повелительно приводят в наши дни к созданию соответствующего мирового органа власти:

1) Возрастающая разрушительность и невыносимость войны при применении новейших научных открытий.

2) Неизбежность слияния мировых экономических отношений в единую систему, вытекающая отсюда необходимость некоторого всеобщего контроля над денежным обращением и потребность в безопасных и постоянных путях сообщения и в свободном передвижении грузов и людей по морю и суше на всем земном шаре. Для удовлетворения этой потребности понадобится создание мирового органа власти, обладающего весьма значительным авторитетом и средствами принуждения.

3) Необходимость повсеместного действительного санитарного надзора, вследствие возрастающей подвижности населения.

4) Неотложная необходимость некоторого уравнения условий труда и установления прожиточного минимума во всем мире.

С этим, повидимому, связано, как неизбежное следствие, установление известного образовательного минимума, обязательного для всех.

5) Невозможность использования огромных преимуществ авиации без мирового надзора за воздушными путями.

Неизбежность и логичность всех подобных соображений порождает — несмотря на борьбу рас и традиций и беспримерные затруднения, создаваемые различием языков, — непреодолимую уверенность в том, что ближайший период истории человечества будет периодом сознательной борьбы за политическое объединение мира. Факторы, требующие создания этого мирового объединения, являются настоятельными *потребностями*, и некоторые из них затрагивают интересы почти каждого человека; удовлетворению этих насущных потребностей препятствуют лишь преходящие затруднения — без сомнения, значительные, но преходящие: предрассудки, страсти, вражда, расовое и национальное ослепление, эгоизм и тому подобные неустойчивые и эфемерные явления, появляющиеся в человеческом сознании благодаря воспитанию и внушению; ни одно из этих явлений не приносит пользы существованию и благосостоянию тех индивидов, которые подпали под их влияние, и тех государств, городов и обществ, в которых эти явления преобладают.

3.

Наш обзор был бы неудовлетворителен, если бы в нем не было формулировано наше убеждение относительно характера государства, к возникновению которого приближается мир. Наметим здесь, в весьма кратких словах, те основные черты, к которым, повидимому, приводит ход истории, как к необходимым принципам этой мировой организации. Созданию этого мирового государства могут в наши дни препятствовать и противодействовать многие и, видимо, огромные силы; но оно имеет на своей стороне гораздо более могучую силу свободно развивающегося коллективного сознания человечества. В наши дни на земном шаре существует небольшое, но постоянно возрастающее число людей — историков, археологов, этнологов, экономистов, социологов, психологов, педагогов и т. п., — выполняющих для человеческих учреждений ту же работу творческого анализа, которую в семнадцатом и восемнадцатом столетиях выполняли люди науки для материального механизма человеческой жизни; и подобно тому, как эти последние, почти не сознавая, что они творили, сделали возможными телеграф, ускоренный морской и сухопутный транспорт, авиацию и тысячу других, до того времени невозможных вещей, точно так же и первые, быть может, делают больше, чем подозревают мир и они сами: они выясняют и указывают в сфере важнейших и неотложнейших человеческих нужд то, что должно быть совершено, и тот путь, каким оно должно быть совершено.

В подражание пророческому настроению Роджера Бэкона, позволим себе формулировать те общие принципы, которые, по

нашему мнению, должны лечь в основу будущего мирового государства.

I. Оно будет опираться на всеобщую мировую религию, значительно упрощенную, лучше понятую и получившую более универсальный характер. Это не будет ни христианство, ни ислам, ни буддизм, ни какая-либо иная подобная частная форма религии: это будет чистая и незапятнанная религия, как таковая, царство небесное, братство, творческое служение и самоотверженность. Во всем мире — мысли и побуждения людей, под влиянием воспитания, примера и окружающей идейной атмосферы, будут отвлечены от мании эгоизма к жизнерадостному служению человеческому знанию, человеческой мощи и человеческому единению.

II. Это мировое государство будет опираться также на всеобщее обучение, организованное в таком масштабе, с такой обдуманностью и на таком высоком уровне, как оно не бывало организовано никогда. Будет *обучаться* все человечество, а не только отдельные классы и народы. Большинство родителей будет практически знакомо с педагогикой. Совершенно независимо от родительских обязанностей, около десяти или более процентов взрослого населения будут в том или ином периоде своей жизни работать в педагогической организации мира. И годы учения, в понимании новой эпохи, будут длиться всю жизнь; учение не будет прекращаться в каком бы то ни было возрасте. Мужчины и женщины, становясь старше, будут просто становиться самоучками, самостоятельными научными работниками и преподавателями.

III. Не будет ни армий, ни флотов, ни безработных, ни богатых или бедных классов населения.

IV. Организация научных исследований и регистрация их результатов, по сравнению с современной, будет напоминать океанский пароход, поставленный рядом с вырытым из земли челноком кочевника палеолитического периода.

V. Будет существовать обширная вольная литература, посвященная критическому обсуждению различных вопросов.

VI. Мировая политическая организация будет демократической, то-есть руководящая и правящая власть будет тесно связана и ответственна перед всем мыслящим и образованным населением.

VII. Экономическая организация мира будет выражаться в эксплоатации для общего блага всех естественных богатств

и всех открываемых наукой новых возможностей при посредстве агентов и служащих мирового правительства. Частная предприимчивость будет уже не обирающим хозяином, а слугою республики — полезным, высокоценимым и хорошо оплачиваемым.

VIII. Все вышеупомянутое предполагает два достижения, осуществление которых кажется нам весьма трудным теперь. Они касаются устройства общественного механизма, но они так же существенны для мирового благосостояния, как для солдата, при всей его храбрости, необходимо, чтобы его пулемет действовал без отказа, а для летчика, чтобы его рулевой механизм не отказывался работать в воздухе. Условием политического благосостояния является избирательное право, а условием экономического благосостояния — денежное обращение, при чем и то, и другое должно быть предохранено или недосягаемо для манипуляций и уловок пронырливых или бесчестных людей.

4.

Вряд ли можно сомневаться в том, что осуществление федерации всего человечества, на-ряду с достаточной мерой социальной справедливости, в целях обеспечения большинству появляющихся на свет детей здоровья, образования и приблизительного равенства шансов, — привело бы к такому освобождению и возрастанию человеческой энергии, которое открыло бы новую эпоху в истории человечества. Прекратились бы огромные траты, вызываемые военными приготовлениями и взаимными интригами соперничающих великих держав, и еще более огромные потери, вызываемые низкой производительностью труда множества людей; не было бы людей слишком богатых для того, чтобы иметь побуждение к труду, либо слишком бедных для того, чтобы интенсивно работать. Произошло бы значительное повышение снабжения человечества предметами потребления, повышение уровня существования и явно необходимое развитие транспорта и удобств всякого рода; множество людей получило бы возможность перейти от черной работы к таким видам интеллигентного труда, как искусства всех родов, преподавание, научные исследования и т. п. Во всем мире произошло бы освобождение человеческих дарований, доныне имевшее место лишь в небольших областях и в течение весьма кратких периодов благосостояния и безопасности. Если не предполагать возможности случайного, самопроизвольного нарождения гениев в прошлом, то необходимо заключить, что Афины времен Перикла, Флоренция эпохи Медичи, Англия времен Елизаветы, великие деяния Осаки [1],

[1]) Царь Осака, сын Селевка I, — один из наиболее выдающихся властителей, напоминающий Карла Великого. Он царствовал в Индии в III веке до нашей эры. *(Прим. перев.)*

эпохи династий Танг и Минг [1]) в искусстве — все это лишь примеры того, что мог бы давать постоянно и полностью весь мир, если бы он находился в неизменной безопасности. История оправдывает эти ожидания, при чем нет необходимости в какой-либо изменении человеческой натуры, а нужно лишь ее освобождение от пут существующей системы хаотического хищничества.

Мы знаем, что со времени освобождения человеческой мысли, происшедшего в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях, сравнительно немногие любознательные и одаренные люди, преимущественно в Западной Европе, создали мировоззрение и науку, революционирующие теперь материальную сторону жизни. Большинство этих людей работало в обстановке чрезвычайно неблагоприятной, с недостаточными средствами и при ничтожном участии или поддержке со стороны остального человечества. Нельзя поверить, чтобы эти люди представляли собой максимум интеллектуальной жатвы всего поколения. Одна Англия в течение последних трех столетий произвела на свет, несомненно, десятки Ньютонов, никогда не научившихся читать, сотни Дальтонов, Дарвинов, Бэконов и Гексли, захиревших в лачугах и никогда не имевших случая проявить свои способности. Во всем мире, несомненно, существовали мириады потенциальных перворазрядных исследователей, превосходных художников, творческих умов, которых никогда не осенил луч вдохновения или счастья, — целые мириады неудачников на каждого из тех, кто оставил свой след в мире. В одних окопах Западного фронта в течение последней войны преждевременно погибли тысячи потенциальных великих людей. Но мир, обладающий сколько-нибудь прочным международным миром и социальной справедливостью, будет уловлять таланты густым неводом всеобщего обучения и может ожидать несравненно более обильного улова способных и блестяще одаренных людей, еще не бывалого в истории.

Подобные соображения являются достаточным оправданием предстоящего в близком будущем сосредоточения усилий на созидании из окружающего хаоса нового мирового государства, основанного на справедливости. Война — ужасная вещь, и она постоянно становится все более ужасной и отвратительной, так

[1]) Китайские династии (с VII века до нашей эры); эпоха возрождения Китая. (Прим. перев.).

что, если она не исчезнет, то исчезнет человеческое общество; социальная несправедливость и зрелище порождаемых ею ограниченных и угнетенных человеческих существ потрясают душу; но сильнейшим побуждением к созидательной политической и социальной деятельности является для одаренного воображением ума не столько надежда устранить зло, сколько возможность великих достижений, которая откроется человечеству после устранения этого зла. Мы хотим отделаться от милитариста не просто потому, что он вредит и убивает, а потому, что он — невыносимый болтливый болван, своим наглым хвастовством мешающий нам итти по пути прогресса. Мы хотим уничтожить многие нелепые крайности права частной собственности совершенно так же, как мы хотели бы убрать какого-нибудь идиота-сторожа, который не пускал бы нас в мастерскую, где мы могли бы выполнить прекрасную работу.

Есть люди, которые, повидимому, воображают, будто с возникновением нового мирового порядка и всеобщего правосудия прекратятся всякие человеческие отважные предприятия. На самом деле, они только начнутся с этого момента. Но, вместо приключений прошлого, вместо «романтизма» кинематографического мира, вместо постоянной игры на пошлых сексуальных, кровожадных и золотоискательных эмоциях, начнутся бесконечные исследования, расширяющие границы опыта. До сих пор человечество жило в грязных городах, в атмосфере ссор, мстительности, тщеславия, бесстыдства и разврата, неудовлетворенных желаний и крайней нужды. Оно еще почти не дышало свежим воздухом и не вкусило тех великих мировых возможностей, которые открыла перед ним наука.

Представить себе уголок этой более широкой жизни, которая откроется людям благодаря объединению мира, — задача весьма привлекательная. Пульс жизни будет, несомненно, биться сильнее, дыхание жизни будет глубже, так как будут изгнаны и побеждены сотни болезней тела и духа, которые теперь делают жизнь убогой и скудной. Уже было указано на значительное освобождение человеческой жизни от тягостного труда благодаря появлению машин, этой новой расы рабов. Этот фактор, — а также прекращение войн и сглаживание всевозможных стеснений и распрей при помощи более справедливого социального и экономического порядка — снимет с плеч наших детей бремя тягостного и рутинного труда, ценою которого покупалось чело-

веческое существование со времени первых проблесков цивилизации. Это не означает, что наши дети перестанут работать; они лишь освободятся от томительного труда, вызванного давлением необходимости, и будут работать свободно, планомерно, творчески, сообразно своим дарованиям и склонностям. Они будут бороться с природой уже не как тупые рекруты кирки и плуга, а для блестящих завоеваний. Только малодушная угнетенность наших дней мешает нам ясно понять, что в течение немногих поколений всякий небольшой провинциальный город мог бы стать Афинами, всякое человеческое существо могло бы быть здоровым душевно и телесно и облагороженным в своем поведении, весь земной шар — рудником человечества, а отдаленнейшие области земли — его ареной.

В этом лучше организованном мире будет мало места тяжелому физическому труду. Универсальным чернорабочим будут силы природы, запряженные в машины. Оставшаяся необходимой черная работа будет выполняться каждым в качестве общественной обязанности в течение нескольких лет или месяцев за всю жизнь; эта работа не будет унижать и поглощать целиком чье бы то ни было существование. И не только чернорабочие, но и многие другие типы и профессии, играющие видную роль в современной социальной системе, неизбежно потеряют свое значение или совершенно исчезнут. Будет меньше, или даже совершенно не будет, профессиональных военных, не будет таможенных чиновников; параллельно с ростом числа учителей будут исчезать большие контингенты полицейских и многочисленные персоналы тюремных служащих; реже будут встречаться или совершенно исчезнут дома умалишенных; улучшение санитарных условий во всем мире уменьшит количество больниц, сиделок и т. п.; установление справедливых экономических отношений уменьшит число мошенников, плутов, игроков, барышников, паразитов и спекулянтов вообще. Но в этом грядущем мире не уменьшится возможность романтических приключений. Морское рыболовство и непрестанная борьба с морем, например, будут требовать сильных людей особого типа; мужество будет необходимо в воздушном пространстве, в глубоких и опасных тайниках земли. Люди вновь, с обновленным интересом, обратятся к миру животных. В нашу распущенную эпоху происходит бессмысленное, стихийное истребление целых животных видов, и, с известной точки зрения, это явление, пожалуй, еще

трагичнее, чем человеческие бедствия; в девятнадцатом столетии были истреблены десятки видов животных, в том числе несколько весьма интересных; и потому одним из первых плодов деятельности мирового государства должна быть лучшая охрана нынешних диких животных. С удивлением приходится отметить, как мало было сделано в истории человечества, начиная с бронзового века в области приручения, использования, заботы и изучения жизни окружающих нас животных. Но бессмысленное избиение животных, называемое в наши дни спортом, в лучше воспитанном мировом обществе неизбежно будет вытеснено видоизменением первобытного инстинкта, выражающегося в таком избиении, — этот инстинкт превратится из влечения к убийству в интерес к жизни животных и приведет к новым, и, быть может, весьма своеобразным и прекрасным попыткам приучить эти трогательные, сродные нам низшие существа, которых мы уже не опасаемся, как врагов, не ненавидим, как соперников, и в которых уже не нуждаемся, как в рабах. И мировое государство и мировое правосудие вовсе не означают, что человечество будет заточено в оковы холодного установленного порядка. Останутся по-прежнему горы и моря, джунгли и огромные леса — правда, оберегаемые, ценимые и охраняемые; по-прежнему перед нами будут расстилаться обширные равнины и будет носиться вольный ветер. Но люди не будут так сильно ненавидеть и бояться, так беззастенчиво обманывать, и будут держать свои души и тела в большей чистоте.

Встречаются мрачные пророки, усматривающие в объединении человечества в одну семью возможность жестоких столкновений рас, борьбы за «власть»; но это равносильно предположению, что цивилизация не способна установить такой порядок, при котором люди различных положений, темпераментов и внешности будут жить бок-о-бок, выполняя различные роли и внося неодинаковые вклады в общее дело. Сплетение всего человечества в единое общество вовсе не обусловлено организацией однородного общества, а скорее требует противоположного: признания и надлежащего использования разнообразных склонностей в атмосфере взаимного понимания. Только господствующая почти повсюду в наше время извращенность нравов делает расы невыносимыми друг для друга. Общество, к осуществлению которого мы, повидимому, движемся, будет более смешанным, — что не означает непременно «скрещенным», —

более разнообразным и более интересным, чем любое из существующих в настоящее время. Общества, организованные по одному шаблону, представляют собою скорее явления прошлого, чем будущего.

Одной из труднейших, почти не выполнимых задач, какие может поставить себе писатель, является изображение жизни народа, более просвещенного, более счастливого в отношении окружающих условий, более свободного и более здорового, чем сам автор. Мы достаточно хорошо знаем теперь, что всякое человеческое предприятие содержит возможности своего бесконечного улучшения. Необходимо только коллективное усилие. Наша нищета, окружающие нас стеснения, наши болезни, наши ссоры и взаимное непонимание, — все это явления, доступные регулированию и устранимые путем соединенных человеческих усилий; но мы настолько же мало знаем, какова была бы жизнь без этих явлений, насколько какое-нибудь жалкое, грязное, забитое, озлобленное существо, родившееся и выросшее в жестокой и мрачной обстановке беднейших кварталов европейского города, может понимать, что значит ежедневно принимать ванну, всегда быть хорошо одетым, взбираться на горы для развлечения, летать, жить исключительно в среде привлекательных и воспитанных людей, заниматься научными исследованиями или искусством. И все же, то время, когда все эти блага будут доступны всем людям, быть может, ближе, чем мы думаем. Всякий верующий в это приближает это счастливое время; всякий сомневающийся отдаляет его.

Нельзя предвидеть всех неожиданностей и разочарований, которыми чревато будущее. Прежде чем эта глава о Мировом Государстве появится в наших исторических трудах, придется, быть может, написать другие, еще неведомые главы, столь же длинные и так же наполненные описаниями столкновений, как наше описание роста и соперничества великих держав. Еще возможны трагические экономические конфликты, беспощадные схватки между расами и между классами. Мы не знаем; мы не можем предвидеть. Эти катастрофы не являются необходимыми, но они могут оказаться неизбежными. История человечества все более и более напоминает ристалище, бег вперегонки просвещения и катастрофы. В борьбе против объединяющих усилий христианства и против объединяющего влияния механической революции победила катастрофа. Могут возникнуть

новые виды лжи, которые в течение некоторого времени могут удерживать людей в путах какого-либо несправедливого и рокового порядка вещей, прежде чем они рассеятся среди бедствий и кровопролития. И все же, неуклюже или плавно, мир видимо прогрессирует и будет прогрессировать. В нашем «Обзоре мировой истории», описывая быт людей палеолитического периода, мы заимствовали у Вортингтона-Смита [1]) изображение наиболее высокого уровня жизни на земле около пятидесяти тысяч лет тому назад. Эта была грубо животная жизнь. Мы набросали, там же, картину собраний для человеческих жертвоприношений, происходивших около пятнадцати тысяч лет тому назад. Эта сцена опять-таки кажется почти невероятно жестокой современному цивилизованному читателю. И, однако, прошло не более пятисот лет с того времени, когда вся великая империя Ацтеков еще верила, что она существует только благодаря пролитию крови. Ежегодно сотни человеческих жертв умирали в Мексике такой смертью: тело выгибалось, подобно луку, на изогнутом жертвенном камне, грудь вскрывалась агатовым ножом, и жрец вырывал бьющееся сердце из груди еще живой жертвы. Быть может, близок день, когда мы перестанем вырывать человеческие сердца даже во имя наших национальных богов.

---

[1]) *Worthington Smith* «Man the Primeval Savage».

5.

История есть и всегда должна быть не чем иным, как обзором человеческих начинаний. Мы берем на себя смелость предсказать, что в ближайших ее главах, имеющих быть написанными, будет итти речь — хотя, быть может, и с долгими периодами неудач и катастроф — об окончательном достижении мирового политического и социального единства. Но когда последнее будет достигнуто, то это еще не будет означать наступления покоя, даже передышки перед новой борьбой и новыми, более напряженными усилиями. Люди объединятся только для того, чтобы еще более интенсивно искать знания и мощи и чтобы жить, как всегда, ради новых возможностей. Животный и растительный мир, загадочные психологические процессы, скрытая структура материи и недра земли — все это откроют свои тайны и обогатят своего завоевателя. Жизнь постоянно начинается сначала. Собранная, наконец, под владычеством человека, — этого ученика и учителя вселенной, — объединенная, дисциплинированная, вооруженная скрытой энергией атома и превышающим наши мечты знанием, вечно умирающая для того, чтобы родиться вновь, вечно юная и стремительная, — жизнь восстанет тогда на нашей земле и распространит свое царство до самых звезд.

